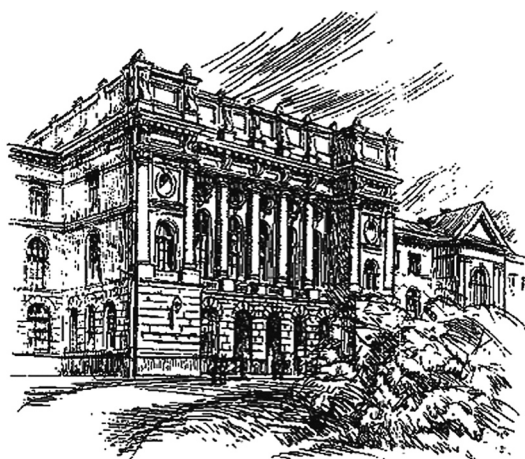

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

3 (250) 2016

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2016

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Згуровский М.З., ин. чл. РАН, академик НАН Украины; *Костюк В.В.*, академик РАН;
Лагарьков А.Н., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН; *Окрепилов В.В.*, академик РАН;
Патон Б.Е., академик НАН Украины и РАН; *Рудской А.И.*, чл.-кор. РАН;
Тендлер М.Б., ин. чл. РАН (Швеция); *Федоров М.П.*, академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дестярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Бордовская Н.В., академик РАО; *Бордовский Г.А.*, академик РАО;
Дудник С.И., д-р филос. наук, профессор СПбГУ; *Поршнева О.С.*, д-р ист. наук,
профессор УрФУ (Екатеринбург); *Тряпицына А.П.*, чл.-кор. РАО.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор – главный редактор;
Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – зам. главного редактора;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор; *Ван Ци*, профессор Университета Цинхуа, PhD (КНР);
Гогоберидзе А.Г., д-р пед. наук, профессор РГПУ; *Даринская Л.А.*, д-р пед. наук, доцент СПбГУ;
Дианова В.М., д-р филос. наук, профессор СПбГУ; *Кулик С.В.*, д-р ист. наук, профессор;
Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ; *Михайлов А.А.*, д-р ист. наук, профессор Военной
академии Генерального штаба ВС РФ; *Осокина Е.*, д-р ист. наук, профессор Университета Южной
Каролины (США); *Погодин С.Н.*, д-р ист. наук, профессор; *Попова Н.В.*, д-р пед. наук, профессор;
Порохня В.С., д-р ист. наук, профессор МАИ; *Романенко И.Б.*, д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Савчук В.В., д-р филос. наук, профессор СПбГУ; *Стрельченко В.И.*, д-р филос. наук, профессор РГПУ;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор; *Ульянова С.Б.*, д-р ист. наук, профессор;
Халяпина Л.П., д-р пед. наук, профессор.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года журнал издавался в составе сериального издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ», в 2012 году он был зарегистрирован как самостоятельное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Журнал, сохраняя преемственность, продолжая научные и публикационные традиции сериального издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ», издается под сдвоенным международным стандартным серийным номером ISSN 1994-2354 (сериальный), ISSN 2304-9758. Журнал имеет двуязычное оформление и публикует статьи на русском и английском языках.

Тематические разделы издания соответствуют отраслям науки согласно Номенклатуре специальностей научных работников (утв. приказом Минобрнауки РФ от 25.02.2009 г. № 59, в ред. приказов Минобрнауки

РФ от 11.08.2009 г. № 294, от 16.11.2009 г. № 603, от 10.01.2012 г. № 5, от 20.02.2015 г. № 114), по которым присуждаются ученые степени: 07.00.00 – Исторические науки и археология, 09.00.00 – Философские науки, 13.00.00 – Педагогические науки.

Подписной индекс **80634** в Объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

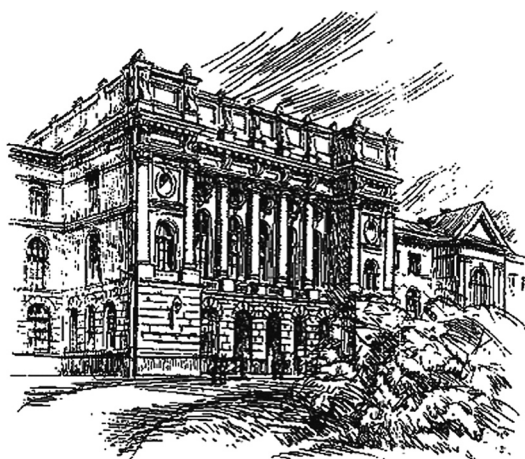
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции (812) 294-47-72.

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL**

**Humanities and Social
Sciences**

3 (250) 2016

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2016

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University (head of the editorial council); *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Zgurovskii M.Z.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences, full member of the National Academy of Sciences of Ukraine; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lagar'kov A.N.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Tendler M.B.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc. (tech.), prof.; *Babkin A.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc. (tech.), prof.; *Glukhov V.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc. (tech.); *Ivanov V.K.*, Dr.Sc. (phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc. (phys.-math.), prof.; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief; *Yusupov R.M.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., Dr.Sc. (philol.), academician of the Russian Academy of Sciences – chairman of the board; *Bordovskaya N.V.*, Dr.Sc. (ped.), prof. of the St. Petersburg State University, academician of the Russian Academy of Education; *Bordovsky G.A.*, academician of the Russian Academy of Education; *Dudnik S.I.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University; *Porshneva O.S.*, Dr.Sc. (history), prof. of the Ural Federal University (Ekaterinburg); *Tryapitsyna A.P.*, Dr.Sc. (ped.), prof., corresponding member of the Russian Academy of Education.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., Dr.Sc. (philos.), prof. – editor-in-chief;
Shipunova O.D., Dr.Sc. (philos.), prof. – deputy editor-in-chief;
Almazova N.I., Dr.Sc. (ped.), prof. of the SPbPU; *Darinskaya L.A.*, Dr.Sc. (ped.), associate prof. of the St. Petersburg State University; *Dianova V.M.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University; *Gogoberidze A.G.*, Dr.Sc. (ped.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia; *Khalyapina L.P.*, Dr.Sc. (ped.), prof.; *Kulik S.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Markov B.V.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University; *Mikhailov A.A.*, Dr.Sc. (history), prof. at the Military Academy of the Russian Armed Forces General Staff; *Osokina E.*, Dr.Sc. (history), prof. of the University of South Carolina (USA); *Pogodin S.N.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Popova N.V.*, Dr.Sc. (ped.), prof.; *Porokhnaya V.S.*, Dr.Sc. (history), prof. of the Moscow Aviation Institute; *Romanenko I.B.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia; *Savchuk V.V.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the St. Petersburg State University; *Strelchenko V.I.*, Dr.Sc. (philos.), prof. of the Herzen State Pedagogical University of Russia; *Surygin A.I.*, Dr.Sc. (ped.), prof.; *Ulyanova S.B.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Wang Qi*, prof. of the Tsinghua University, Ph.D. (China).

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of Ph.D theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

This journal has been published as a part of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal serial publication since 2010. It is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) in 2012. Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

The journal, which is published under both International Standard Serial Numbers (ISSN 1994-2354 and ISSN 2304-9758), aims to maintain continuity and keep up the tradition of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal.

It is a bilingual journal which publishes articles in both Russian and English.

The journal is divided into thematic sections that correspond to the fields of study in which postgraduates gain science degrees. The nomenclature of scientific specialties

has been approved by order No. 59 dated 25/02/2009 of the Russian Ministry of Education and Science, and amended by order No. 294 dated 11/08/2009, No. 603 dated 16/11/2009, No. 5 dated 10/01/2012, and No. 114 dated 20/02/2015: 07.00.00 – historical sciences and archeology, 09.00.00 – Philosophical sciences, 13.00.00 – Pedagogical sciences.

Subscription index **80634** in the “Press of Russia” Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2016

Содержание

История

История российского социума

Кулик С.В., Самыловская Е.А. <i>Латышские партизаны в антифашистском движении сопротивления на Северо-Западе России</i>	9
Алексеев Т.В. <i>Перестройка промышленности России на военный лад: итоги и уроки Первой мировой войны</i>	16
Орав В.А. <i>Партийно-советское руководство Ленинградской области и развитие Карельского перешейка в 1940-х – начале 1950-х годов</i>	26
Портнягина Н.А. <i>В.Г. Короленко и Ф.В. Филонов: к истории одного террористического акта</i>	34

Международные отношения

Ван Ци. <i>Становление российского монголоведения в XVIII–XIX веках</i>	46
Бахтуридзе З.З. <i>Грузия и Евросоюз: партнерский потенциал и интеграционные структуры</i>	51
Люй Сыцун. <i>Проблемы истории китайской революции (1925–1927) в работах сотрудников Коммунистического университета трудящихся Востока</i>	61
Тараканова Т.С. <i>Внешиполитические концепции Китайской Народной Республики</i>	68

Исторические науки и археология

Самохин К.В. <i>Модернизация в истории России XVIII–XX веков: стартовые условия, механизм реализации и особенности проявления</i>	74
--	----

Философия

Проблемы XXI века

Желнин А.И. <i>Идея «биологической недостаточности» человека как фундамент трансгуманизма и ее критический анализ</i>	86
Шипунова О.Д., Мурейко Л.В. <i>Когнитивные сценарии в конструировании массового сознания</i>	93

Философские аспекты социального управления и регионоведения

Коваленко В.А. <i>«География голода» на карте мира</i>	102
Демидова Е.Н. <i>Урбанизация как процесс, влияющий на рекламу</i>	107

Философия права и государственного управления

- Васильева С.А.** Проблемы реформирования английской системы уголовных наказаний в памфлете Б. Мандевиля «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне» 114

Философские и культурологические исследования

- Лезгина М.Л., Иванов В.Г.** Трансформация математической идеи в античности как предмет философского анализа 121
- Мартынова С.А.** Субъективность и травматичный другой..... 129
- Пигров К.С., Трофимова Е.А.** К исследованию концепта времени восточноевропейского модерна: пафос и ирония..... 137
- Серкова В.А.** Идеал «строгой науки» в философии..... 148

Педагогика

Проблемы высшей школы

- Гуськова Т.В., Дианова Ю.А.** Оценка эффективности деятельности педагогических работников высшей школы 154

Профессиональное образование

- Дашкина А.И., Абдуллахитов Р.Ш.** Формирование основ переводческой компетенции при взаимодействии студентов в компьютерной обучающей среде 162
- Сергеев А.Н., Медведев П.Н., Сергеева А.В.** Моделирование в системе проектно-технологической подготовки бакалавров..... 171

Contents

History

History of the Russian society

Kulik S.V., Samylovskaya E.A. <i>Latvian partisans in the anti-fascist resistance movement in North-West Russia</i>	9
Alekseev T.V. <i>The switch of the Russian industry to warfooting: results and lessons of the First World War</i>	16
Orav V.A. <i>The Leningrad region party and state leadership and the development of the Karelian Isthmus in the 1940s – early 1950s</i>	26
Portnyagina N.A. <i>V.G. Korolenko and F.V. Filonov: to history of one act of terrorism</i>	34

International relationships

Wang Qi. <i>The beginning of mongolian studies in Russia (XVIII–XIX centuries)</i>	46
Bakhturidze Z.Z. <i>Georgia and the European Union: the potential of partnership and integration structures</i>	51
Lu Sycon. <i>History of Chinese revolution of 1925–1927 in the works of teachers of Communist university of Eastern toilers</i>	61
Tarakanova T.S. <i>Foreign policy conception of the People’s Republic of China</i>	68

Historical sciences and archeology

Samokhin K.V. <i>Modernization in Russian history of XVIII–XX centuries: starting conditions, realization mechanism and display peculiarities</i>	74
--	----

Philosophy

Challenges of the XXI century

Zhelnin A.I. <i>The concept of human “biological insufficiency” as fundament of transhumanism and its critical analysis</i>	86
Shipunova O.D., Mureyko L.V. <i>Cognitive scenarios in the design of mass consciousness</i>	93

Philosophical aspects of social management and Area

Kovalenko V.A. <i>“The geography of hunger” on the world map</i>	102
Demidova E.N. <i>Urbanization as a process of influencing advertising</i>	107

Philosophy of Law and Public Administration

- Vasileva S.A.** *The problematic of penal reforms in England in a pamphlet “The enquiry into the causes of the frequent executions at Tyburn” (1725) by B. Mandeville* 114

Philosophical and cultural studies

- Lezgina M.L., Ivanov V.G.** *Transforming of mathematical idea in antiquity as the subject of philosophical analysis* 121
- Martynova S.A.** *Subjectivity and the traumatic other* 129
- Pigrov K.S., Trofimova E.A.** *To study the concept of time in east European modern era: the pathos and irony* 137
- Serkova V.A.** *The ideal of a “strict science” in philosophy* 148

Pedagogy

Problems of higher school

- Guskova T.V., Dianova Yu.A.** *The assessment of activity effectiveness of higher school teaching employees* 154

Professional education

- Dashkina A.I., Abdullakhitov R.Sh.** *Building the basis of translation competence through students’ interaction in computer learning environment* 162
- Sergeev A.N., Medvedev P.N., Sergeeva A.V.** *Modeling in the bachelors’ design and technological preparation system* 171

DOI 10.5862/JHSS.251.1
УДК 94(47).084.8

С.В. Кулик, Е.А. Самыловская

ЛАТЫШСКИЕ ПАРТИЗАНЫ В АНТИФАШИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Во время Великой Отечественной войны над народами нашей страны нависла угроза не только лишения государственности, но и полного физического уничтожения. Партизанское движение было важным фактором в достижении победы над нацистской Германией и ее союзниками. Оно развернулось на всей оккупированной территории страны и имело значительный размах и результативность. Партизаны и подпольщики по сути являлись вторым фронтом Красной армии. Они вели борьбу в экстремальных условиях вражеской оккупации. Цель статьи – показать роль и значение совместной борьбы представителей разных народов СССР против гитлеровских захватчиков. Основываясь на анализе архивных документов, мемуаров и научной литературы, авторы статьи приходят к выводу, что в начальный период войны антифашисты из Латвии активно участвовали в партизанском движении на территории Ленинградской области. Именно оно стало для них серьезной школой войны в тылу врага.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; СЕВЕРО-ЗАПАД РОССИИ; ЛАТВИЯ; ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ; ОККУПАЦИЯ.

В 2016 году исполнилось 75 лет со дня начала Великой Отечественной войны.

В 1941–1944 годах линия фронта проходила по территории Ленинградской области. Ее западные районы оказались под гитлеровской оккупацией. Советское руководство, до начала боевых действий поддерживавшее доктрину «малой кровью, могучим ударом – воевать будем на чужой территории», не ожидало столь трагических для Красной армии поражений первых месяцев войны, тем более что линия государственной границы СССР в 1940 году значительно отодвинулась на запад.

В современных прибалтийских государствах – Эстонии, Латвии и Литве – принято считать, что с 1940 года они находились под двумя оккупациями: нацистской и советской. При этом характерна героизация людей, боровшихся против коммунистического режима.

Однако эти люди (легионеры, «лесные братья», полицейские) часто являлись активными коллаборационистами. Они сотрудничали с гитлеровцами и их союзниками, принимали участие в карательных операциях в России и Белоруссии, осуществляли политику геноцида по отношению к еврейскому населению и советским военнопленным. Участие же граждан Эстонии, Латвии и Литвы в борьбе с гитлеровцами в рядах Красной армии и советских партизанских отрядов в официальной историографии прибалтийских стран в значительной степени принижается, замалчивается или вульгаризируется.

Инкорпорацию прибалтийских государств в состав СССР их население встретило неоднозначно, но представители левых политических партий, профсоюзов, часть интеллигенции отнеслись к ней вполне положительно. Именно поэтому в 1941 году они предпочли отойти

вместе с частями РККА. Так поступили и воины 24-го (Латвийского) территориального стрелкового корпуса, подразделений добровольческих формирований.

Население прибалтийских государств не было исключительно мононациональным: в них проживали также поляки, белорусы, русские и евреи. Осуществление гитлеровцами и их пособниками политики геноцида по отношению к еврейскому населению заставило людей искать спасения, в том числе и в советских партизанских отрядах.

Общая неразбериха начала войны помешала руководству СССР сразу развернуть успешное партизанское движение на территориях стран Прибалтики. Что же еще помешало этому? Во-первых, предвоенные советские репрессии против местного истеблишмента; во-вторых, эвакуация в советский тыл сторонников советской власти; в-третьих, мобилизация в действующую армию и гибель многих партийных активистов и сторонников советской власти в первые недели и месяцы войны; в-четвертых, пронацистские настроения части местного населения, высокий уровень коллаборационизма. И конечно, негативную роль сыграло само успешное наступление войск противника. Уже после войны латвийские советские историки признавали: «ЦК Компартии республики не удалось заблаговременно создать широкую сеть подпольных партийных организаций и партизанских отрядов. Лишь в некоторых городах было оставлено небольшое число коммунистов и комсомольцев, которые, естественно, не могли организовать и направить стихийное возмущение народных масс против оккупантов» [1, с. 601–602].

В начальный период войны большинство советских людей искренне верили в интернациональную дружбу рабочих и крестьян, которая делает невозможной успешную войну против СССР. В своих воззваниях, обращенных ко всем гражданам страны, в том числе и к новым, советско-партийное руководство, в частности, отмечало: «Немецкие фашисты уже ограбили... французов, чехов, поляков, сербов, норвежцев, бельгийцев, голландцев, датчан, греков и другие народы Европы. Теперь они хотят ограбить и поработить народы Советского Союза. Они питают звериную ненависть к русским, украинцам, белорусам, полякам, эстонцам,

латышам, литовцам, ко всем народам нашей отчизны» [2, с. 112].

Многим будущим партизанским командирам в первые недели войны казалось немыслимым, что они будут воевать на родной земле. Например, Н.И. Афанасьев, член Ленинградского штаба партизанского движения (ЛШПД), так вспоминал начало своего боевого пути 6 июля 1941 года: «Вечером следующего дня нас спешно построили во дворе общежития. Из строя вызвали всех, кто имел боевой опыт: участников Гражданской войны, финской, боевых действий на Халхин-Голе, Хасане...

Всем нам было приказано собраться в клубной комнате. И здесь командир полка сказал, что имеет поручение областного комитета партии предложить всем имеющим военный опыт принять участие в боевой работе в тылу врага.

Предложение было совершенно неожиданным. Мы смутно представляли себе в те дни, где проходит линия фронта. Но твердо верили в силу Красной Армии. И я, например, подумал, что предлагают нам принять участие в каких-то операциях на территории оккупированных гитлеровцами государств: в Польше, во Франции...» [3, с. 10].

Н.И. Афанасьев прошел путь от командира батальона 6-го истребительного партизанского полка, сформированного в Ленинграде в июле 1941 года, до заместителя начальника Волховской опергруппы ЛШПД. В середине июля 1941 года его пригласили в Смольный на встречу с А.А. Ждановым. «Предмет разговора был страшен. Потому что узнали мы от Жданова, что нашему городу угрожает самая непосредственная опасность: враг уже на территории Ленинградской области. 9 июля гитлеровцы заняли Псков и продолжают рваться вперед. Их армиям сопутствует успех, захватчики стремятся развить его. Жданов говорил о том, что смертельная опасность нависла не только над Ленинградом – гитлеровцы стремятся к Москве» [Там же. С. 12–13].

В этих условиях политическое руководство Советского Союза призвало население на оккупированной врагом территории начать крупномасштабную партизанскую войну.

23 июля 1941 года капитан госбезопасности А.Н. Асмолов докладывал Военному совету Северо-Западного фронта о необходимости развертывания партизанского движения на терри-

тории Прибалтики: «В основном развертывание партизанского движения организуется нами на территории восточнее линии старой госграницы. Одновременно по мере подбора людей из числа эвакуирующихся из Литвы и Латвии ведем активную работу по подготовке руководящих кадров для организации партизанских отрядов на территории Литвы и Латвии. Так, на 23 июля 1941 г. при 10-м отделе специально готовится 20 человек литовцев-коммунистов, которые 25.7.41 г. будут направлены в Литву через фронт» [4, л. 10].

В первые дни создания партизанских формирований на территории Ленинградской области военный отдел обкома ВКП(б) отмечал, что оружие для организации вооруженного сопротивления в тылу врага частично пришло из Эстонии, Латвии и Литвы: «В основном партизанские отряды, создаваемые РК и ГК ВКП(б), имеют вооружение, которым располагали истребительные батальоны, т. е. винтовки, гранаты, ручные пулеметы. Командный состав отрядов вооружен револьверами „наган” и пистолетами.

Однако к этому оружию нужно прибавить еще охотничье оружие, изъятое для партизан от населения, и различное оружие, отобранное местными властями от вооруженных беженцев из Прибалтики и дезертиров» [5, л. 2].

В конце лета 1941 года советское руководство не очень рассчитывало на то, что в Эстонии, Латвии и Литве удастся развернуть активное партизанское движение, направленное против гитлеровцев и их союзников. Однако любая информация, разоблачающая их заявления о том, что Советский Союз полностью разгромлен, давала надежду на победу всем тем, кому нацистский оккупационный режим принес горе и страдания. Но часто по разным причинам не делалось даже то, что можно было сделать. Так, политуправление Северо-Западного фронта 25 августа 1941 года в своем докладе о положении на захваченных врагом территориях признавало: «Для пропаганды среди населения оккупированных Германией районов нами сделано до настоящего времени чрезвычайно мало. Недавно созданы газеты для литовского и латвийского населения, на литовском и латышском языках выпущено несколько листовок. Для пропаганды среди русского населения сделано еще меньше» [6, л. 15].

Советскими СМИ ситуация на оккупированной территории СССР представлялась совершенно иначе. Ими делалось всё, чтобы доказать действенность и масштабность вооруженной борьбы в тылу врага, в том числе и на территории Прибалтики. Так, в утреннем сообщении Совинформбюро от 10 сентября 1941 года говорилось: «Большой урон фашистам наносят латышские партизаны. Они уничтожают связь, взрывают мосты, поджигают мастерские, которые фашисты организуют для ремонта своего потрепанного в боях снаряжения...

Партизанские отряды в районе Крустпилса и Даугавпилса заметили, что немцы регулярно пользуются водным транспортом для доставки военных материалов на фронт. 2 сентября на один из караванов на реке Двине (Даугаве) совершил нападение партизанский отряд т. Мициса...

Отряд т. Карлсона напал на отряд штурмовиков, который реквизирует продовольствие и зимнюю одежду у крестьянина...

Немецкие штурмовики, забаррикадировавшись в доме, открыли стрельбу из автоматов. Партизаны бросили в окна дома бутылки с бензином и гранату. В доме вспыхнул пожар. Фашистские грабители были уничтожены.

Успешно действует партизанский отряд железнодорожных рабочих во главе с т. Лацисом. За 15 дней августа этот отряд организовал несколько крушений поездов с воинскими грузами. Отряд т. Лациса со дня его организации увеличился в 7 раз, отряд т. Мициса — в 9 раз, отряд т. Карлсона — в 12 раз. За две недели бойцы этих отрядов уничтожили 390 немецких солдат и 40 офицеров» [1, с. 602–603].

События 1940 года в Прибалтике способствовали изменению состава национальных элит. И если бывшие политики, военные и предприниматели буржуазных государств подвергались репрессиям, то просоветски настроенные активисты получали возможность продвижения по социальной лестнице. Так, Л. Янулис, выходец из семьи подпольщиков-революционеров, сам член подпольной комсомольской ячейки в независимой Латвии, в июне 1941 года учился в Рижском пехотном училище в роте политруков. В начале войны его назначили комиссаром в 24-м стрелковом корпусе. Отступая, он дошел до Полновского района Ленинградской (с 1944 г. — Псковской) области и там вступил

в Полновский партизанский отряд. Вместе с Янулисом с врагом сражались секретарь комсомольской организации села Аури С. Поплавский, комсомолы Ж. Эверт, Я. Данилевич, В. Улдрикис. У Чудского озера к ним присоединился комсомолец Сиетиньш [7, с. 86–87].

Опыт подпольной борьбы, боевые навыки стали для этих людей серьезным подспорьем в разворачивающейся партизанской войне. Это заметил и противник. Так, 25 октября 1941 года главнокомандующий сухопутными войсками Третьего рейха В. фон Браухич вынужден был упомянуть о полновских партизанах в своей инструкции «Главные линии в борьбе против советских партизан»: «В партизанском отряде шесть латышей, все коммунисты, один из них говорит на шести языках (немецком, русском, английском, французском, латышском, эстонском), его фамилия Янулис» [Там же. С. 87].

Таким образом, уже с 1941 года в рядах ленинградских партизан стали сражаться антифашисты из Прибалтики.

После гибели Л. Янулиса латыши сражались в составе 2-й Ленинградской партизанской бригады. 5 марта 1942 года в бою пал Сиетиньш, были ранены Поплавский и Данилевич. На самолете их переправили через линию фронта. Данилевич после выздоровления ушел на фронт, а Поплавскому ампутировали ногу. (После войны он вернулся в родное село, работал заместителем председателя сельского совета.) Ж. Эверт погиб в бою 23 марта 1942 года, похоронен на братском кладбище в селе Вороново [Там же. С. 88].

Следует отметить, что многие из этих партизанских отрядов действовали на приграничной территории с Россией. Именно там они встречали активную поддержку и сочувствие со стороны местного населения. В защите Ленинграда принимали участие латышские партизаны, действовавшие в тесном контакте с отрядами Ленинградского партизанского края. На ленинградской земле был сформирован и начал боевой путь партизанский полк «За Советскую Латвию» [Там же. С. 86]. В него вошли три партизанских отряда (215 человек) [8, с. 90].

Все бойцы этого партизанского полка окончили специальные курсы, затем им были присвоены воинские звания (от сержанта до лейтенанта). Политуправление Северо-Западного фронта 15 мая 1942 года докладывало в Главпур

РККА: «На 10-й отдел политуправления фронта были возложены отбор и подготовка организаторов — командиров партизанского движения для отправки в Латвию. В течение двух месяцев (февраль — апрель) проводились занятия. Курсы окончили 72 человека.

18.4.42 г. все окончившие курсы были направлены во 2-ю партизанскую бригаду на 5–6 недель для стажировки, после чего будут переброшены в Латвию» [9, л. 19].

Партизанский полк перешел линию фронта между Старой Руссой и Холмом 30 апреля 1942 года. В его составе был и будущий Герой Советского Союза В. Самсонс. Сплошной линии фронта в этом районе не было. Здесь, в болотах, был образован коридор, охраняемый партизанскими постами и используемый для связи с Большой землей. Латышские партизаны должны были пройти сотни километров по вражеским тылам, чтобы выйти к своим родным местам. Но поход по вражеским тылам оказался очень тяжелым и опасным. В конце июля 1942 года командиры латышских партизанских отрядов доложили в ЛШПД о своих успехах и неудачах: «Мы имели задание вместе с 1-й партизанской бригадой отправиться во вражеский тыл и помочь 1-й партизанской бригаде в Славковском районе создать партизанский край, после чего отправиться дальше в Латвию.

В ночь с 19 на 20 июня при переходе дороги Чихачево — Старая Русса между деревнями Зуево и Высокое мы были обнаружены немцами, которые по нам открыли пулеметный и минометный огонь. Из числа 197 человек дорогу перейти удалось 88. Отряд в составе 84 человек, оставшийся с комиссаром Ошкалном за дорогой в лесу, соединился с 4-й партизанской бригадой, также отправившейся в Славковский район...» [10, л. 1].

Боевые столкновения происходили регулярно. В партизанских донесениях подробно фиксировался каждый факт: «21 июня нас атаковали немцы численностью 70–80 человек при поддержке одного танка среднего типа. Наш отряд занял оборону на западной опушке леса. Атака немцев была отбита, причем немцы потеряли 50 человек» [Там же. Л. 2]. Но в каждом бою и сами партизаны несли потери. Гитлеровцы отлично понимали, что советские партизанские отряды на территории Прибалтики являются не только военным, но и политиче-

ским фактором, поэтому делали всё возможное, чтобы уничтожить именно эти военные формирования в своем тылу.

Самым крупным в истории рейда латышского партизанского полка «За Советскую Латвию» было сражение у села Сорокино. 25 июня 1942 года противник стал подтягивать к партизанскому району отряды карателей и регулярные части, в том числе авиацию и танки. На следующий день фашисты начали наступательные операции. Встретив сильное сопротивление со стороны ленинградских партизан, противник пытался обойти их с тыла, выделив для этой цели несколько взводов велосипедистов и полицейских подразделений. В этом бою гитлеровцы потеряли 140 человек убитыми и примерно столько же ранеными [1, с. 612].

Умело маневрируя, партизаны обходили немецкие ловушки и в первых числах июля 1942 года подошли к границе Латвии в районе Карсавы. Однако противник, сосредоточив крупные силы армейских и полицейских частей, сумел разбить многие партизанские группы. На территорию Латвии удалось пробраться только отряду в количестве 20 человек во главе с В. Эзерником и А. Рашкевицем. Действуя в лесах Валкского и Абренского уездов, эта группа выросла в крупный партизанский отряд Северной Латвии. Уже летом 1943 года в нем было около 100 бойцов [Там же. С. 614].

Надо признать, что и ЛШПД допустил ряд просчетов. Так, его оперативный план на июль-август 1942 года содержал следующий пункт: «Обеспечить переброску для развертывания партизанской войны на оккупированной территории Эстонской и Латвийской ССР формируемых партизанских отрядов ЦК Латвийской и Эстонской республик. Установить с этими отрядами в перечисленных республиках двустороннюю радиосвязь и осуществлять оперативное руководство их боевой деятельностью» [11, л. 23]. Начальник оперативной группы по руководству партизанским движением при Военном совете Северо-Западного фронта А.Н. Асмолов 26 августа докладывал в Центральный штаб партизанского движения: «20 мая 3 латышских отряда в количестве 215 человек были с территории партизанского края направлены для действия на территорию Латвии. В связи с тем, что отряды двигались под дождем и по болотам, имевшееся у них в достаточном количестве ра-

диопитание отсырело и испортилось, вследствие чего мы с июня не имели с ними радиосвязи. К 1 августа с отрядами была установлена живая связь, но эта живая связь нас не устраивает, так как только в один конец связные затрачивают на переход 20–30 дней» [12, л. 18].

Хотя партизанский полк «За Советскую Латвию» не смог выполнить свою основную задачу – проникнуть в Латвию и создать организационные центры партизанского движения и антифашистского подполья, значение его рейда летом 1942 года велико. Во время рейда латышские партизаны нанесли немалый урон немецким захватчикам и отвлекли на себя некоторую часть регулярных войск.

Осенью 1942 года через линию фронта перешли еще 3 партизанские группы по 10 человек в каждой. Одна из них действовала в Абренском уезде (ныне – Пыталовский район Псковской области), где под руководством Д. Каупужа, П. Дергача и Ф. Ларионова были организованы подполье и партизанский отряд «Лиесма» («Пламя»), который провел ряд удачных диверсий на участке железной дороги Даугавпилс – Псков.

В декабре 1942 года через линию фронта перешел латышский партизанский отряд, насчитывавший около 100 человек. Отряд состоял из бывших бойцов партизанского полка «За Советскую Латвию», командовал им В. Самсонс. Местом дислокации отряда был выбран Освейский район Витебской области: он располагался в деревне Красово, у Освейского озера. Именно отсюда начались боевые операции на территории Белоруссии и Латвии. Одновременно этот отряд занимал важное место в системе обороны партизанского района Витебской области [1, с. 616]. Плечом к плечу в ожесточенных боях дрались с общим врагом русские, белорусские и латышские партизаны.

В феврале 1943 года в целях улучшения руководства партизанским движением при ЦК КП(б) Латвии был создан штаб латвийского партизанского движения. Отряд В. Самсонса явился базой для формирования латвийской партизанской бригады. Уже после войны В. Самсонс вспоминал: «Ленинградские партизаны были первыми, у кого латыши учились тактике и теории партизанской борьбы, чтобы позже применить приобретенный опыт в соответствии с условиями Латвии.

Часто, и вполне обоснованно, говорят, что латышский партизанский полк был кузницей партизанских командиров. Именно здесь, в Ленинградской области, командиры и рядовые этого полка овладели основами тактики партизанской борьбы, именно здесь они приобрели практику руководства боями. Позже, уже в Латвии, всё это очень пригодилось. Из бойцов партизанского полка впоследствии комплектовался командный состав партизанских отрядов» [13, с. 59–60].

Наибольший размах партизанское движение на оккупированной территории Ленинградской области приобрело в 1943 году, когда произошел коренной перелом в Великой Отечественной войне и стало понятно, кто вскоре одержит победу.

В ноябре 1943 года в 5-ю партизанскую бригаду пришли три латыша, прежде служившие в немецкой армии. Они обратились с письмом к своим собратьям. В письме был призыв разлагать немецкую армию, переходить к партизанам и вместе с ними бороться против ненавистного врага Латвии — немецкого фашизма. В бригадной типографии была напечатана листовка, которая возымела действие: к партизанам присоединилось еще несколько латышей [14, л. 210]. Эти люди начали честно сражаться с гитлеровцами. В памяти же ленинградских партизан подлинными героями остались те их товарищи по оружию, которые разделили с ними все тяготы борьбы с врагом в самый тяжелый, начальный период войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советские партизаны. М., 1961.
2. В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1941 г.: сб. док. Л., 1979.
3. Афанасьев Н.И. Фронт без тыла. Записки партизанского командира. Л., 1983.
4. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 0-116. Оп. 12. Д. 28.
5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 0-116. Оп. 8. Д. 10.
6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 0-116. Оп. 12. Д. 25.
7. Захаров И.З. Сыны и дочери Советской Латвии в боях за город Ленина. Рига, 1983.
8. В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1942 г.: сб. док. Л., 1981.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 0-116. Оп. 12. Д. 127.
10. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 1286.
11. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 60.
12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 0-116. Оп. 12. Д. 150.
13. Самсон В. Партизанское движение в Северной Латвии. Рига, 1951.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 553.

КУЛИК Сергей Владимирович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kulik54@mail.ru

САМЫЛОВСКАЯ Екатерина Анатольевна — ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

S.V. Kulik, E.A. Samylovskaya

LATVIAN PARTISANS IN THE ANTI-FASCIST RESISTANCE MOVEMENT IN NORTH-WEST RUSSIA

The period under review is of special interest to historians. Russia's peoples were not only under the threat of deprivation of statehood, but also under the threat of complete physical destruction. The guerrilla movement was an important factor in achieving victory over Nazi Germany and its allies. Being significant and efficient, it unfolded throughout the occupied territory. Partisans and underground fighters were, essentially, the second front of the Red Army, which fought in the extreme conditions of occupation. Different peoples of the Soviet Union, including Latvians, took part in the guerrilla movement in the Northwest of Russia. The purpose of the article is to show the role and importance of joint struggle against the Nazi invaders during the Great Patriotic War. Based on the analysis of archival documents, memoirs and research literature authors come to the conclusion that the fact that in the initial period of the war anti-fascists from Latvia took an active part in the guerrilla struggle in the Leningrad region. They got a serious experience in war actions in the enemy's rear.

THE GREAT PATRIOTIC WAR; THE NORTHWEST OF RUSSIA; LATVIA; GUERRILLA MOVEMENT; OCCUPATION.

REFERENCES

1. *Sovetskie partizany* [Soviet partisans]. Moscow, 1961. (In Russ.)
2. *V tylu vraga. Bor'ba partizan i podpol'shchikov na okkupirovannoy territorii Leningradskoy oblasti. 1941 g.* [At the rear of the enemy. The struggle of partisans and underground fighters in the occupied territory of the Leningrad region. 1941: Collection of Documents]. Leningrad, 1979. (In Russ.)
3. Afanasiev N.I. *Front bez tyla. Zapiski partizanskogo komandira* [The front without the rear. Notes of a guerrilla commander]. Leningrad, 1983. (In Russ.)
4. [Central State Archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 0-116. Op. 12. D. 28.
5. [Central State Archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 0-116. Op. 8. D. 10.
6. [Central State Archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 0-116. Op. 12. D. 25.
7. Zakharov I.Z. *Syny i docheri Sovetskoy Latvii v boyah za gorod Lenina* [Sons and daughters of Soviet Latvia in the battles for the city of Lenin]. Riga, 1983. (In Russ.)
8. *V tylu vraga. Bor'ba partizan i podpol'shchikov na okkupirovannoy territorii Leningradskoy oblasti. 1942 g.* [At the rear of the enemy. The struggle of partisans and underground fighters in the occupied territory of the Leningrad region. 1942: Collection of Documents]. Leningrad, 1981. (In Russ.)
9. [Central State Archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 0-116. Op. 12. D. 127.
10. [Central State Archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 0-116. Op. 1. D. 1286.
11. [Central State Archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 0-116. Op. 1. D. 60.
12. [Central State Archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 0-116. Op. 12. D. 150.
13. Samson V. *Partizanskoe dvizhenie v Severnoy Latvii* [The guerilla movement in northern Latvia]. Riga, 1951. (In Russ.)
14. [Central State Archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 0-116. Op. 1. D. 553.

KULIK Sergey V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kulik54@mail.ru

SAMYLOVSKAYA Ekaterina A. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.251.2

УДК 94(47)

Т.В. Алексеев

ПЕРЕСТРОЙКА ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ НА ВОЕННЫЙ ЛАД: ИТОГИ И УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена актуальной проблеме участия государства в привлечении промышленного потенциала страны для достижения стратегических целей в ходе Первой мировой войны. Исследование базируется на принципах историзма и объективности, обеспечивающих приемлемый уровень достоверности вне зависимости от пестрой палитры современных взглядов на исследуемый период. На основе системно-структурного метода проведен структурно-функциональный анализ системы чрезвычайных органов государственного регулирования России. Показаны предпосылки и причины активного вмешательства военно-политического руководства Российской империи в деятельность частной промышленности страны. Представлена картина эволюции взглядов государства на масштабы и объемы такого вмешательства. Анализ основных направлений деятельности чрезвычайных органов государственного регулирования позволил выявить слабые и сильные стороны сложившейся системы данных органов. В качестве выводов проведенного исследования сформулированы уроки осуществленной перестройки промышленности на военный лад. Материалы статьи представляют ценность для подготовки обобщающих трудов по истории Первой мировой войны, а также могут быть использованы в учебном процессе вузов.

МОБИЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ; СНАБЖЕНИЕ АРМИИ; ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА; ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ; ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ОБОРОНЕ; ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ.

Первую мировую войну (1914–1918) без преувеличения можно назвать уникальным явлением в истории человеческой цивилизации. Уникальность этого вооруженного противостояния определялась прежде всего его качественным отличием от аналогичных событий предыдущих эпох. В числе особенностей данной войны исследователи отмечают следующие:

- длительность противостояния и огромная протяженность территории, на которой происходили военные действия;
- использование на театрах военных действий миллионных армий;
- массовое применение новых и усовершенствованных средств ведения вооруженной борьбы;
- изменение способов ведения боевых операций и тактических приемов боя в связи с применением скорострельного оружия, танков и других новых видов военной техники;
- колоссальный расход материальных средств и использование всех отраслей народ-

ного хозяйства воюющих стран для удовлетворения материальных потребностей вооруженных сил [1, с. 45].

Последнее из перечисленных обстоятельств поставило перед основными государствами – участниками Первой мировой войны проблему проведения военно-экономической мобилизации.

Вот что писал по этому поводу Н.А. Данилов: «Опыт великой войны показывает, что государства, принявшие в ней участие, вступили в нее в промышленном отношении неподготовленными, причем большинство из них не отдавали себе отчета в размахе событий и в размерах необходимых жертв... Относительно вероятной продолжительности войны в военных кругах Европы существовало поразительное единомыслие: и военные писатели всех стран, и наиболее авторитетные представители Генерального штаба утверждали, что грядущая война не может быть длительной, что вероятный ее срок – 3 месяца, а максимальный – полгода, что за это время бу-

дут завершены все серьезные операции и участь войны будет решена» [2, с. 97].

Однако реальность опрокинула все доверенные расчеты. С одной стороны, начавшиеся интенсивные боевые действия уже в течение ближайших месяцев поглотили все созданные в мирное время запасы предметов снабжения армий, прежде всего боеприпасов. А с другой стороны, экономические системы стран-участниц продемонстрировали гораздо более значительную, нежели предполагалось, гибкость, способность функционировать в неблагоприятных условиях начавшейся крупномасштабной войны.

Военно-экономическая мобилизация, по аналогии с мобилизацией военной, призванной сконцентрировать необходимые для ведения военных действий людские и материальные ресурсы на фронте, предполагает задействование всех необходимых ресурсов в тылу для всестороннего боевого и материально-технического обеспечения действующей армии.

Господство идеи о скоротечном характере войны привело к тому, что военно-политическое руководство Российской империи планировало осуществлять снабжение армий в военный период путем:

- постепенного использования мобилизационных запасов вооружения, снаряжения и т. п., накопленных в мирное время;
- расширения казенных военных заводов;
- привлечения к работе на войну немногочисленных частных фирм, уже выполняющих военные заказы;
- импортных поставок.

При этом совершенно не рассматривалась возможность использования всего потенциала национальной экономики, прежде всего ее частного сектора. Начальник хозяйственного отдела Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерал-лейтенант Е.К. Смысловский отмечал: «Только уже во время войны и нам, и нашим союзникам пришлось лицом к лицу считаться с другими принципами снабжения армии: война ведется на те материальные средства, которые могут быть предоставлены внутренними производительными силами своей страны. Ошибочные основания принципов и послужили главным источником неудовлетворительного снабжения...» [См.: 3, с. 70].

Правительство России вступило в Первую мировую войну, не имея никакого плана воен-

но-экономической мобилизации. Однако сам ход войны и положение в экономике заставили принимать меры мобилизационного характера. Каждое ведомство вносило свои представления на рассмотрение Совета министров по мере возникновения тех или иных проблем в экономической жизни страны. Если попытаться как-то систематизировать мероприятия правительства, проводившиеся во второй половине 1914 – в первые месяцы 1915 г., то их можно сгруппировать в несколько направлений:

- создание условий для финансирования крупных частных предприятий, привлекавшихся к выполнению военных заказов;
- снабжение промышленности и транспорта топливом и металлами;
- регулирование деятельности частных промышленных предприятий по выполнению военных заказов;
- организация закупок предметов снабжения армии за границей;
- обеспечение промышленности кадрами рабочих;
- протекционистские меры по защите национального рынка.

В ряду принятых правительством мер следует особо отметить два нормативных акта, ставшие законами после их утверждения императором Николаем II (4 сентября и 17 октября 1914 г.).

Первый из них вводил в действие «Правила в отношении исполнения промышленными и торговыми заведениями в военное время заказов военного и морского министерств». Документ обязывал предприятия исполнять военные заказы силовых ведомств в первую очередь и освобождал эти предприятия от ответственности за неисполнение обязательств перед прочими заказчиками. В случае отказа владельца от исполнения заказов на оборону предприятие могло быть временно изъято в распоряжение правительства, а сырье и материалы реквизированы [4, с. 282].

В развитие «Правил...» закон от 17 октября 1914 г. давал представителям Военного и Морского министерств право контроля над ходом исполнения предприятиями военных заказов. Заводоуправления обязаны были «по требованию уполномоченных... предоставлять им рабочие журналы всех мастерских и следовать указаниям уполномоченных относительно оче-

реди работ в целях своевременного выполнения военных и морских заказов» [4, с. 423].

В целом следует подчеркнуть, что проводившиеся правительством на начальном этапе войны мероприятия были разрозненными и непоследовательными. Создававшиеся в это время правительственные органы, призванные регулировать процессы в военно-экономической сфере, носили характер межведомственных совещаний, не обладали сколько-нибудь серьезными властными полномочиями и вопросами налаживания производства не занимались.

Противоречивостью страдала и политика Военного министерства в сфере военных заказов. Исследователи уже давно и вполне справедливо упрекают ведомство в том, что заказы эти в первые месяцы войны выдавались весьма неравномерно и со значительными опозданиями [2, с. 98]. Крайне негативное влияние при этом оказывала и та самая идея о скоротечном характере войны, в плену которой руководство министерства находилось непросто длительное время. О том, как это отражалось на заготовительных операциях внутри страны, очень красноречиво может свидетельствовать пример с заказом за границей подков Главным интендантским управлением в декабре 1914 г. При рассмотрении соответствующего представления в Совете министров выяснилось, что ежемесячная производительность отечественных заводов не превышала 150 тыс. кругов подков при потребности армии в 1 млн кругов. Что же мешало привлечь к производству такой относительно несложной продукции другие частные предприятия? «Из высказанных же мнений представителями уральских заводов можно усмотреть, что названные заводы могут быть заинтересованы в выделке подков для армии лишь постольку, поскольку заказы военного ведомства на подковы будут носить характер длительный, а не временный, так как для приспособления существующих заводов под производство подков необходимо затратить капитал и время на покупку потребных станков, нанять для начала дела рабочие руки по более высокой цене и, быть может, прекратить налаженное ранее производство... Связать себя длительными обязательствами военное ведомство не может, так как годовая потребность в мирное время перекрывалась имеющимися заводами. То есть военное ведомство может пойти навстречу

уральским заводам только в том случае, если их условия будут выгоднее» [5, л. 2].

Результатом подобной нерешительности и непоследовательности стало то, что уже к концу 1914 г. русская армия столкнулась с кризисом вооружения, который начал оказывать серьезное негативное влияние на ход военных операций. В военно-политическом руководстве страны все отчетливее росло понимание необходимости принятия неких экстраординарных мер, которые позволили бы обеспечить войска необходимыми средствами ведения вооруженной борьбы. Инициатива принятия подобных мер исходила из Ставки Верховного главнокомандующего (ВГК), где наиболее остро осознавалась их необходимость.

1 января 1915 г. последовало «Высочайшее соизволение» на учреждение нового органа, получившего наименование *Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части* (ОРК) [6, л. 79]. Во главе комиссии стал генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, а его заместителем был назначен генерал-лейтенант А.А. Маниковский, комендант Кронштадтской крепости, позднее ставший начальником ГАУ.

В состав комиссии вошли чины артиллерийского ведомства, главных управлений Военного министерства, представители Морского министерства.

Согласно положению, ОРК предназначалась «для установления действительной связи между действующей армией и органами, ведающими изготовлением и снабжением предметами артиллерийского имущества», и на нее возлагалась обязанность «всеми мерами способствовать обеспечению действующей армии предметами артиллерийского снабжения» [Там же. Л. 10].

Для выполнения этих обязанностей председателю комиссии предоставлялись права: «проверять работу всех управлений, учреждений и заведений, ведающих изготовлением, приобретением или доставкой в армию предметов артиллерийского снабжения»; осуществлять осмотр и контроль за деятельностью предприятий всех форм собственности, выполняющих заказы ГАУ; проводить реквизиции имущества и секвестр предприятий в случаях, когда не удастся достигнуть добровольного согласия их владельцев на выполнение военных заказов.

Однако при этом в положении содержалась оговорка, что «контроль и вообще отношение к частным и казенным заводам и фабрикам не должны выходить за рамки действующих законоположений». Это во многом купировало полномочия комиссии и делало проблематичным принятие решительных мер по коренному улучшению снабжения армии [6, л. 11].

В целом можно констатировать, что комиссией под председательством великого князя Сергея Михайловича были сделаны первые важные, хотя и робкие шаги на пути мобилизационного развертывания промышленности России – мобилизации не столько в смысле привлечения к работе на оборону широкого круга предприятий, сколько с точки зрения создания соответствующих условий для их работы в обстановке войны, нарушившей нормальное функционирование экономических механизмов.

Впрочем, несмотря на некоторый рост производства, кризис вооружения весной – летом 1915 г. только обострился и стал главной причиной так называемого «Великого отступления» русской армии. Место же самой ОРК достаточно объективно оценивал бывший министр торговли и промышленности С.И. Тимашев в своей памятной записке: «...Сношения второстепенных чинов военного ведомства с отдельными заводчиками не разрешат задачи в намеченном объеме...» [7, л. 114].

Что же мешало проведению военно-экономической мобилизации в условиях России периода Первой мировой войны? Исследователи отмечают в этой связи целый ряд факторов негативного характера.

Во-первых, это слабость материально-технической базы промышленности и ее значительная зависимость от иностранных рынков. Например, в 1912 г. потребности страны в промышленной продукции удовлетворялись за счет импорта более чем на треть, а потребности отечественной промышленности в оборудовании – на 57 %. «Такое положение должно было чрезвычайно затруднить развитие нашей военной промышленности, которая не только была удалена от иностранного производства закрытием большинства границ, но и стеснена коммерчески валютой и опозданием своих заказов, когда наиболее ценные иностранные производители были заняты другими странами, принимавшими участие в войне» [2, с. 101].

Во-вторых, подрыв кадровой базы промышленности в результате мобилизации 1914 г. По некоторым данным, отрыв рабочих и инженерно-технического персонала предприятий при этом составил до 40 % от списочного состава занятых в промышленности [8, с. 16].

Помимо этого, нерешенной оставалась проблема эффективного использования существующей рабочей силы. Нерешительность правительства в вопросе милитаризации оборонных предприятий, отсутствие механизмов регулирования отношений между предпринимателями и рабочими в конце концов крайне отрицательно сказывались на эффективности использования существующих производственных мощностей.

В-третьих, слабая подготовленность отечественной промышленности, административного и технического персонала к широкому развертыванию военного производства с точки зрения организации и налаживания нового дела [Там же]. «Между тем при мобилизации было изъято наравне с рабочими и огромное количество ценных технических сил, которые на фронте использовались далеко не всегда по специальности» [2, с. 104].

Однако, пожалуй, главной проблемой на пути мобилизационного развертывания промышленности была неспособность политических и социально-экономических институтов мирного времени взять на себя регулирование этим процессом. Создание ОРК было первой попыткой учреждения органа экстраординарного характера. Но деятельность ее была крайне слабо согласована с работой Ставки ВГК, Совета министров и отдельных министерств, прежде всего Военного министерства и его довольствующих управлений.

Весной – летом 1915 г., в условиях военных неудач и острого социально-политического кризиса в стране, к решению проблемы мобилизации тыла активно подключились широкие общественные и предпринимательские круги. Результатом их совместных с правительственными и военными кругами усилий стало учреждение вначале *Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения* (так называемого «Майского» Особого совещания), а затем по закону от 17 августа 1915 г. уже четырех Особых совещаний – по обороне, топ-

ливу, перевозкам и продовольственному делу. Каждое из этих Особых совещаний получило в своей сфере деятельности полномочия «высшего государственного установления», ответственного исключительно перед верховной властью, т. е. перед императором.

Ключевую роль в системе четырех Особых совещаний играло *Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства* (сокращенно – Особое совещание по обороне) во главе с военным министром. Оно было наделено широкими полномочиями по регулированию военно-хозяйственной сферы, включая вмешательство в круг деятельности остальных трех Особых совещаний.

Наиболее значимыми направлениями деятельности Особого совещания по обороне стали:

1. Планирование заготовительной деятельности довольствующих управлений Военного ведомства.

2. Создание условий для перевода промышленных предприятий на производство продукции военного назначения. (Прежде всего это подразумевало выстраивание системы финансирования исполнения военных заказов путем выдачи предприятиям авансов, ссуд, освобождения от внесения залогов в обеспечение неустойки и пр.)

3. Осуществление контроля над деятельностью предприятий и ходом выполнения заготовительных планов довольствующих управлений Военного ведомства. (Обеспечивался такой контроль самыми разнообразными способами: работали специально учрежденная при Особом совещании по обороне наблюдательная комиссия, районные заводские совещания, а также временные комиссии, назначаемые в случае необходимости для проверки тех или иных вопросов военно-хозяйственной деятельности.)

4. Содействие развитию отраслей отечественной промышленности, строительству новых предприятий. (В общей сложности Особым совещанием по обороне было санкционировано строительство не менее 75 новых предприятий по выпуску продукции оборонного назначения [9, с. 693–700]. Наиболее сильную поддержку с его стороны получили (и достигли в своем развитии довольно ощутимых результатов) такие отрасли промышленности, как химическая, автомобилестроительная, авиационная, элект-

ротехническая, а также подшипниково- и станкостроение.)

5. Обеспечение народного хозяйства рабочей силой.

6. Содействие налаживанию работы транспорта и доставки военных грузов из-за границы.

7. Содействие заготовительной деятельности довольствующих управлений Военного ведомства. (Особое совещание по обороне сыграло важную роль в организации обеспечения действующей армии целым рядом важных предметов снабжения, как боевого, так и материально-технического. В их числе прежде всего нужно упомянуть противогазы и артиллерийские снаряды.)

8. Организационное и материально-техническое сопровождение деятельности предприятий. (Здесь следует отметить и оперативную корректировку условий выполнения военных заказов, и техническую помощь предприятиям в налаживании новых видов производств, и дифференцированную контрактную политику в отношении отдельных видов продукции военного назначения, и организацию приемки готовой продукции, и многие другие аспекты деятельности Особого совещания по обороне и его органов.)

9. Содействие эвакуации промышленных предприятий. (Выражалось это прежде всего в оказании финансовой помощи владельцам эвакуируемых из западных губерний Российской империи заводов. Кроме того, нельзя не отметить работу учрежденных районных эвакуационных комиссий и подкомиссий по составлению планов эвакуации из угрожаемых районов как промышленных предприятий, так и населения, хлебных запасов, сельскохозяйственных машин и прочих материальных ценностей.)

10. Перераспределение материальных ресурсов и производственных мощностей путем использования таких инструментов, как реквизиции и секвестр.

11. Организация снабжения промышленности металлами при посредстве специализированного Комитета по делам металлургической промышленности, привлечшего к этой работе учетно-распределительный аппарат монополистических объединений «Продамет», «Кровля», «Медь».

12. Организация заграничного снабжения. (С этой целью была учреждена сеть органов,

подчиненных непосредственно председателю Особого совещания по обороне: Русский правительственный комитет в Лондоне, Комитет по заготовлению в Америке предметов боевого и материального снабжения армии, Комиссия по учету и распределению иностранной валюты. Фактически под контроль Особого совещания по обороне был поставлен весь российский импорт.)

13. Задействование потенциала средней и мелкой промышленности в интересах обороны через взаимодействие с общественными организациями: военно-промышленными комитетами, Земгором, Петроградским комитетом средней и мелкой промышленности.

14. Использование в интересах обороны производственного и научно-технического потенциала учебных заведений и научного общества.

15. Всемирная поддержка начинаний ГАУ по созданию принудительных объединений частных предприятий для производства на основе кооперации артиллерийских снарядов (Организация уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванкова) и компонентов взрывчатых веществ (Комиссия по заготовке взрывчатых веществ, позднее преобразованная в Химический комитет при ГАУ, во главе с генерал-майором В.Н. Ипатьевым). (Организация С.Н. Ванкова в 1916 г. насчитывала в своем составе около 300 предприятий, которые по характеру производства объединялись в четыре группы с особым «головным» заводом в каждой из них [10, с. 107]. Заказы Химического комитета к декабрю 1916 г. исполняли более 170 заводов [11, с. 55]. Как отмечал В.И. Гриневецкий, оба объединения проявили «черты чуждой казенному духу предприимчивости, облегчения формальностей и технической организации, создали в короткий срок очень крупное и ценное для обороны дело» [8, с. 17].)

Оценивая результаты военно-экономической мобилизации, проведенной в России в годы Первой мировой войны, как современники этих событий, так и более поздние исследователи подчеркивали их весьма противоречивый характер.

Пусть с оговорками, но большинство исследователей отмечают, что мобилизационные мероприятия позволили в значительной мере решить проблему снабжения армии. Так,

Т.М. Китанина пишет: «С учреждением Особых совещаний правительство получило возможность осуществить более полное вооружение армии или, по меньшей мере, значительно приблизиться к реализации этой цели» [12, с. 104].

В 1916 г. объем валовой продукции промышленности в стране вырос на 21,5 % по сравнению с довоенным [13, с. 31]. При этом объем продукции машиностроения по сравнению с 1913 г. увеличился более чем в 4 раза — с 200,2 до 954,6 млн рублей [14, с. 21]. Несмотря на все трудности военного времени, существенно возросло техническое оснащение предприятий. К лету 1916 г. 39 крупных машиностроительных заводов приобрели дополнительное оборудование, на которое было потрачено 130 млн рублей. А общая стоимость оборудования всех частных заводов, связанных с обороной, до войны не превышавшая 100 млн рублей, приблизилась к 1 млрд рублей [15, с. 103].

Однако у всех этих достижений была и обратная сторона. Так, Е.З. Барсуков отмечал: «Вся русская промышленность оказалась мобилизованной и привлеченной к работе на армию во время войны, но в результате подобная мобилизация привела к распылению производства, потребовала огромного числа рабочих и излишней затраты материалов, раздробила ответственность и крайне затруднила установление массового производства» [16, с. 210]. Т.М. Китанина указывает на то, что «запоздавая и затянувшаяся мобилизация частного сектора, проведенная к тому же с крайней нерешительностью, отсрочила выполнение программы вооружения и материально-технического снабжения армии и содействовала росту зависимости национальной промышленности от иностранных поставок» [12, с. 62].

Исследователи, начиная с В.Н. Ипатьева и Л.Ф. Фокина, авторов очерка об истории Химического комитета, справедливо отмечают, что в ходе мобилизации тыла «не было обращено надлежащее внимание на правильное обслуживание предметами первой необходимости всего тыла страны, без нормальной жизни которого нельзя быть уверенным в правильном снабжении армии всеми видами довольствия» [17, с. 6]. Советский исследователь С.А. Сомов дал более жесткую оценку: «Война велась за счет беспощадного расхищения основного капитала промышленности и транс-

порта, что должно было привести к общей хозяйственной разрухе» [18, с. 24].

И действительно, при общем развитии ряда отраслей, непосредственно обслуживавших нужды фронта (машиностроения, химической промышленности, металлообработки), большинство отраслей промышленности резко сократили производство из-за недостатка сырья, рабочих рук, металла и топлива. Уже в 1916 г. предприятия, не связанные с обороной, и даже часть предприятий, работавших на нее, сократили производство почти на 22 % [13, с. 31].

И всё же при всех просчетах и недостатках проведенной военно-экономической мобилизации ее итоги не могут не вызывать в целом положительной оценки. Это осознавали уже современники событий: «Когда развертывалась оборонная работа в 1915 г., лицам, близко знавшим располагаемые средства и условия работы нашей промышленности и техники, трудно было поверить, чтобы были достигнуты такие результаты, которые можно было установить в конце 1916 г. ...Беспристрастный историк будет вынужден впоследствии признать, что в общем и целом русская техника справилась с положением и сделала значительно шире и значительно скорее то необходимое, чего имела право требовать от нее оборона страны» [8, с. 17].

Как представляется, главной заслугой Особого совещания по обороне и других чрезвычайных органов, органов государственной власти, важнейшим итогом их деятельности в годы Первой мировой войны стало получение неопределенного опыта перевода на военные рельсы практически всех отраслей народного хозяйства.

Сегодня, спустя уже более чем 100 лет после начала той войны, этот опыт остается востребованным. Во многом это связано с кардинальными изменениями, произошедшими в России в последнюю четверть века. Мы снова живем в стране с многоукладной экономикой, где главенствующая роль принадлежит рыночным отношениям, но при этом и государство по-прежнему обладает реальными возможностями для сильного воздействия на весь народнохозяйственный механизм.

И сегодня не лишним будет помнить те уроки, которые дает нам изучение истории проведения военно-экономической мобилизации в годы Первой мировой войны, истории деятельности Особого совещания по обороне.

Опыт этой деятельности показывает, что по мере продолжения военного противоборства сама структура Особого совещания, компетенции его отдельных структур, полномочия должностных лиц развивались по линии централизации, ухода от совещательного и коллегиального порядка решения вопросов к возложению ответственности на одно руководящее лицо, что в условиях напряженной обстановки военного времени было полностью оправданно. Отсюда *урок первый*: высший орган по руководству военно-экономической мобилизацией должен возглавляться одним, наиболее авторитетным, лицом, обладающим всеобъемлющими властными полномочиями. Если в условиях современной войны работа тыла уподобляется сражающемуся фронту, то и возглавляться он должен одним лицом по образцу Верховного главнокомандующего на фронте.

Второй урок деятельности системы органов военно-экономической мобилизации России времен Первой мировой войны состоит в том, что обязательным условием успешности такой мобилизации является обеспечение консолидации всех слоев общества, всех политических сил страны на решение важнейшей задачи — обеспечения победы над противником. В условиях массовой армии и перестройки на военный лад всего народного хозяйства страны отсутствие такой консолидации сказывается самым отрицательным образом как на боеспособности армии, так и на способности тыла переносить тяготы военного времени и делать всё возможное для обеспечения действующей армии.

Многие недостатки в деятельности органов военно-экономической мобилизации, как и в самой их структуре, были вызваны тем, что формировались они, так сказать, «с колес», в условиях внутривластного кризиса и военных поражений. Как писал Е.З. Барсуков, современник событий, «импровизированная мобилизация русской промышленности и работа ее на боевое снабжение без определенного плана и без объединяющего высшего руководства привела ко многим ошибкам, которые не могли быть исправлены до конца войны» [16, с. 209]. Отсюда *урок третий*: структура, состав, задачи и порядок действий органов военно-экономической мобилизации должны быть определены заблаговременно, в мирное время. Более того, в мирное время эти органы должны уже существ-

водить в эмбриональном (законсервированном) состоянии, подобно тому как в этот период существует и действует кадровый состав военной промышленности.

Данный урок был весьма оперативно усвоен пришедшими к власти большевиками. Уже 6 августа 1920 г., в условиях продолжавшейся Гражданской войны, при Совете труда и обороны РСФСР был создан Комитет по де- и мобилизации промышленности, на который возлагались следующие задачи: «а) Выяснить количественно и качественно возможность организации производства предметов военного снабжения в предприятиях, изготавливающих предметы гражданского потребления; б) Выработать общий план и конкретные мероприятия по подготовке заводов гражданских производств к производству предметов военного снабжения; в) Выработать общие планы и конкретные мероприятия по поддержанию на включенных в мобилизационный план заводах мобилизационных возможностей в течение мирного времени; г) Выработать планы проведения мобилизации как на заводах гражданских производств, так и на частично или полностью демобилизованных военных заводах; д) Следить в течение мирного времени за поддержанием на заводах, включенных в мобилизационные планы, производственных возможностей для выполнения военных заданий; е) Периодически

пересматривать и изменять мобилизационные планы в зависимости от изменения военных заданий» [19, с. 46].

В качестве *четвертого урока* необходимо отметить, что на этапе предварительного планирования военно-мобилизационной деятельности важен правильный выбор путей и объемов мобилизации в зависимости от оценки характера предстоящего вооруженного конфликта, важна глубокая, последовательная, системная аналитическая работа в данном направлении. Задача состоит в том, чтобы предпринимаемые военно-хозяйственные меры были адекватны характеру военных угроз.

Наконец, *пятый урок* можно сформулировать так: существует некий предел задействования экономического потенциала страны для удовлетворения исключительно военных нужд за счет сокращения общегражданских потребностей. Конкретная величина этого предела зависит от целого ряда факторов: степени экономического развития страны, социально-политической обстановки в ней и устойчивости социальной структуры общества, объемов накопленных в довоенный период резервов и пр. Превышение этого предела в сторону расходов на военные нужды чревато непредсказуемыми последствиями для военно-политической, социально-экономической, демографической, культурной и иных сфер жизни страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). М.: Воениздат, 1956. 332 с.
2. Данилов Н.А. Экономика и подготовка к войне. М.; Л.: Госвоениздат, 1926. 195 с.
3. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 240 с.
4. Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг. 1914 г. М.: РОССПЭН, 2006. 700 с.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 320.
6. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 12. Оп. 47/1. Д. 1.
7. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 12. Оп. 47/1. Д. 20.
8. Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М.: Центрсоюз, 1922. 103 с.
9. Алексеев Т.В. Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб.: Лема, 2015. 768 с.
10. Бовыкин В.И., Гиндин И.Ф., Тарновский К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России // История СССР. 1959. № 3. С. 83–117.
11. Урибес Э. Коксобензолная промышленность России в годы Первой мировой войны // Истор. зап. 1961. Т. 69. С. 46–72.
12. Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. В 2 ч. Ч. 1: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 146 с.

13. **Сидоров А.Л.** Экономика России в Первую мировую войну 1914–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра наук // Доклады и сообщения истор. ф-та. Вып. 1. М.: Изд-во МГУ, 1945. С. 25–34.

14. **Бовыкин В.И., Тарновский К.Н.** Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности России // Вопросы истории. 1957. № 2. С. 19–31.

15. **Голиков А.Г.** Первая мировая война и российские монополии // Вопросы истории. 1981. № 6. С. 103–114.

16. **Барсуков Е.З.** Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1928. 230 с.

17. **Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф.** Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Ч. 1. Пг., 1921. 79 с.

18. **Сомов С.А.** Особое совещание по обороне и буржуазия. Возникновение новой формы сотрудничества самодержавия и буржуазии (май – август 1915 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. 24 с.

19. **Отчет** о деятельности Совета военной промышленности за 1919 и 1920 гг. М.: Изд-во ГУВП, б. г. 116 с.

АЛЕКСЕЕВ Тимофей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского.

Россия, 197082, Санкт-Петербург, ул. Ждановская, 13
e-mail: timofey1967@mail.ru

T.V. Alekseev

THE SWITCH OF THE RUSSIAN INDUSTRY TO WARFOOTING: RESULTS AND LESSONS OF THE FIRST WORLD WAR

The article is devoted to the urgent problem of state involvement into bringing the industrial potential of the country into achieving strategic goals in the course of the First World War. The study is based on the principles of historicism and objectivity to ensure an acceptable level of confidence regardless of the colorful palette of the modern view on the period under inquiry. On the basis of the system-structural method structural and functional analysis of the system of emergency regulatory agencies in Russia is carried out. The background and reasons for the active intervention of the military-political leadership of the Russian Empire into the activities of private industry in the country are observed. The picture of the evolution of views on the state scale and scope of such intervention is shown. An analysis of the main activities of the emergency state regulators revealed strengths and weaknesses of the current system of these bodies. As the result of the undertaken study lessons of the implemented switch of the industry to warfooting were formulated. The article is of value for the preparation of general works on the history of the First World War, as well as may be used in the educational process of universities.

MOBILIZATION OF THE INDUSTRY; MUNITIONING; THE FIRST WORLD WAR; GOVERNMENT REGULATION; THE SPECIAL COUNCIL ON DEFENSE; EMERGENCY AUTHORITIES.

REFERENCES

1. Shigalin G.I. *Voennaya ekonomika v Pervuyu mirovuyu voynu (1914–1918)* [War Economy during World War I (1914–1918)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1956. 332 p. (In Russ.)
2. Danilov N.A. *Ekonomika i podgotovka k voyne* [Economy and Preparations for War]. Moscow, Leningrad, Gosvoenizdat Publ., 1926. 195 p. (In Russ.)
3. Beskrovnyy L.G. *Armiya i flot Rossii v nachale XX veka* [The Russian Army and Navy in the Early XX Century. Feature Stories on Strategic Potential]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 240 p. (In Russ.)
4. *Osobyje zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii, 1909–1917 gg. 1914 g.* [Special Logs of the State Council of the Russian Empire, 1909–1917. 1914]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 700 p. (In Russ.)
5. [Russian State Historical Archive]. F. 1276. Op. 10. D. 320.
6. [Archive of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps]. F. 12. Op. 47/1. D. 1.
7. [Archive of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps]. F. 12. Op. 47/1. D. 20.
8. Grinevetskiy V.I. *Poslevoennye perspektivy russkoy promyshlennosti* [Postwar Prospects of the Russian Production Sector]. Moscow, Centrosous Publ., 1922. 103 p. (In Russ.)
9. Alexeev T.V. *Osoboe soveshchanie po oborone gosudarstva i voenno-ekonomicheskaya mobilizatsiya v Rossii v gody Pervoy mirovoy vojny (1914–1917)* [Special Commission for State Defense and Military and Economic Mobilization in Russia during WWI (1914–1917)]. St. Petersburg, Lema Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
10. Bovykin V.I., Gindin I.F., Tarnovskiy K.N. [Russian State-Monopoly Capitalism]. *History of USSR*, 1959, no. 3, pp. 83–117. (In Russ.)
11. Uribes E. [Coke and Benzene Production in Russia during World War I]. *Historical Notes*, 1961, of vol. 69, pp. 46–72. (In Russ.)
12. Kitanina T.M. *Rossiya v Pervoy mirovoy vojne. 1914–1917 gg. Ekonomika i ekonomicheskaya politika. In 2 pt. Of pt. 1* [Russia during World War I. 1914–1917. Economy and Economic Policy. In 2 pt. Pt. 1: Economic Policy of the Imperial Government Early in the War. 1914 – mid-1916]. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Publ., 2003. 146 p. (In Russ.)
13. Sidorov A.L. [Russia's Economy during World War I. 1914–1917 (abstract of doctor's thesis)]. *Reports and messages of historical faculty*. Pt. 1. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 1945. Pp. 25–34. (In Russ.)
14. Bovykin V.I., Tarnovskiy K.N. [Production Concentration and Development of Monopolies in the Russia's Metal-Working Industry]. *Questions of History*, 1957, no. 2, pp. 19–31. (In Russ.)
15. Golikov A.G. [World War I and Russian Monopolies]. *Questions of History*, 1981, no. 6, pp. 103–114. (In Russ.)
16. Barsukov E.Z. *Rabota promyshlennosti na boevoe snabzhenie russkoy armii v mirovuyu voynu* [Munitioning by the Production Sector during the World War]. Moscow, 1928. 230 p. (In Russ.)
17. Ipatyev V.N., Fokin L.F. *Khimicheskii komitet pri Glavnom artilleriyskom upravlenii i ego deyatelnost' dlya razvitiya otechestvennoy khimicheskoy promyshlennosti* [Chemical Committee at the Central Artillery Administration and its Activities to Develop the National Chemical Industry]. Of vol. 1. Petrograd, 1921. 79 p. (In Russ.)
18. Somov S.A. *Osoboe soveshchanie po oborone i burzhuaziya. Vozniknovenie novoy formy sotrudnichestva samodержaviya i burzhuazii (may – avgust 1915 g.)*. Avtor-ref. kand. dis. [Special Commission for State Defense and the Bourgeoisie. A New Form of Cooperation between the Monarchy and the Bourgeoisie (May – August 1915). Abstr. cand. diss.]. Moscow, 1974. 24 p. (In Russ.)
19. [Report on Activities of the Council for War Production for 1919 and 1920]. Moscow, GUVF Publ., s. a. 116 p. (In Russ.)

ALEKSEEV Timofey V. – *Military Space Academy named after A.F. Mozhaysky.*

Zhdanovskaya ul., 13, St. Petersburg, 197082, Russia

e-mail: timofey1967@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.251.3

УДК 94=(470.23)

В.А. Орав

ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И РАЗВИТИЕ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА В 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что изучение политики Советского государства по развитию Карельского перешейка представляет существенный интерес, так как позволяет сделать выводы относительно эффективности системы власти периода «позднего сталинизма». Статья направлена на изучение способов реализации данной политики на протяжении 1940–1950-х гг. За основу взяты историко-генетический и проблемно-хронологический методы исследования, представляющие возможность раскрыть мотивы партийного руководства при принятии решений о Карельском перешейке. Раскрыта эволюция позиции руководства Ленинградской области по отношению к доставшемуся от финнов имуществу и инфраструктуре Карельского перешейка в контексте перспектив его развития на основании документов руководящих партийных и советских органов, в частности стенограмм заседаний бюро обкома партии. Автор статьи приходит к выводу, что районные руководители оправдывали плохое состояние хозяйства во вверенных им районах финским происхождением сооружений и инфраструктуры. Старое руководство области (до 1949 г.) не воспринимало подобное оправдание всерьез и стремилось заставить подчиненных работать более эффективно. Новое же руководство видело решение всех проблем в разрушении финской и создании новой инфраструктуры.

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК; ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО; ХУТОРА; ЖИВОТНОВОДСТВО.

Особенностью Карельского перешейка, северо-западной части современной Ленинградской области, является то, что он неоднократно менял свою государственную принадлежность. Последний раз это произошло в 1944 г., когда перешеек был отторгнут Советским Союзом от Финляндии по условиям перемирия, завершившего «войну-продолжение» 1941–1944 гг.

Можно сказать, что изучение послевоенного периода истории Карельского перешейка имеет довольно длительную историографическую традицию [1–4], однако оно сосредоточено главным образом на исследовании организации переселений, а значительная часть проблем, связанных с политикой Советского государства по развитию перешейка, еще не получила должного освещения.

На территории, доставшейся СССР от финнов, были хорошо развиты промышленность, сельское хозяйство и транспортная инфраструктура, в экономическом отношении она занимала одно из ведущих мест в Финлян-

дии [2, с. 23–45; 5, с. 218–220]. Тем важнее проследить, каким образом развивался Карельский перешеек, став частью другой страны, войдя в состав Ленинградской области, насколько рационально использовались его ресурсы, каковы были конечные результаты освоения этого региона советскими людьми.

Во второй половине 1940-х и начале 1950-х гг. власти придавали большое значение развитию перешейка. По словам председателя Леноблисполкома И.С. Харитонов, перед руководством области стояла задача «быстрейшего возрождения и развития этого важного участка советской земли, призванного играть очень существенную роль в экономике страны, и в первую очередь в экономике Ленинграда». Эта роль должна была сводиться к четырем основным составляющим: 1) центр целлюлозно-бумажной, лесной и рыбной промышленности; 2) молочно-животноводческое и овощекартофельное хозяйство; 3) санаторно-курортная зона; 4) узел морских и железнодорожных ком-

муникаций. При этом хозяйство и культура должны быть подняты на такой высокий уровень, «на каком они никогда не стояли и не могли бы стоять при капитализме» [6, с. 30].

На протяжении всего рассматриваемого периода цели оставались прежними, а вот представления о методах их достижения менялись. На наш взгляд, чрезвычайно важную роль в изменении подходов к решению экономических проблем сыграла смена руководства Ленинградской области. После ряда судебных процессов против партийных и государственных руководителей РСФСР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. («Ленинградское дело») было не только полностью заменено партийно-советское руководство Ленинграда и области, но и проведена масштабная чистка аппарата от работников, близких к «враждебной антипартийной группе» [7, с. 24–25]. В феврале – июне 1949 г. со своих постов были сняты секретари обкома партии П.С. Попков и Г.Ф. Бадаев. Ленинградскую партийную организацию возглавил член Оргбюро ЦК ВКП(б) В.М. Андрианов [8, с. 65, 93], а место Г.Ф. Бадаева занял бывший секретарь Вологодского обкома ВКП(б) Б.Ф. Николаев [9, л. 2–5]. Попробуем проанализировать эволюцию позиции регионального руководства по отношению к доставшемуся от финнов имуществу и инфраструктуре Карельского перешейка на основании документов руководящих партийных и советских органов, в частности стенограмм заседаний бюро обкома партии. Изменение подходов к развитию перешейка можно продемонстрировать на двух примерах – это сселение хуторов и строительство животноводческих помещений.

Для Карельского перешейка была характерна традиционная в Финляндии хуторская система расселения, предполагающая не концентрацию крестьянских дворов в отдельных населенных пунктах, а их рассредоточение на большом расстоянии друг от друга. Наличие же хуторов для сложившегося в те годы социально-экономического строя было неприемлемо, так как это затрудняло эксплуатацию крестьянства. Ликвидация (сселение) хуторов предполагала разборку домов и надворных построек и их постройку на новом, заранее определенном месте центральной усадьбы колхоза [10, с. 386–388]. С этой точки зрения судьбу хуторов на Карельском перешейке можно считать изначально

предопределенной. Однако решение об их ликвидации было принято не сразу.

В литературе укоренилась точка зрения, что сселение было начато с принятием 6 ноября 1948 г. постановления Леноблисполкома «О свозке хуторов на Карельском перешейке» [2, с. 97–98; 11, с. 500]. Действительно, в этот день Леноблисполком принял решение (прот. № 59) «О свозке хуторов на Карельском перешейке Ленинградской области», однако речь в нем шла только об образовании комиссии из 10 человек под председательством заведующего областным отделом сельского и колхозного строительства М.Е. Осипова для подготовки материалов о будущем сселении, конкретные сроки которого не определялись. Комиссии было поручено провести инвентаризацию хуторов и выявить постройки, пригодные к перевозке, а также произвести расчеты по стоимости работ и потребности в материалах и выработать предложения по организации строительных работ [12, л. 8].

Сселение требовало больших вложений. Секретарь Рошинского РК ВКП(б) Е.С. Изотов говорил об этом на Ленинградской X областной и VIII городской объединенной партийной конференции в декабре 1948 г.: в деле ликвидации хуторской системы без помощи правительства не обойтись; поскольку половина построек не пригодны к перевозке, придется строить «десятки тысяч жилых домов и хозяйственных построек» [13, л. 271–272]. Учитывая это, 1-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) П.С. Попков 1 октября того же года заявил: «Насчет хуторской системы. Это стало камнем преткновения. Мы, очевидно, в ближайшие два года этот вопрос не решим, так как это стоит больших денег и мы не подготовлены к этому вопросу». Он считал, что не следует «давать возможности за счет колхоза создавать индивидуальное хозяйство, весь упор надо сделать на колхозы. Когда колхозы будут крепкими во всех отношениях, тогда пусть колхозник имеет пару коров у себя, это не страшно, потому что он сам не захочет, так как он будет иметь достаточное количество всех вещей из колхоза» [14, л. 10–11].

Руководители районов перешейка систематически говорили о вреде хуторов. Например, секретарь Кексгольмского РК ВКП(б) И.М. Жеглов отмечал: «Хуторская система, которая сейчас существует у нас, очень мешает во

всех отношениях... Может быть, нужно установить короткие или длинные сроки, но что-то с хуторами надо делать» [15, л. 91]. Однако это не означает, что местные партийные и советские органы на деле стремились добиться принятия соответствующего решения. Данное обстоятельство использовалось как оправдание плохой работы колхозов. Об этом косвенно свидетельствует следующее высказывание В.М. Андрианова: «Если хутор, то хозяйство туговато вести. С одной стороны, мы с этим одно время должны были мириться, и надо, чтобы этим люди не прикрывались, надо создавать общественное крепкое хозяйство колхозов» [16, л. 11].

На состоявшемся 4 марта 1949 г. заседании бюро обкома секретарь Лесогорского РК ВКП(б) Н.И. Кунаев заявил, что «хуторская система сильно затрудняет развитие колхозов, руководство ими и не способствует формированию социалистического сознания у колхозников. Поэтому я просил бы областной комитет партии ускорить решение вопроса о сселении хуторов и о создании на Карельском перешейке вместо этих финских хуторов русских деревень». Г.Ф. Бадаев отметил: «Районный комитет и его первый секретарь до сих пор по-настоящему в районе сельским хозяйством не занимаются». Поскольку район, по его словам, имеет все необходимое для создания крепких колхозов, «здесь дело в исключительно неудовлетворительном положении с постановкой всей партийно-политической и организационно-партийной работы», райком «не проводит политической работы среди колхозников». После краткого выступления Бадаева свое видение ситуации изложил В.М. Андрианов. Он разделял точку зрения руководителей районов и наметил программу дальнейших действий: «Корень зла в том, что колхозы состоят из хуторских хозяйств. Это неполноценные колхозы, в таких колхозах нет сплоченности, и, мне думается, нам нужно как главную задачу поставить — это сселить хуторские хозяйства и сделать колхозы настоящими колхозами. Поручить облисполкому в связи с этим рассмотреть вопрос о сселении хуторских хозяйств, пока в этом районе, а потом выработать предложение и, если нужно будет, войти в правительство и попросить помощи. Надо выработать конкретно, когда переселять, сколько переселять, какие для этого нужны средства материальные и денежные».

Постановлением бюро обкома Леноблисполкому было поручено в течение месяца рассмотреть вопрос о сселении хуторов и выработать предложения по укреплению пограничных колхозов Лесогорского района [Там же. Л. 5, 6, 25].

Дальнейшее развитие событий выглядит следующим образом. В течение 1949 г. никаких мероприятий по новому строительству и сселению, за исключением сооружения небольшого количества скотных дворов, не производилось. Как указывалось в справке Андрианову от 30 ноября 1949 г., колхозники по-прежнему жили на хуторах; плохое организационно-хозяйственное состояние колхозов связывалось с недостаточным участием колхозников в общественном производстве вследствие «разбросанности населения по хуторам». 2 декабря была образована комиссия во главе с председателем Леноблисполкома И.Д. Дмитриевым для разработки предложений по организационно-хозяйственному укреплению колхозов Выборгского и Лесогорского районов [17, л. 158, 173]. Пока у нас нет убедительных свидетельств, но можно с высокой долей уверенности утверждать, что принятое 22 марта 1950 г. постановление Совета министров СССР, согласно которому началось сселение, основывалось на предложениях комиссии И.Д. Дмитриева. За 1950–1952 гг. предполагалось перевезти и построить на центральных усадьбах 2400 домов [18, л. 186].

Еще более показательна судьба животноводческих построек, тесно связанная с судьбой хуторов. Большинство построек были каменные и, в отличие от деревянных домов, перевозке не подлежали. Г.Ф. Бадаев при обсуждении доклада секретаря Яскинского РК ВКП(б) М.М. Пилишевского 1 августа 1947 г. высказался так: «Яскинский район у нас является пограничным районом, районом, обеспеченным всеми хозяйственными и бытовыми постройками для того, чтобы создавать колхозы не только среднего типа, а создавать колхозы образцовые... Пилишевский даже того не понимает, что колхозы расположены в пограничной зоне, что охрана границ будет в два раза крепче, если колхозы будут поставлены как следует. Пилишевский не думает над перспективой, не думает, как лучше, полнее, правильнее использовать богатства, которыми располагает район. У него, если подсчитать, на колхоз приходится по пять скотных дворов, которые не снились ни Ось-

минскому, ни Мгинскому районам — прекрасные кирпичные здания. А как используются? ...У них навозной жижи выше колен» [19, л. 9]. Данную мысль Бадаев еще раз высказал почти полгода спустя, 30 января 1948 г., когда принималось решение о контроле за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели в том же районе: «Есть постройки, скотные дворы, все с лихвой, причем такие, о которых мы еще мечтаем... А Вы, обладая такими несметными богатствами по сравнению с другими, не хотите понимать. Сколько раз мы с Вами говорили на эту тему, а дело остается по-прежнему. Строить там не надо, нужно только воспитанием людей заниматься, правильным ведением хозяйства, и всё. Если в другом районе людей не хватает, занимают вопросы, куда поселять, у вас этого нет» [20, л. 13–14]. Очевидно, это была единая позиция ведущих руководителей области. То же самое говорил и председатель Леноблисполкома И.С. Харитонов: «Работники животноводства Карельского перешейка не могут пожаловаться на отсутствие хороших хозяйственных построек, скотных дворов, кормов, однако положение с животноводством остается неудовлетворительным» [6, с. 23].

Совсем другого мнения были местные партийные, советские и хозяйственные кадры. Директор птицевосхоза «Приморье» в 1946 г. утверждал: «Имеющиеся постройки, как производственные, так и жилые, индивидуально-хуторского типа, из себя не представляют никакой ценности как основная база для нормальной работы совхоза». В совхозах, по его мнению, даже отсутствовали скотные дворы необходимой вместительности. Авторы записок в отдел совхозов обкома партии в том же году отмечали, что «совхозные тресты больше занимаются совхозами других районов области и мало внимания сосредоточивают на совхозах Карельского перешейка», и производственные показатели здесь были хуже, чем в других совхозах области [21, л. 4, 9, 48]. Не улучшились они и в последующие годы. За 1949–1951 гг. совхозы Главного управления животноводческих совхозов Ленинградской зоны, расположенные в Ленинградской области, получили 50 млн рублей убытка. Как указывалось в записке члену Оргбюро ЦК Г.М. Маленкову в августе 1951 г., эти совхозы «плохо справляются с выполнением своей основной задачи снабжения населе-

ния г. Ленинграда продуктами животноводства. Большинство совхозов находятся в тяжелом финансовом положении и не имеют возможности своевременно проводить финансовые операции по оплате кормов и поставляемого поголовья на откорм» [22, л. 15].

Свой ответ на вопрос о причинах столь тяжелого положения дал начальник отдела строительства Выборгского животноводческого треста Матвеев. При кажущейся убедительности, его суждения не отличаются особой логикой. По утверждению Матвеева, причиной всех бед являлось финское происхождение жилых и производственных построек: «В большей своей части эти сооружения не имеют водопровода, канализации и вентиляции, что отражается не только на самом здании, но и на здоровье скота и его продуктивности. Стопроцентное отсутствие какой-либо механизации подачи кормов и вывоза навоза, отсюда навоз выбрасывается вручную и, конечно, рядом с помещением; так, в отдельных совхозах у животноводческих построек скопление навоза выражается в 1000-тонных завалах, они загромаждают эксплуатационные подходы». Из приведенных суждений получалось, что непосредственной причиной всех бед является финское происхождение построек, при этом сделать так, чтобы навоз убирался вовремя, иначе как через внедрение гипотетической механизации невозможно в принципе. Также невозможно подвести к этим сооружениям водопровод, канализацию, электросети, поскольку существующие сооружения расположены вне границ утвержденных генпланов. Из-за отсутствия водопровода увеличивалась себестоимость: в совхозе «Барышево» для доставки воды, предназначенной для поения скота, в зиму 1949/50 г. было израсходовано 26 тыс. рублей [Там же. Л. 100–101]. Совершенно очевидно, что гораздо экономичнее разработать новые генпланы совхозов, нежели строить скотные дворы и иные здания заново. В этой связи знаменательно признание секретаря Соновского РК ВКП(б) О.А. Потапова на июньском (1949 г.) пленуме обкома: «Мне кажется, что надо продумать вопрос о каких-то кадрах механизаторов в районе, потому что сейчас получается такое положение: у нас есть ряд финских дворов, где есть хорошая система водопровода, имеются автоматические поилки, но мы не знаем ни схем, ни узлов, находящихся под землей,

и восстановить их собственными силами мы не можем» [9, л. 65]. Это признание свидетельствует не только об искажении информации со стороны чиновников совхозных трестов, но и о еще одном приеме сокрытия истинного положения вещей — ссылаясь на отсутствие технической документации, вывезенной финнами, а потому, по мнению местных руководителей, абсолютно недоступной [23, с. 204–205]. Это было совершенно не так: получение необходимых планов и схем, по крайней мере в первые 2–3 года после подписания перемирия с Финляндией, не было непреодолимым препятствием. Так, 2 марта 1945 г. секретарь обкома А.А. Кузнецов говорил о затребовании у финнов документации по сооружениям Сайменского канала: «Пункт 6-й, конечно, нужно изъять. В Контрольную союзную комиссию позвонить по телефону Савоненкову и сказать: сделайте то-то и то-то» [24, л. 18].

По нашему мнению, причины плохих производственных показателей совхозов, как и колхозов, не были связаны с финским происхождением домов и ферм, а состояли в отсутствии взаимосвязи между трудовыми усилиями непосредственного производителя и его заработком. Выразительный пример об атмосфере в одном из совхозов был приведен лектором обкома Агамалюном, выезжавшим в Лесогорский район, на совещании в Смольном 9 августа 1950 г.: «Директор Алексеев и главбух придерживаются следующей философской премудрости: рабочий не должен зарабатывать больше директора и главбуха. Если рабочий постарается, то его заработок всё равно снизят. И это в условиях недостатка рабочей силы, на

который непрерывно жалуется директор совхоза. Поэтому теперь рабочие стараются работать в пределах максимума, а хлеб тем временем осыпается. У людей никакого стимула нет» [25, л. 11].

Исходя из вышеизложенного, изменение подходов к методам развития Карельского перешейка можно представить следующим образом. Перед региональным партийно-советским руководством была поставлена задача сделать перешеек наиболее обустроенной, экономически развитой, «культурнейшей частью нашей области» [6, с. 28–30]. Но по прошествии некоторого времени выяснилось, что в условиях социализма невозможно поставить хозяйство на более высокий уровень, чем оно было при капитализме. Оказавшись под огнем критики руководителей области, районное начальство избрало линию поведения, заключавшуюся в том, что все провалы и недостатки связывались с финским происхождением зданий и сооружений. Хотя мероприятия, осуществлявшиеся с начала 1950-х гг., начали разрабатываться еще при П.С. Попкове и Г.Ф. Бадаеве, очевидно, что они не воспринимали эти ссылки всерьез. В то же время новое руководство обкома партии во главе с В.М. Андриановым воспринимало их как руководство к действию. Главное различие в подходах руководителей двух формаций заключается в том, что представители первой стремились добиться хороших показателей, пытаясь заставить подчиненных работать более эффективно, и уже на этой основе осуществить инфраструктурные изменения, а представители второй видели решение проблем в разрушении старой и создании новой инфраструктуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кутузов В.А.** Возрождение земли Ленинградской: коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л.: Лениздат, 1985. 246 с.
2. **Большакова Г.И.** Заложники новой границы: проблемы заселения и освоения Карельского перешейка в 1940–1960-х гг. СПб.: Астерион, 2009. 134 с.
3. **Кривошеев Ю.В.** Советские переселенцы на Карельском перешейке и начало Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 133–137.

4. **Герашенко Л.В.** Переселенческая политика Советского государства на Карельском перешейке в 1940–1950-х гг. в документах Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 141–148.
5. **Килин Ю.М.** Карелия в политике Советского государства, 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1999. 275 с.
6. **Харитонов И.С.** О работе партийных, советских и хозяйственных организаций области по освоению Карельского перешейка, хозяйственному устройству и закреплению переселенцев на Карельском перешейке // Пропаганда и агитация. 1946. № 24. С. 23–30.

7. **Болдовский К.А.** Аппарат Ленинградской городской партийной организации и его место в системе властных отношений в СССР. 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. 28 с.
8. «Ленинградское дело» / сост. В.И. Демидов и В.А. Кутузов. Л.: Лениздат, 1990. 414 с.
9. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 49. Д. 17.
10. **Голдин В.Н.** Взгляд из деревни, или Почему пустует земля. В 2 кн. Кн. 1. Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2010. 434 с.
11. **Дмитриев А.П., Лихой А.И.** Приозерская земля: история и культура. Книга по краеведению. СПб.; Приозерск: Комплекс, 2009. 668 с.
12. **Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.** Ф. 7179. Оп. 33. Д. 438.
13. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 73. Д. 30.
14. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 2. Д. 6712.
15. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 2. Д. 5817.
16. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 49. Д. 82.
17. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 49. Д. 318.
18. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 70. Д. 174.
19. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 2. Д. 6355.
20. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 2. Д. 6552.
21. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 16. Д. 154.
22. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 58. Д. 310.
23. **Герашенко Л.В.** Плановое переселение и обустройство советских граждан в приграничных районах Карельского перешейка в 1940–1941, 1944–1953 годах. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2011. 248 с.
24. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 2. Д. 5543.
25. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 24. Оп. 49. Д. 834.

ОРАВ Владимир Алексеевич – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: v.orav@yandex.ru

V.A. Orav

**THE LENINGRAD REGION PARTY AND STATE LEADERSHIP
AND THE DEVELOPMENT OF THE KARELIAN ISTHMUS
IN THE 1940S – EARLY 1950S**

The article relevance is stipulated, because the analyzing of the Soviet politics in regard to the Karelian Isthmus have a significant interest. This scrutinizing allows to make conclusions about the “late Stalinism” power system effectiveness. In this connection the article reveals a implementation of this politics in 1940s

and 1950s. The author used a historical-genetical and a question-chronological methods as main methods of this study. The methods give an opportunity to explore the party leadership motives in a case of decision-making in relation to the Karelian Isthmus. In the article evolution of Leningrad region leadership attitude toward former Finnish property and infrastructure on the Karelian Isthmus in the context of its developing prospects scrutinizes. As a basis for the article the author used regional party and state bodies' documents including shorthand records of the Party regional committee bureau. The author arrives at a conclusion that the district leaders justified poor state of economy in the districts by Finnish origin of buildings and infrastructure. The old regional leadership existed until 1949 did not perceived the references seriously and this leaders aspired to compel its subordinates to more effective work. The new leadership apprehended the references as a guide to action. This leaders supposed that the optimal solution of all problems is destroying of Finnish infrastructure and creating of new Soviet infrastructure.

THE KARELIAN ISTHMUS; LENINGRAD AFFAIR; KHUTORS; ANIMAL HUSBANDRY.

REFERENCES

1. Kutuzov V.A. *Vozrozhdeniye zemli Leningradskoy: kommunisty v avangarde vosstanovleniya narodnogo khozyaystva Leningradskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The revival of Leningrad's land: communists in vanguard of Leningrad region national economy restoration during the Grate Patriotic war years]. Leningrad, Len'izdat Publ., 1985. 246 p. (In Russ.)
2. Bol'shakova G.I. *Zalozhniki novoy granitsy: problema zaseleniya i osvoyeniya Karel'skogo peresheyka v 1940–1960-kh gg.* [Hostages of a new border: the problems of colonization and developing of the Karelian isthmus in 1940–1960s]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2009. 134 p. (In Russ.)
3. Krivosheyev Yu.V. [The Soviet migrants on the Karelian isthmus and a beginning of the Grate Patriotic war]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2011, no. 1, pp. 133–137. (In Russ.)
4. Gerashchenko L.V. [The emigrant politics of Soviet state on the Karelian isthmus in 1940–1950s in the Leningrad regional state archive in Vyborg]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2011, no. 2, pp. 141–148. (In Russ.)
5. Kilin Yu.M. *Kareliya v politike Sovetskogo gosudarstva, 1920–1941* [Karelia in the politics of the Soviet state in 1920–1941]. Petrozavodsk, Petrozavodskiy Univ. Publ., 1999. 275 p. (In Russ.)
6. Kharitonov I.S. [On the work of party, state and economical organizations on developing of the Karelian isthmus, necessary facilities provision and attaching of settlers on the Karelian isthmus]. *Propaganda i agitatsiya*, 1946, no. 24, pp. 23–30. (In Russ.)
7. Boldovskiy K.A. *Apparat Leningradskoy gorodskoy partiynoy organizatsii i yego mesto v sisteme vlastnykh otnosheniy v SSSR. 1945–1953 gg.* Avtoref. kand. dis. [Leningrad city party organization apparatus and his place in power relations system of the USSR in 1945–1953. Abstr. cand. diss.]. St. Petersburg, 2013. 28 p. (In Russ.)
8. *“Leningradskoye delo”* [“The Leningrad affair”]. Coll. by V.I. Demidov and V.A. Kutuzov. Leningrad: Len'izdat Publ., 1990. 414 p. (In Russ.)
9. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 49. D. 17.
10. Goldin V.N. *Vzglyad iz derevni, ili Pochemu pustuyet zemlya* [The look from countryside or Why land is deserted]. In 2 vol. Of vol. 1. Ekaterinburg, USTU Publ., 2010. 434 p. (In Russ.)
11. Dmitriyev A.P., Likhoy A.I. *Priozerskaya zemlya: istoriya i kul'tura. Kniga po krayevedeniyu* [Priozersk land: the history and the culture. The book about a local history]. St. Petersburg, Priozersk, Kompleks Publ., 2009. 668 p. (In Russ.)
12. [The Central state archive of St. Petersburg]. F. 7179. Op. 33. D. 438.
13. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 73. D. 30.
14. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 2. D. 6712.
15. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 2. D. 5817.
16. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 49. D. 82.
17. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 49. D. 318.
18. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 70. D. 174.
19. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 2. D. 6355.
20. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 2. D. 6552.
21. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 16. D. 154.
22. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 58. D. 310.

23. Gerashchenko L.V. *Planovoye pereseleniye i obustroystvo sovetskikh grazhdan v prigranichnykh rayonakh Karel'skogo peresheyka v 1940–1941, 1944–1953 godakh* [Planned resettlements and Soviet citizens necessary facilities provision in borderland districts of the Karelian isthmus]. St. Petersburg, SPbSEU Publ., 2011. 248 p. (In Russ.)

24. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 2. D. 5543.

25. [The Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 24. Op. 49. D. 834.

ORAV Vladimir A. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7-9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: v.orav@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.251.4
УДК 94(47).083

Н.А. Портнягина

В.Г. КОРОЛЕНКО И Ф.В. ФИЛОНОВ: К ИСТОРИИ ОДНОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Статья посвящена крайне актуальной и малоизученной в отечественной историографии проблеме формирования общественного мнения о революционном терроре в Российской империи в период революции 1905–1907 гг. Рассмотрено его влияние на размах террора на примере освещения полтавской прессой сорочинских событий конца 1905 г. Используются хронологический, историко-типологический, историко-генетический и сравнительный методы исследования. Хронологические рамки исследования ограничены 1905–1907 гг.: от момента возникновения крестьянского восстания в Сорочинцах, положившего начало информационной войне в прессе между либеральными и консервативными публицистами, и до появления статьи В.Г. Короленко в «Русском богатстве», положившей ей конец. Историко-типологический метод позволяет проанализировать отношение к сорочинским событиям со стороны российской общественности, дать классификацию основных точек зрения на действия власти и террор, представленных в полтавской периодической печати. Статья написана на основе архивных документов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, а также материалов периодической печати того времени. В работе впервые реконструируются обстоятельства, вызвавшие к жизни статьи В.Г. Короленко «Открытое письмо статскому советнику Филонову» и «Сорочинская трагедия». Показано, что полтавская либерально-демократическая печать использовала эти события в информационной войне против власти: факты революционного движения ею скрывались, жестокость же власти в процессе его подавления преувеличивалась. Печать революционизировала край, способствовала размаху террора и мало помогала становлению правового государства. Талантливая публицистика В.Г. Короленко, направленная на борьбу с «беззаконием», в действительности не смогла преодолеть этих установок либерально-демократической печати. Консервативная публицистика, включившаяся в информационную войну на стороне власти, пытаясь более объективно освещать события, проигрывала левой печати в борьбе за общественное мнение. Материалы статьи могут быть использованы в процессе преподавания истории России в высшей и средней школах.

В.Г. КОРОЛЕНКО; Ф.В. ФИЛОНОВ; «ПОЛТАВЩИНА»; ТЕРРОР; СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ; СОРОЧИНЦЫ; КОНСЕРВАТИВНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ; ЛИБЕРАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...*
Тютчев

Публицистические статьи В.Г. Короленко «Открытое письмо статскому советнику Филонову» [1] и «Сорочинская трагедия» [2] хорошо известны филологам и историкам. Трагические обстоятельства, изложенные в них, упоминаются во всех изданиях биографии знаменитого писателя [3, 4] и даже в школьных учебниках и

пособиях, прежде всего в изданных на Украине в советское время и в наши дни [5, 6]. Однако события конца 1905 г., произошедшие в селе Большие Сорочинцы, воспетом Н.В. Гоголем, были освещены Короленко однобоко, а исследователи, обращаясь к этому материалу, опирались в основном на тексты писателя.

Трактуются они в историографии по-разному: то как восстание, то как собрание невооруженных крестьян [3, 4]. Существует лишь одно исследование [7], проливающее свет на историю появления этих работ Короленко, но и оно содержит много неточностей и сомнительных утверждений. Между тем материал, связанный с выходом в свет этих статей писателя, крайне любопытен, причем не только для изучения биографии В.Г. Короленко. Этот материал дает нам представление об особенностях формирования общественного мнения в России в период революции 1905–1907 гг. и о его влиянии на размах революционного террора, который буквально захлестнул страну, об особенностях ведения информационной войны либерально-демократической интеллигенцией и властью, о роли печати в процессе формирования общественного мнения. Именно этим малоизученным в отечественной историографии проблемам и посвящена данная статья. Материалы для нашего исследования отложились в отделе рукописей РГБ, в фонде В.Г. Короленко, который тщательно собирал все материалы, связанные с делом Ф.В. Филонова. В фонде есть заверенные копии протоколов допросов свидетелей по этому делу, многочисленные письма к Короленко, касающиеся этой проблемы, газетные вырезки и пр.

В конце 1905 г. революция в России достигла своего пика, власть едва справлялась с ситуацией. В Полтавской губернии начались серьезные крестьянские беспорядки. Губерния была многолюдная: к концу XIX в. там проживало около 3 млн человек, а земли приходилось по 1,57 десятины на каждую душу [8, с. 3]. Крестьяне громили помещичьи усадьбы, раздавались призывы к захвату земель. В приговорах сельских сходов крестьяне требовали созыва Учредительного собрания, земли, уничтожения полиции и пр. [9, с. 294]. Власть опасалась, «что крестьяне этой губернии постановят приговоры об отделении Украины от России на автономных началах и об отобрании частновладельческих земель» [10, с. 54–55]. Полтавский губернатор постоянно просил центральную власть усилить военное присутствие в губернии. Наконец 28 ноября 1905 г. Полтавская губерния была объявлена на положении усиленной охраны [9, с. 296].

Основными возмутителями спокойствия в деревне стали агитаторы революционных

партий. Так, кременчугский комитет социал-демократической партии отправил в Миргородский уезд Николая Пыжова, которому было всего лишь 18 лет, но он оказался талантливым оратором, способным держать под контролем многотысячную толпу. Местные сорочинские революционеры подготовили почву для встречи приезжего оратора, поэтому в селе его ждали «как мессию», полагая, что он всё объяснит. Когда же Н. Пыжов прибыл в Сорочинцы, крестьянин А. Духовный распространил слух, что он брат государя [11]. Сорочинские крестьяне позже вспоминали, что молодой оратор за два-три дня так заставил всех слушать себя, «что всё делалось по его приказу и ничего сделать нельзя было против его влияния» [12, л. 4 об.]. Местный помещик Моргун показывал на суде по сорочинскому делу, что Николай произвел на крестьян потрясающее впечатление. Говорил он речитативом, особой эрудицией не обладал, целью же его речи было «побудить толпу действовать» [13]. Обычно Н. Пыжов делил свою речь на три части. В первой части он объяснял значение свобод, дарованных манифестом 17 октября 1905 г., говорил об истории революционной борьбы народа, о «преступлениях царского правительства... его бездарности, продажности и жестокости», во второй давал характеристику губернаторам, исправникам, становым и урядникам и «доказывал, что они могут опять стать гонителями свободы», а в третьей объяснял, как народу «организовать охрану свобод и в случае нужды погнать от себя всех царских чиновников и кровавого царя» [14, с. 14].

Позже Н. Пыжов писал, что «вывести в деревне революцию на улицу» была его первая задача. Для этого молодой революционер собирался создать в селах опорные пункты в виде кружков революционно настроенных крестьян, переизбрать на митингах старые волостные правления, введя в состав новых кандидатов от революционных кружков, а завершить организацию созданием уездного центра, где были бы представлены все волостные кружки и села. Он проводил митинги в Миргороде и в селе Устивица. В Устивице крестьяне выбрали новое революционное правление, закрыли винную лавку, порвали телеграфные провода, соединяющие село с уездным центром, стали подсчитывать количество земли, находящейся у помещиков и кулаков, и уже

«начали вбивать колышки в землю богатеев». Для предстоящей борьбы с казаками испытывали начиненные гвоздями бомбы, сделанные местным учителем [14, с. 7, 22–36, 61]. Казаки прибыли в Устивицу, однако не решились действовать против многотысячной толпы, собравшейся по набату [9, с. 306]. 16 декабря Пыжов выехал в Большие Сорочинцы и выступил там на митинге. Именно это многолюдное село он решил сделать центром революционного движения во всем уезде [14, с. 62], тем более, что там уже был кружок революционно настроенных крестьян [Там же. С. 56]. Поводом к началу сопротивления властям стал арест в ночь с 17 на 18 декабря местного агитатора Г. Безвиконного, который «разъяснял» землякам манифест 17 октября 1905 г., «читал, что в России делается, про погромы, про создание крестьянского союза» [12, л. 29]. П.П. Копитько, старшина Сорочинской волости, говорил позже на допросе: «Казака Безвиконного я хорошо знаю и думаю, что не будь посторонней агитации того „Николая“, то арест Безвиконного прошел бы бесследно, так как общество к нему относилось несимпатично, но этот арест был предлогом для деятельности Николая и лиц, подражавших ему» [Там же. Л. 4].

Н. Пыжову удалось организовать в Сорочинцах настоящее восстание. Был создан народно-революционный комитет, подчинивший себе селян. На здании правления были вывешены красные флаги, закрыты винные лавки, арестованы пристав и урядник, высланы стражники. Оружием восставших стали колья, вилы, топоры, два ружья и решимость не отступить. Николай послал к своим партийным товарищам в Миргород крестьянина с сообщением о том, что село «в руках народа», и с просьбой прислать бомбы [Там же. Л. 19–25 об.]. Местных революционеров вдохновляли и слухи о победе восстания в Москве. Восставшие потребовали от властей освободить Г. Безвиконного. Полтавский губернатор Н.П. Урусов не мог пойти на это. Он не раз сообщал в Петербург о бессилии полиции, о потере ею всякого авторитета у населения, которое оказывает «полное неуважение властям». Урусов просил прислать дополнительные войска в губернию, поскольку не видел другой возможности справиться с пропагандой среди крестьян, «так как население пытается всяким арестам противо-

поставить насилия» [9, с. 309–310]. На этот раз он послал в Сорочинцы помощника миргородского исправника М.П. Барабаша с 82 казаками под руководством полковника А.А. Бородина [12, л. 31 об.]. Перед этим, 15 декабря 1905 г., командующим войсками ряда военных округов, в том числе и Киевского военного округа, Военным министерством был разослан секретный циркуляр о допустимости применения оружия при подавлении революционных выступлений [10, с. 157]. Сорочинцы были полны решимости дать отпор казакам, всю ночь в селе звучал набат, поддерживая тревожное и решительное настроение крестьян. Утром у правления собралось «вооруженное дреколшем полчище», по мнению арестованного крестьянами пристава Н.И. Якубовича, насчитывающее 5–6 тыс. человек [12, л. 52]. Н. Пыжов вспоминал, что утром на площади собралась толпа в 1000 человек, оружие крестьяне прятали под тулупами, поэтому с виду выглядели невооруженными [14, с. 120]. Часть крестьян шла сражаться с казаками вполне сознательно, кто-то пришел из любопытства, кто-то потому, что ему велели так сделать. Так, 30-летнему Т.И. Кондратенко было интересно узнать, что это за оратор [12, л. 46 об.]. С.С. Юхно взял с собой вилы потому, что «было сказано всем, чтобы не приходиться голыми руками» [Там же. Л. 28 об.], а Ф.И. Бут показывал позже на следствии, что «кто-то ему сказал звонить в набат», поэтому он и звонил [Там же. Л. 6 об.]. Кроме того, «населению достаточно было внушено, что земля будет принадлежать только тому, кто выйдет на защиту своих прав, поэтому на площадь, где предполагалась встреча с войсками, вышли и старые, и малые, и мужчины, и женщины, которые вели за собой и детей» [15, с. 26]. Общинная психология заставляла крестьян действовать как один организм.

Помощник исправника М.П. Барабаш был настроен мирно разрешить конфликт, он попробовал договориться с восставшими. Однако Н. Пыжов, который «всем распоряжался», мешал ему пройти к телефону, не давал помощнику исправника говорить, все время его перебивал. Барабаш, понимая, чем может закончиться столкновение, пытался уговорить Пыжова, чтобы тот «не увлеклся», объяснял, что «через него может пострадать народ». Революционер ответил ему, что он сам говорит «от

имени народа» [12, л. 3, 12]. Мирно разрешить конфликт не удалось. В результате инициатива оказалась у полковника А.А. Бородина, который решил выполнить приказ губернатора и освободить арестованных. На следствии он и сотник П.А. Щепихин описали свои действия так: после сигнала рожка о стрельбе толпа не разошлась, а «хлынула» на казаков, «стараясь поранить лошадей косами, вилами, стреляя из револьверов». Казаки стали стрелять, люди рассеивались, однако потом собирались вновь, «оставаясь вооруженными», поэтому казаки продолжили стрельбу. Сотник Щепихин послал пять казаков «ввиду вторичных сборищ крестьян в улицах и дворах», чтобы разогнать их, поэтому раненые и убитые сорочинцы оказались не только на площади, но и во дворах. Часть сорочинцев на следствии показали, что некоторые крестьяне оказались убиты во дворах, потому что казаки «гонялись за людьми» [Там же. Л. 17 об.]. Другие утверждали, что эти крестьяне были убиты шальными пулями [Там же. Л. 119, 123]. А.А. Бородин и П.А. Щепихин категорически отрицали, что казаки специально охотились за людьми, убивая их «чуть ли не в собственных дворах», и назвали это утверждение «ни на чем не основанным плодом фантазии» [Там же. Л. 83]. Бежавших не преследовали и потому, что сами казаки страшно «закоченели». Всего в тот день в Сорочинцах пострадали 63 человека, из них 18 погибли [15, с. 27]. Казаки, если не считать нескольких царапин, практически не пострадали, но сорочинцы тяжело ранили М.П. Барабаша, который, не приходя в сознание, умер в местной больнице. Обстоятельства этого убийства так и остались невыясненными. Крестьяне на следствии в один голос уверяли, что не видели, как это произошло. Н. Пыжов во время стрельбы куда-то пропал. В своих воспоминаниях он писал, что прятался от казаков на чьих-то огородах. От смерти Николая спас местный цыган, который вывез его в Устивицу, а оттуда он уехал в Кременчуг [14, с. 150–155].

Таким образом, восстание в Сорочинцах было подавлено, село погрузилось в траур, оплакивая погибших. Однако власть не знала о том, что делалось в селе, руководители восстания не были арестованы, дознание не было проведено. Губернатор решил послать в Сорочинцы советника губернского правления Ф.В. Филонова с отрядом казаков, вооруженным двумя пушка-

ми. Командир отряда подьесаул А.Н. Ончиков показывал на следствии, что цель экспедиции была карательной. Казаки, ожидая нового сопротивления, взяли с собой даже гранаты. Филонов приказал казакам открыть огонь, если они вновь услышат набат [12, л. 84–85]. Возглавлять подобные экспедиции должен был вице-губернатор С.И. Фонвизин, однако он «всячески уклонялся» от подобных командировок [16, с. 275]. Это было вполне понятно. Многим чиновникам, офицерам и полицейским не только руководство карательными экспедициями, но и простое выполнение служебных обязанностей стоило жизни. По неполным данным, в 1905 г. террористами был убит и ранен 591 человек, с февраля по май 1906 г. – 1421 человек, в 1907 г. было совершено 3487 терактов [17, с. 129]. Террористы добились того, что страх стал постоянно действующим фактором в жизни российских чиновников, определяя их поведение. В обществе ходили слухи, что террористы имеют списки, по которым они уничтожают людей. Действительно, боевики на местах стремились избавиться прежде всего от жандармских и полицейских чинов, от членов военно-полевых судов, от наиболее решительных чиновников губернских правлений. Не случайно имена участников военно-полевых судов держались в строгой тайне «с целью не дать возможности революционерам преследовать их из мести» [18, с. 40]. Многие чиновники уходили в отставку или действовали с оглядкой на террористов. Наместник на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков жаловался Николаю II на то, что «многие из лиц судебного ведомства... не находят в себе достаточно мужества к честному и безбоязненному исполнению лежащего на них служебного долга» [19, л. 7].

Советник губернского правления Ф.В. Филонов, по всей вероятности, был человеком смелым. Он решил действовать жестко и даже жестоко, «взять суровый, угрожающий тон» [16, с. 275]. В Сорочинцы он прибыл 21 декабря, закрыл земский телефон, выявил и арестовал зачинщиков мятежа, отправил тело М.П. Барабаша в Миргород. Те же действия он произвел и в Устивице. Поведение казаков Филонов характеризовал как «безупречное»: «никаких насилий и грабежей ими производимо не было, войска во всё время находились под постоянным надзором своих офицеров» [15, с. 27–30]. На деле

же Филонов действовал более жестко, чем описывал в рапорте. Протоколы допроса сорочинцев показывают, что казаки, производя аресты, били задержанных, забирали у них вещи. Еврей А.Х. Готлиб показал, что ночью после ареста его били, сломали руку и забрали у него 500 рублей [12, л. 66–68]. Правда, судебно-медицинское освидетельствование, которое проводил 25 апреля 1906 г. полтавский уездный врач, показало, что перелома руки не было, а побои можно отнести к категории легких [Там же. Л. 69]. Утром 22 декабря Ф.В. Филонов собрал сход крестьян, приказал «всех стиснуть, снять шапки и на колени и держать нас в таком виде до сумерек». При этом он вел себя грубо, некоторые крестьяне были на сходе избиты [20, л. 1 об.].

После этих событий в полтавской прессе началась информационная война. Нужно сказать, что Полтава в начале XX в. представляла собой значительный культурный центр. В городе были Краеведческий музей, театр, на подмостках которого блистали великие В.Ф. Комиссаржевская и М.Г. Савина, а также различные общества. Здесь жили видные представители интеллигенции: основоположник украинского реалистического романа П. Мирный, художник Г.Г. Мясоедов, дирижер Д.В. Ахшарумов [21, с. 328]. В 1900 г. в Полтаве поселился и В.Г. Короленко. В его доме по субботам собиралась либерально-демократическая интеллигенция. 15 октября 1905 г. кружок, близкий Короленко, приобрел газету «Полтавщина». В период революции эта газета занимала леволиберальную позицию. Она получила широкое распространение в губернии. Там публиковались и статьи писателя [22, с. 161]. П.Н. Дурново в докладе императору писал о ней как о газете «весьма крайнего направления» [См.: 10, с. 55]. Оппонентом «Полтавщины» была умеренно-консервативная газета «Полтавский вестник», редактором которой был видный общественный деятель Полтавы Д.А. Иваненко. Короленко отмечал в письме своему товарищу С.Д. Протопопову: «У нас теперь тут две газеты. Одна приличная – „Полтавщина“, другая – прислужническая („Полт[авский] Вест[ник]“). В последнем – главная сила Ф.П. Чеботарёв, мразь изрядная» [23, с. 116].

Именно «Полтавщина» первой стала сообщать о событиях в Сорочинцах. 23 декабря она поместила на своих страницах небольшую замет-

ку, в которой сорочинские события освещались довольно предвзято. О восстании, об агитаторе Н. Пыжове газета не сообщала. Она обвиняла власть в аресте пользовавшегося «доверием и уважением крестьян» оратора Г. Безвиконного, освобождения которого добивались крестьяне. Действия казаков полковника А.А. Бородина изображались как бесправие власти над мирной толпой: «Возмутившись тем, что помощник исправника с казаками на лошадях наступали прямо на толпу, преградили ему дорогу и задержали его лошадь. Помощник исправника скомандовал казакам стрелять... казаки стреляли, топтали, наезжали...» Газета называла и количество убитых и раненных – 100 человек [24]. 1 января «Полтавщина» определила действия Ф.В. Филонова как террор [25]. Консервативный «Полтавский вестник» поместил на своих страницах отчет о событиях в Сорочинцах 5 января. События освещались достаточно объективно: упоминались выступление сорочинцев под красными флагами, заезжий оратор, провал миротворческой миссии М.П. Барабаша, верно называлось и число пострадавших: 18 убитых и 45 раненых [26].

В это время В.Г. Короленко в Полтаве не было, он вернулся из столицы 23 декабря, и его сразу захватило это дело. Он разговаривал с крестьянами, собирал материал для большой статьи. Постоянный работник «Полтавщины» А.Б. Дерман вспоминал, что писатель «горел на этом деле... похудел, черты лица обострились, выражение гневной скорби не сходило с него» [21, с. 362].

Прежде чем опубликовать работу, Короленко прочитал ее в кругу лиц, близких к газете «Полтавщина». В него входило довольно много юристов. Писателя интересовал вопрос о последствиях опубликования письма [Там же. С. 342]. Письмо было написано талантливо и эмоционально. Так же, как и в статье «Полтавщины» от 23 декабря, Короленко ничего не писал о восстании в Сорочинцах, он описывал события как мирные действия граждан, обсуждающих манифест 17 октября: «В Сорочинцах собирались люди, говорили речи, думали, что это право дает им Манифест 17 Октября». Писатель обвинял власть в убийстве беззащитных людей, подробно описывал «кровавую бойню», устроенную казаками А.А. Бородина, убивавшими невооруженных людей. Но более всего

досталось «истязателю, насильнику, незаконнику» Ф.В. Филонову, действия которого, по мнению Короленко, подрывали идею о законе в государстве. Целью письма был вызов статского советника в суд [1]. Статья прямо не искажала фактов, но преподносила их предвзято, о части сорочинских событий не упоминалось вообще. Этот текст перепечатали и другие газеты края. Он имел необыкновенный резонанс. Письмо читали в Полтаве все, верили ему, поскольку «привыкли прислушиваться к каждому слову Короленко, как к слову учителя, смотреть на него, как на маяк и на путеводную звезду...» [27, л. 26]. Одна из читательниц В.Г. Короленко написала ему о том, что если раньше она сомневалась в правдивости корреспонденций «Полтавщины», то «после Вашего письма сомнений больше не может быть, Вашему слову должны верить» [28, л. 1 об.]. «Негодующую и страстную реакцию вызвало оно и в среде молодежи». Гимназисты в перерывах между уроками обменивались «гневными речами», «обсуждая неслыханные факты насилия над простыми людьми» [21, с. 332]. 14 января выпуск газеты «Полтавщина» был приостановлен.

Ф.В. Филонов прочел статью, будучи в командировке. Он вернулся в город в ночь с 16 на 17 января, дома его уже ждали анонимные письма с угрозами расправы [29, л. 1]. 17 января вице-губернатор вызвал к себе статского советника и порекомендовал ему ответить на письмо В.Г. Короленко, поскольку его «нельзя оставить без опровержения, так как им затронута служебная честь должностного лица». Филонов заметил, что «приготовил уже опровержение, которое в ближайшем будущем поместит в „Полтавском Вестнике“» [30, л. 1]. Д.А. Иваненко, редактор «Полтавского вестника», также сообщил позже, что Ф.В. Филонов забежал к нему после командировки и говорил, что собирается защищать себя против обвинений В.Г. Короленко [31]. Однако сделать этого он не смог, так как утром 18 января был убит выстрелом в лицо эсеровским боевиком на самой людной улице города без суда, на который звал его писатель. Убийца бежал [Там же]. 20 января весь город хоронил Ф.В. Филонова, у которого осталась беременная жена.

Консервативная общественность справедливо обвинила В.Г. Короленко в одностороннем освещении событий, приведшем к гибели

Ф.В. Филонова: «...Оттенили рельефно жестокость Филонова, едва скользнув по обстоятельствам, при которых они совершены. Искажение картины, искусственная группировка фактов...» [Там же]. Одна из читательниц Короленко писала ему: «Неужели Вам не пришло в голову, что, избивая так человека нравственно, Вы этим подвергаете опасности его жизнь, вызывая к нему бесконечное озлобление и возмущение, особенно в людях крайних убеждений?» [32]. Консерваторы считали Короленко «инициатором травли» и «первопричиной убийства». От писателя-гуманиста ждали, по меньшей мере, осуждения террора, если не раскаяния.

Хотел ли В.Г. Короленко убийства Ф.В. Филонова? Мог ли он думать, что дело закончится терактом? Конечно, Короленко не хотел убийства чиновника. В тексте открытого письма он заявлял, что зовет его на суд. На другой день после убийства статского советника Короленко писал своему другу Н.Ф. Анненскому: «Я поставил это дело гласно и широко, я хотел сделать этот случай предметом большой тяжбы между гласностью и беззаконием... В нашем крае письмо производило огромное впечатление: чиновничество всполошилось, как муравейник, общество (за исключением правового порядка) и крестьянство ободрялось... Я собирался об этом написать за границу – одним словом, я взял этот случай как типичный и намеревался всенародно или добиваться правосудия, или освещения нашего бесправия перед всеми. И отделаться от меня им было нелегко...» [33, с. 418]. Однако В.Г. Короленко вполне мог предполагать, что его письмо приведет к теракту. Он интересовался проблемой террора. С 1899 по 1911 г. писатель собирал газетные вырезки «Покушения и убийства» [34, 35]. С началом революции, когда террор приобрел невиданный размах, вполне можно было допустить, что опубликование письма, в котором называется фамилия чиновника, производящего «неслыханные насилия» над крестьянами, приведет к теракту. После убийства великого князя Сергея Александровича писатель записал в дневнике: «Это можно было предвидеть... после того как в глазах всего общества он стал оплотом реакции...» [22, с. 139]. В случае с Ф.В. Филоновым Короленко признавался, что он опасался теракта против него, «это носилось в воздухе». Более того, писатель почему-то полагал, что открытое

письмо спасет чиновника, что после письма боевики оставят его в покое [33, с. 418]. Выстрел террориста он расценил как «непрощенное вмешательство», расстроившее его планы: «Худшей услуги не мог оказать мне враг мой» [21, с. 343]. Короленко с досадой писал: «...Я старался, чтобы мой план стал широко известен, и не думаю, чтобы об нем не знали... И однако — наплевали на всё, считая, очевидно, что палить и палить, не разбирая даже обстоятельств, — единственная панацея... Выходит, что из моей статьи господ террористы сделали только обвинительный акт. Теперь я должен был приняться за других Филоновых, подражателей его примеру. Конечно, я этого уже не сделаю, потому что не хочу сделаться прокурором для смертных приговоров... Одним словом, я, как писатель, совершенно парализован. Это показывает мне еще раз и с особенной ясностью, как необходимо мне, в качестве писателя, отгородиться ясной и определенной чертой от партии с подобной тактикой. И я это, так или иначе, непременно сделаю. Я хочу быть самим собой и теперь буду очень дорожить устранением всяких двусмысленностей и недоразумений в этом отношении. У них своя линия, чужих приемов борьбы они признать не хотят, — ну, а я считаю, что могу кое-что сделать своими приемами, и не хочу, чтобы кто-нибудь их смешивал с „тактикой партии“... Вдобавок — и органически мне это чуждо» [33, с. 418–419]. Однако вслух писатель тогда террор не осудил.

Был ли виноват писатель в этом убийстве? Испытывал ли он раскаяние? Ф.В. Филонова убил эсер Д.Л. Кириллов, сын полтавского священника. Местная боевая организация эсеров приговорила чиновника к смерти еще до опубликования открытого письма Короленко [15, с. 18], так что формально писатель не виновен в этом теракте. Однако талантливо написанная статья, безусловно, послужила его катализатором. Она поставила точку в приговоре боевиков и ускорила его осуществление. Уже в день появления письма в Полтаве стали говорить, «что это приговор Филонову, теперь Филонову недобровать... А в день убийства и потом — трудно было в Полтаве встретить человека, который бы не ставил этого убийства в связь с роковым письмом. В гостиных, на базарах, на улицах, извозчики, прислуга — точно сговорившись, все сопоставляли имена Короленко и Филонова,

письмо и убийство. Весьма многие могли быть подвинуты письмом на преступление...» [36]. Действительно, Ф.В. Филонов был убит практически сразу по возвращении в Полтаву.

Для В.Г. Короленко настали тяжелые времена. Близкие ему люди, видевшие его в этот период, писали, что «он мало говорил и только изредка отрывочными фразами определял свое удрученное состояние» [21, с. 343]. Сам писатель описывал свое положение как «очень неприятное: Филонов еще не похоронен, а уже местный черносотенный орган „Полтавский вестник“ мечет на меня громы и молнии» [33, с. 419]. В отношении него и редактора «Полтавщины» Д.О. Ярошевича было начато судебное дело о клевете на Ф.В. Филонова. Однако ни осуждения террора, ни, тем более, раскаяния со стороны писателя не последовало. Письмо «бывшей почитательницы» Короленко назвал «глупым» [37, л. 85 об.] и сосредоточил все силы на борьбе за «свое доброе имя» [2, с. 179].

Во-первых, В.Г. Короленко полагал, что «никакой травли не было»: «...12 января появилось открытое письмо ст. сов. Филонову, а 14-го уже последовало по телеграфу распоряжение о приостановлении [выпуска] газеты. Таково первое опровержение фактов и кара за свободное слово» [37, л. 85]. Однако сам же писатель на другой день после убийства писал, что «Полтавщина» уже 13 января «выпустила новое издание в увеличенном размере, письмо перепечатали две киевские газеты, одна уездная („Зеньковец“), наверное, откликнулись бы столичные. От „Донской речи“ я получил по телеграфу просьбу разрешить отдельное издание» [33, с. 418]. «Травля» просто не успела развернуться за 5 дней.

В.Г. Короленко считал правильным то, что назвал имя «самонадеянного чиновника», поскольку хотел его «гласного суда и осуждения» [2, с. 192], так как Филонов истязал уже невооруженных людей: «...Я именно доказывал, что такой проклятой необходимости в данном случае не было... толпа стояла на коленях» [37, л. 58]. Молчать о тех «ужасающих насилиях», по мнению писателя, было бы «преступлением со стороны печати» [2, с. 202]. Своей точки зрения он не изменил. В 1907 г. в «Русском богатстве» вышла еще одна большая статья Короленко, опирающаяся уже на материалы следственного дела. Там он писал: «Я был ис-

кренне огорчен его смертью. Не из личного сочувствия — после всего изложенного я считал его человеком дурным и жестоким... а потому, что выстрел, погубивший Филонова, разрушил также то дело, которое я считал и считаю важным и плодотворным... законность и право — одинаковое для всех... Нет, выход не в молчании, а в правде! ...Я доказал, что говорил правду, не искажал фактов, освещая их по своему разумению и совести» [2, с. 203]. Эти слова можно считать косвенным осуждением террора, произнесенным писателем вслух. Однако многие сорочинцы впоследствии благодарили В.Г. Короленко именно за смерть Ф.В. Филонова [Там же. С. 204].

В.Г. Короленко виновницей случившегося называл власть, а себя — защитником обиженных: «Начальство не могло не знать, что проделывал Филонов. Начальство не захотело предавать суду истязателя, суд по одной своей инициативе — не мог, а вступать в конфликт с администрацией не захотел. Результат: очевидное бессилие закона и практическое бессилие печатного слова. Закрыта г. П[олтавщина]», «если бы его отозвали, известие о предании суду его или меня — остался бы жив» [37, л. 56–57].

Накал страстей в Полтаве в эти январские дни был большим. Общество разделилось на тех, кто осуждал В.Г. Короленко, и тех, кто считал его правым. В день похорон к писателю на квартиру «явились три офицера и, не застав, велели прислуге передать, что они приходили „наплевать Короленку в морду”». Правда, это был единственный случай. Но рабочие всё же поставили возле квартиры писателя охрану [Там же. Л. 92]. В день похорон «Полтавский вестник» напечатал ответное письмо Ф.В. Филонова В.Г. Короленко [38]. Позже Короленко обратит внимание читателей на то, что этот текст не опровергает «ужасающих фактов», а лишь пытается пошатнуть утверждение, что ни в Сорочинцах, ни в Устивице не было бунта, а значит, события 21–23 декабря — не акт «необходимости», а акт бессудного наказания и мести [2, с. 197]. Однако логика статьи Ф.В. Филонова была в другом. Он настаивал на том, что суровые и даже «жесткие меры», примененные им, были оправданны, поскольку он прибыл в Сорочинцы «не для следствия, это дело судебной власти, а для подавления мятежа, прекращения беспорядков» и приве-

дения «населения к повиновению властям». Порядок, который ему удалось установить, он рассматривал как залог сохранения «десятков человеческих жизней». Он указывал на то, что, подавляя бунт, опирался на действующие законы, а не на те, которые лишь были обещаны царским манифестом. Виновником всех этих трагических событий Филонов называл не власть, а агитаторов и революционные газеты, в частности «Полтавщину». Они «подрывают авторитет власти, уничтожают всякое доверие к правительству, разжигают в некультурных массах дурные страсти», не призывая к открытому восстанию прямо, делают всё, чтобы его вызвать. Ответное письмо было написано не менее талантливо, чем письмо В.Г. Короленко, и, разумеется, не было «истерическим призывом к расправе, соединенным с жалкой попыткой оправдаться заведомо негодными средствами» [3, с. 297].

Однако позже выяснилось, что письмо написано не Ф.В. Филоновым. По всей видимости, чиновник действительно хотел написать опровержение, возможно, говорил об этом с сослуживцами, но сделать этого не успел. Его коллега Л.И. Ахшарумов показывал на следствии: «Вопрос о том, действительно ли Филонов был автором своего письма, я оставляю совершенно открытым, не имея никаких данных для его разрешения. Что же касается до того обстоятельства, что письмо прекрасно составлено по содержанию и по форме изложения, между тем как покойный Филонов не отличался литературными дарованиями, то весьма возможно, что он при редактировании письма пользовался чьим-либо содействием и указаниями» [30, л. 1]. «Полтавский вестник» мог бы напечатать подобное письмо «как бы» от имени погибшего чиновника, однако решил, что наибольший эффект в борьбе за общественное мнение будет иметь посмертное письмо самого Ф.В. Филонова. Когда в период следствия В.Г. Короленко потребовал подлинник письма, жена покойного стала выдумывать разные невероятные обстоятельства его утраты: «18 января муж отправился в губернское правление, имея в левом внутреннем кармане сюртука записную книжку, в которой были заметки по поводу сорочинских событий, а также вышеупомянутые клочки бумаги черновика письма. Вышепредъявленное письмо составил на квартире. В тот день он был

убит, причем убийца захватил ту книжку, а также черновики письма. Ввиду этого не могу предъявить черновики» [32, л. 1]. Это дало основание Короленко использовать письмо Филонова для борьбы с властью и консервативной прессой, обвиняя их в подлоге, грязной клевете, нечестных методах следствия и пр.: «Ахшарумов лебезит, конечно, потому, что рыльце у него в пушку с подложным письмом Филонова. Ввиду этого, полагаю, нам теперь надо по временам возвращаться к этому делу, чтобы, если состоится прекращение дела судебной властью — для всех было ясно смысл этого прекращения и в чью пользу оно делается [33, с. 242].

20 января В.Г. Короленко, чтобы не накалять страсти, уехал из Полтавы в Финляндию. Судебное следствие продолжалось без него. 25 января 1907 г. уголовное преследование по делу В.Г. Короленко и Д.О. Ярошевича было прекращено, писатель был оправдан. В заключении товарища прокурора окружного суда говорилось, что в целом В.Г. Короленко фактов не искажал, допустил лишь некоторые ошибки и неточности. Примерно верно изображено столкновение казаков и толпы, поведение Ф.В. Филонова в Сорочинцах и Устивице, где, действительно, некоторые крестьяне были избиты, у некоторых были отняты деньги, а сход казаки продержали на коленях 4 часа. В нем также отмечалось, что заявлений в прокуратуру о грабежах и насилиях не поступало. В вину писателю было поставлено «отсутствие беспристрастности» и наличие двух не соответствующих действительности событий: «толпа с агитатором» была изображена «чуть ли не мирно настроенной толпой, только и добывающейся судебного расследования степени вины арестованного Безвиконного», толпа, напавшая на казаков с оружием в руках, была изображена «как жертва кастовой мести со стороны чиновничества». Кроме того, товарищ прокурора отметил, что все действия толпы в Сорочинцах замалчивались В.Г. Короленко, зато с осо-

бой силой и яростью изображалась «преступная» деятельность Ф.В. Филонова и казаков. Этот прием писателя был назван в заключении «провокацией». Также он обратил внимание на то, что текст, описывающий события в Сорочинцах до прибытия Ф.В. Филонова, написан «вяло, кратко и тускло», «как не им писалось», «но зато вся сила автора сразу выступает на сцену, когда он начинает бичевать „ненавистного“ Филонова и казаков» [39, л. 37–39]. Однако за эти особенности литературных приемов писателя судить не стали.

В статье, напечатанной в «Русском богатстве», В.Г. Короленко не мог уже не написать о мятеже в Сорочинцах, но и здесь он попытался приуменьшить его размах: «В Сорочинцах под влиянием событий, а также речей заезжего „оратора“, в эти дни господствовало страшное возбуждение, звонили в набат, собирались толпами с косами и вилами...» [2, с. 173]. Писатель по-прежнему настаивал на том, что во всех событиях виновна власть.

Таким образом, на страницах полтавской либерально-демократической печати в преддверии открытия I Государственной думы шла настоящая информационная война, направленная против власти. Печать, используя примеры подавления революционных выступлений в крае, создавала негативное по отношению к власти общественное мнение, замалчивая факты революционного движения и преувеличивая жестокость власти в процессе его подавления. Она революционизировала край, способствовала размаху террора и мало помогала становлению правового государства. Талантливая публицистика В.Г. Короленко, направленная на борьбу с «беззаконием», на деле не смогла преодолеть этих установок либерально-демократической печати. Консервативная публицистика, включившаяся в информационную войну на стороне власти и пытавшаяся более объективно освещать события, проигрывала левой печати в борьбе за общественное мнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Короленко В.Г. Открытое письмо статскому советнику Филонову // Полтавщина. 1906. 12 янв.
2. Короленко В.Г. Сорочинская трагедия. (По данным судебного расследования) // Русское богатство. 1907. № 4. С. 172–205.

3. Миронов Г. Короленко. М.: Молодая гвардия, 1962. 368 с.
4. Балабанович Е. В.Г. Короленко. 1853–1921 / под ред. В. Бонч-Бруевича. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1947. 168 с.

5. **Лось Ф.Е., Спицкий В.Е.** История Украинской ССР: пособ. для 9–10 классов средн. шк. Киев: Рад. шк., 1972. 200 с.
6. **Турченко Ф.Г., Мороко В.Н.** Конец XVIII – начало XX века: учеб. для 9 кл. общеобраз. учеб. завед. Киев: Генеза, 2002. 424 с.
7. **Карасев П.С.** «Сорочинская трагедия» В.Г. Короленко (из истории очерка эпохи Первой русской революции) // Вестн. Ленингр. ун-та. 1960. № 20. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. С. 78–87.
8. **Памятная книжка и адрес-календарь Полтавской губернии на 1892 год.** Полтава: Изд-во Полтавского губерн. статист. ком-та, 1892. 246 с.
9. **Высший подъем революции 1905–1907 гг.** Ч. 3. Кн. 1 / сост. И.У. Будовнин, Г.М. Деренковский, В.А. Рогова [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 692 с.
10. **Революция 1905–1907 гг. в России.** Документы и материалы. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 г. Ч. 1 / под ред. А.Л. Сидорова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 952 с.
11. **Полтавский голос.** 1907. 21 сент.
12. **Протоколы допросов по делу В.Г. Короленко и Д.О. Ярошевича** // НИОР РГБ. Ф. 135/1. Оп. 34. 1906 г. Д. 2106.
13. **Полтавский голос.** 1907. 22 сент.
14. **Пыжов Н.Н.** Сорочинское восстание 1905 г. Воспоминания руководителя восстания. М.: Изд-во Всесоюзн. об-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1929. 176 с.
15. **Трутовский В.** Сорочинская трагедия. С приложением рапорта «усмирителя» Филонова. М.: Изд-во Всесоюзн. об-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1926. 31 с.
16. **Иваненко Д.А.** Записки и воспоминания. 1888–1908 гг. Полтава: Полтавский голос, 1909. 285 с.
17. **Леонов М.И.** Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: Росспэн, 1997. 512 с.
18. **Полянский Н.Н.** Эпопея военно-полевых судов. М.: Изд-во политкаторжан. М., 1934. 112 с.
19. **Докладная записка графа И.И. Воронцова-Дашкова Николаю II.** 12 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 727. Оп. 2. 1905 г. Д. 89.
20. **Показания** пострадавших от насилий и грабежей в Сорочинцах // НИОР РГБ. Ф. 135. Оп. 34. 1906 г. Д. 2101.
21. **В.Г. Короленко** в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1962. 654 с.
22. **Короленко С.В.** Книга об отце. Ижевск: Удмурдия, 1968. 382 с.
23. **В.Г. Короленко.** Жизнь и творчество: сб. ст. / под ред. А.Б. Петрищева. Пг.: Мысль, 1922. 191 с.
24. **Полтавщина.** 1905. 23 дек.
25. **Полтавщина.** 1906. 1 янв.
26. **Преступление** в Сорочинцах (От нашего корреспондента) // Полтавский вестн. 1906. 5 янв.
27. **Письма** к В.Г. Короленко М.А. Коломенской // НИОР РГБ. Ф. 135/2. Оп. 25. 1907 г. Д. 73.
28. **Письмо** А.И. Рожиной к В.Г. Короленко // НИОР РГБ. Ф. 135/1. Оп. 34. 1906 г. Д. 2113.
29. **Протокол допроса** А.Н. Филоновой судебным следователем по делу В.Г. Короленко. 24 мая 1906 г. // НИОР РГБ. Ф. 135. Оп. 34. 1906 г. Д. 2104.
30. **Протокол допроса** Л.И. Ахшарумова судебным следователем по делу В.Г. Короленко. 24 октября 1906 г. // НИОР РГБ. Ф. 135/1. Оп. 34. 1906 г. Д. 2105.
31. **Полтавский вестник.** 1906. 19 янв.
32. **Письмо** В.Г. Короленко. Одна из Ваших бывших искренних почитательниц // Полтавский вестник. 1906. 21 янв.
33. **Короленко В.Г.** Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. Письма. 1879–1921 гг. М.: Худож. лит., 1956. 717 с.
34. **Покушения** и убийства // НИОР РГБ. Ф. 135/3. Оп. 26. Д. 19–39.
35. **Покушения** и убийства // НИОР РГБ. Ф. 135/3. Оп. 27. Д. 1–38.
36. **Полтавский вестник.** 1906. 29 янв.
37. **К делу** Филонова // НИОР РГБ. Ф. 135/1. Оп. 34. 1906 г. Д. 2100.
38. **Полтавский вестник.** 1906. 20 янв.
39. **Заключение** товарища прокурора окружного суда Лебединского о прекращении уголовного преследования по делу В.Г. Короленко и Д.О. Ярошевича от 3 февраля 1907 г. // НИОР РГБ. Ф. 135/1. Оп. 34. 1907 г. Д. 2108.

ПОРТНЯГИНА Наталья Александровна – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: n.portnyagina@spbu.ru

N.A. Portnyagina

V.G. KOROLENKO AND F.V. FILONOV: TO HISTORY OF ONE ACT OF TERRORISM

Article is devoted to extremely urgent and poorly studied problem in a domestic historiography. It is a problem of formation of public opinion about revolutionary terror in the Russian Empire during revolution of 1905–1907 and to its influence on scope of terror on the example of covering of the Sorochinsk events of the end of 1905 by the Poltava press. In a research chronological, historical and typological, historical and genetic, comparative methods of a research are used. Chronological framework of a research is limited by 1905–1907: from the beginning of a country revolt in Sorochintsakh, laid the foundation for information war in the press between liberal and conservative publicists and before publishing of the article of V.G. Korolenko in “The Russian wealth” which has put it an end. The historical and typological method allows to analyse the relation to the Sorochinsk events from the Russian public, to give classification of the main points of view on actions of the power and terror presented in the Poltava periodicals. The article based on archival documents most part of which is for the first time introduced for scientific use, and materials of periodicals of that time. In work the circumstances which have brought V.G. Korolenko’s articles (“The open letter to the councilor of state Filonov” and “The Sorochynsk tragedy”) to life are for the first time reconstructed. In the article the author proves that Poltava liberal-democratic press used these events in information war, which it waged with the power. The facts of revolutionary movement were hushed up by it, but cruelty of the power in the course of his suppression was exaggerated. It revolutionized region, promoted the scope of terror and helped the formation of the constitutional state a little. The talented journalism of V.G. Korolenko directed to fight against “lawlessness” actually could not overcome these installations of a liberal-democratic press. The conservative journalism, which has joined in information war on the party of the power, tried to cover events more objectively, however lost to the left press in fight for public opinion. The materials of the article can be used in the course of Russian history teaching at the highest and average schools.

V.G. KOROLENKO; F.V. FILONOV; “POLTAVSHCHINA”; TERROR; SOROCHYNSK TRAGEDY; SOROCHINETS; CONSERVATIVE PUBLIC; LIBERAL PUBLIC.

REFERENCES

1. Korolenko V.G. [Open letter to the Councillor of state Filonov]. *Poltavshchina*. 1906. Jan. 12. (In Russ.)
2. Korolenko V.G. [Sorochynsk tragedy. (According to judicial investigation)]. *Russkoye bogatstvo*, 1907, no. 4, pp. 172–205. (In Russ.)
3. Mironov G. *Korolenko* [Korolenko]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1962. 368 p. (In Russ.)
4. Balabanovich Ye. *V.G. Korolenko* [V.G. Korolenko]. 1853–1921. Moscow, Gosudarstvennyy literaturnyy Muzey Publ., 1947. 168 p. (In Russ.)
5. Los’ F.E., Spitskiy V.E. *Istoriya Ukrainskoy SSR* [History of Ukrainian Soviet Socialist Republic]. Kiyev, Rad. shkola, 1972. 200 p. (In Russ.)
6. Turchenko F.G., Moroko V.N. *Konets XVIII – nachalo XX veka* [The end of XVIII – the beginning of the XX century: The textbook for 9 classes of institution of general education]. Kiev, Geneza Publ., 2002. 424 p. (In Russ.)
7. Karasev P.S. [“The Sorochynsk tragedy” of V.G. Korolenko (from the history of a sketch of an era of the first Russian revolution)]. *Vestnik of the Leningrad univ.*, 1960, no. 20. Ser. of history, language and literature. Pt. 4, pp. 78–87. (In Russ.)
8. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar’ Poltavskoy gubernii na 1892 god* [The memorable book and the address calendar of the Poltava province for 1892]. Poltava, Poltava provincial statistical committee Publ., 1892. 246 p. (In Russ.)
9. *Vysshiy podiyem revolyutsii 1905–1907 gg.* [The highest rise of revolution of 1905–1907]. Pt. 3. B. 1. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, 692 p. (In Russ.)
10. *Revolutsiya 1905–1907 gg. v Rossii. Dokumenty i materialy. Vysshiy podiyem revolyutsii 1905–1907 gg. Vooruzhennyye vosstaniya. Noyabr’ – dekabr’ 1905 g.* [Revolution of 1905–1907 in Russia. Documents and materials. The highest rise of revolution of 1905–1907. Armed revolts. November-December, 1905]. Pt. 1. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. 952 p. (In Russ.)

11. *Poltavskiy golos*. 1907. Sept. 21. (In Russ.)
12. *Protokoly doprosov po delu V.G. Korolenko i D.O. Yaroshevicha* [Protocols of interrogations in the matter of V.G. Korolenko and D.O. Yaroshevich]. NIOR RGB. F. 135/1. Op. 34. 1906. D. 2106.
13. *Poltavskiy golos*. 1907. Sept. 22. (In Russ.)
14. Pyzhov N.N. *Sorochinskoye vosstaniye 1905 g. Vospominaniya rukovoditelya vosstaniya* [Sorochynsk revolt of 1905. Memoirs of the head of revolt]. Moscow, all-Union society of political convict and SS-settlers Publ., 1929. 176 p. (In Russ.)
15. Trutovskiy V. *Sorochinskaya tragediya. S prilozheniyem raporta "usmiritelya" Filonova* [Sorochynsk tragedy. With the appendix of the official report of "suppressor" Filonov]. Moscow, all-Union society of political convict and SS-settlers Publ., 1926. 31 p. (In Russ.)
16. Ivanenko D.A. *Zapiski i vospominaniya. 1888–1908 gg.* [Notes and memoirs. 1888–1908]. Poltava, *Poltavskiy golos* Publ., 1909. 285 p. (In Russ.)
17. Leonov M.I. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1905–1907 gg.* [Party of revolutionary socialists in 1905–1907]. Moscow, Rosspen Publ., 1997. 512 p. (In Russ.)
18. Polyanskiy N.N. *Epopeya voyenno-polevykh sudov* [Epic of court-martials]. Moscow, Political convict Publ., 1934. 112 p. (In Russ.)
19. *Dokladnaya zapiska grafa I.I. Vorontsova-Dashkova Nikolayu II. 12 oktyabrya 1905 g.* [Report of the count I.I. Vorontsov-Dashkov to Nicholas II. October 12, 1905]. RGIA. F. 727. Op. 2. 1905. D. 89.
20. *Pokazaniya postradavshikh ot nasiliy i grabezhey v Sorochintsakh* [Testimonies of victims of violence and robberies in Sorochintsakh]. NIOR RGB. F. 135. Op. 34. D. 2101.
21. *V.G. Korolenko v vospominaniyakh sovremennikov* [V.G. Korolenko in memoirs of contemporaries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1962. 654 p. (In Russ.)
22. Korolenko S.V. *Kniga ob ottse* [The book about the father]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1968. 382 p. (In Russ.)
23. *V.G. Korolenko. Zhizn' i tvorchestvo* [V.G. Korolenko. Life and creativity]. Petrograd, Mysl' Publ., 1922. 191 p. (In Russ.)
24. *Poltavshchina*. 1905. Dec. 23. (In Russ.)
25. *Poltavshchina*. 1906. Jan. 1. (In Russ.)
26. [A crime in Sorochintsakh (From our correspondent)]. *Poltavskiy vestnik*. 1906. Jan. 5. (In Russ.)
27. *Pis'ma k V.G. Korolenko M.A. Kolomenkinoy* [Letters to V.G. Korolenko of M.A. Kolomenkina]. NIOR RGB. F. 135/2. Op. 25. 1907. D. 73.
28. *Pis'mo A.I. Roshchinoy k V.G. Korolenko* [A.I. Roshchinoy's letter to V.G. Korolenko]. NIOR RGB. F. 135/1. Op. 34. 1906. D. 2113.
29. *Protokol doprosa A.N. Filonovoy sudebnym sledovatelem po delu V.G. Korolenko. 24 maya 1906 g.* [The protocol of interrogation of A.N. Filonova by the investigator in the matter of V.G. Korolenko on May 24, 1906]. NIOR RGB. F. 135. Op. 34. 1906. D. 2104.
30. *Protokol doprosa L.I. Akhsharumova sudebnym sledovatelem po delu V.G. Korolenko. 24 oktyabrya 1906 g.* [The protocol of interrogation of L.I. Akhsharumov by the investigator in the matter of V.G. Korolenko. Oct. 24, 1906]. NIOR RGB. F. 135/1. Op. 34. 1906 g. D. 2105.
31. *Poltavskiy vestnik*. 1906. Jan. 19. (In Russ.)
32. [V.G. Korolenko's letter. One of your former sincere venerators]. *Poltavskiy vestnik*. 1906. Jan. 21. (In Russ.)
33. Korolenko V.G. [Collected works]. In 10 vol. Of vol. 10. Letters. 1879–1921. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1956. 717 p. (In Russ.)
34. *Pokusheniya i ubiystva* [Attempts and murders]. NIOR RGB. F. 135/3. Op. 26. D. 19–39.
35. *Pokusheniya i ubiystva* [Attempts and murders]. NIOR RGB. F. 135/3. Op. 27. D. 1–38.
36. *Poltavskiy vestnik*. 1906. Jan. 29. (In Russ.)
37. *K delu Filonova* [To Filonov's case]. NIOR RGB. F. 135/1. Op. 34. 1906. D. 2100.
38. *Poltavskiy vestnik*. 1906. Jan. 20. (In Russ.)
39. *Zaklyucheniye tovarishcha prokurora okruzhnogo suda Lebedinskogo o prekrashchenii ugolovnogo presledovaniya po delu V.G. Korolenko i D.O. Yaroshevicha ot 3 fevralya 1907 g.* [The conclusion of companion prosecutor of district court Lebedinsky about the termination of criminal prosecution in the matter of V.G. Korolenko and D.O. Yaroshevich of February 3, 1907.]. NIOR RGB. F. 135/1. Op. 34. 1907. D. 2108.

PORTNYAGINA Natalya A. – *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: n.portnyagina@spbu.ru

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ В XVIII–XIX ВЕКАХ

Анализируется история становления и развития монголоведения в Российской империи. Рассмотрены достижения основных российских научных школ монголоведения, роль отдельных ученых в их становлении. Особое внимание уделено научному вкладу Русской православной духовной миссии в Китае, значение которого высоко оценивает китайская историография.

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ; ИСТОРИОГРАФИЯ; РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ; РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ; КИТАЙ.

В 1230–1240-х гг. русские земли были завоеваны армией Чингисидов и стали частью огромной Монгольской империи. Около 200 лет Русь находилась в орбите влияния Золотой Орды (Улус Джучи, *тюрк.* Улу Улус – «Великое государство»). Монгольский период оказал позитивное воздействие на сближение Руси с Востоком. Известный русский философ Н.А. Бердяев в монографии «Русская идея» писал: «Русским людям давно уже было свойственно чувство, скорее чувство, чем сознание, что Россия имеет особенную судьбу, что русский народ – народ особенный. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Русская нация не склонна к национализму, и даже напротив, мы лишены национальной гордости... Миссия нашей страны – стать связующим центром между Азией и Европой» [1, с. 24]. Это утверждение вызвало ожесточенную дискуссию в научных и политических кругах. Российские историки назвали этот период системой зависимости русских земель от ордынских ханов. Сегодня с этим понятием соглашаются многие китайские историки, считая, что Россия является наследницей Золотой Орды.

В 1223 г. на берегах реки Калки Русь впервые столкнулась с монголами, иначе именуемыми татарами, и русско-половецкое войско в этой битве потерпело поражение от армии Субэдея. Русскую Лаврентьевскую летопись, где упомянута битва на Калке, можно рассматривать как первую историческую запись о монголах в Древней Руси [2, с. 23]. В 1237–1238 гг. русские земли переживают разрушительное нашествие Батыевой рати. Эти события были подробно описаны во многих русских летописях, а Батый стал одним из наиболее часто упоминаемых в них монголов. Кроме того, в летописи включены такие исторические свидетельства, как послания русских князей Ярослава Всеволодовича, Даниила Галицкого, Михаила Черниговского, Андрея Ярославича, Александра Ярославича (Невского) Золотой Орде, легендарные сказания, например «Сказание об убийстве в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» [3, с. 13].

Русские земли, по мере их включения в податную территорию Золотой Орды, стали ареалом распространения тюркского языка.

В конце XV в. Москва освободилась от даннической зависимости от Большой Орды

хана Ахмата и постепенно начала расширять свою территорию на восток. В XVII–XVIII вв. русские переселенцы осваивают Сибирь, параллельно российское правительство начинает регулярно отправлять миссии в Китай. В материалах Русской православной духовной миссии в Пекине сохранились сведения об общении с монгольскими племенами [4, с. 6]. Например, они имеются в дневниковых описаниях путешествий сибирских переселенцев, которые побывали на западе пустыни, у ойратов, и на севере пустыни, у халха-монголов. Их доклад был представлен царю. Также сохранились отчеты российских посольств в Китай, путешествовавших через Монголию (например, посольство Н.Г. Спафария в 1675 г.).

В 1731 г. приволжские калмыки, которые кочевали от восточных предгорий Тянь-Шаня до тихоокеанских берегов, стали «вечными подданными» Российской империи. С этого времени монгольский язык стал одним из языков ее национальных меньшинств, необходимым в управлении восточными окраинами.

С другой стороны, в XVII в. Монголия была включена в состав китайской империи Цин. В результате территориального расширения двух империй между Россией и Китаем впервые появилось общее приграничное пространство. Именно монгольское плато стало маршрутом проезда Русской православной духовной миссии в Китай (обычно проезд через Монголию в одну сторону занимал в то время около двух месяцев).

Монгольский язык стал официальным и самым удобным языком в переговорах между двумя странами, именно на этом языке написаны сохранившиеся свидетельства о многих исторических событиях русско-китайских отношений.

Первоначально Посольский приказ – российское центральное правительственное учреждение, ведавшее, в частности, сношениями с иностранными государствами, – не имел хороших русских переводчиков с монгольского языка. Эти функции выполняли татары и буряты, которые занимались торговлей с Монголией. В 1679 г. в Посольский приказ был приглашен в качестве переводчика поляк, понимавший монгольский и калмыцкий языки [5, с. 2].

По инициативе Петра I в 1707 и 1719 гг. в Монголию были направлены две группы уча-

щихся из Сибирской церковной школы. Перед ними стояла задача изучения основ теории буддизма и монгольского языка.

Впоследствии в Санкт-Петербурге, Москве, во многих городах Сибири были созданы школы монгольского языка. В 1725 г. в Иркутске (Сибирская губерния) открылась первая школа, где изучался монгольский язык. В конце XVIII в. такие школы появились в Селенгинске, Троицкосавске (Кяхте), Верхнеудинске (Улан-Удэ), Нерчинске [6]. Основная функция этих школ заключалась в подготовке переводчиков для обслуживания связей между Россией и Монголией.

Петр I уделял большое внимание развитию дипломатических отношений со странами Восточной Азии. Российское государство начало поддерживать научные исследования восточных культур. Первым шагом на этом пути в 1700 г. стал приказ Петра I о подготовке первой Русской православной духовной миссии в империю Цин [7, с. 95]. На представителей миссии возлагалась ответственность за установление дипломатических отношений с Пекином. Первоочередной задачей было также изучение восточных языков: китайского, монгольского, тибетского, маньчжурского и др. Так началась новая веха в становлении российского востоковедения. Первые переводы китайских летописей по монгольской истории на русский язык стали поворотным пунктом в изучении духовного наследия народов Востока.

С 1716 по 1933 г. из России в Китай было отправлено 20 миссий и свыше 200 проповедников. Деятельность Русской православной духовной миссии в Пекине продолжалась до 1956 г. Миссия внесла огромный вклад в формирование и развитие российской школы китаеведения, монголоведения, тибетологии и маньчжуроведения.

В XIX в. Русская православная духовная миссия в Китае оказала большое влияние на развитие монголоведения. Священнослужителями миссии стали первыми монголо- и китаеведами в России. Они занимались переводами на русский язык истории Монголии из китайских исторических источников, изучали монгольскую историю и этнос. Яркий след в истории российской науки оставил Н.Я. Бичурин – архимандрит Иакинф (1777–1853) [8, с. 5]. Он привез в Россию труды по монгольской исто-

рии, написанные китайскими учеными-летописцами. Бичурин перевел китайские летописи и опубликовал четыре крупнейшие работы по истории, этнографии и географии Монголии — «Записки о Монголии», «История первых четырех ханов из дома Чингисова», «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» [9, с. 34–36].

Столь же заметной личностью был архимандрит Палладий — П.И. Кафаров (1817–1878) [10, с. 3]. Его переводы китайских летописей по монгольской истории для российских историков бесценны. Кафаров внес большой вклад в развитие российского востоковедения. Особый интерес представляют его работы «Старинное монгольское сказание о Чингисхане» (1866), «Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия» (1867), «Старинное китайское сказание о Чингисхане: Шэн-ву-цин-чжэн-лу (Описание личных походов священно-воинственного)» (1877) и «Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг.» (1892).

Стоит упомянуть также члена Русской православной духовной миссии в Китае С.В. Липовцева, который перевел с маньчжурского языка на русский «Закон министерства управления монгольскими делами Цинского правительства» [11, с. 12–15] (перевод опубликован в 1828 г.). В том же году дипломат и китаевед А.В. Попов издал книгу «Путешествия по Монголии». Немало священнослужителей миссии также оставили свои дневники путешествий через Монголию.

Академик Я.И. Шмидт (1779–1847), работавший в Санкт-Петербургском университете, внес огромный вклад не только в российское, но и в мировое монголоведение. Как автор «Монгольской грамматики» и словаря Шмидт поднял исследования монгольской истории и филологии на новый качественный уровень, но после его кончины уровень монголоведения в Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге стал постепенно снижаться [12, с. 140–150]. Центр монголоведения в России переместился на кафедру монгольского языка Казанского университета, где постепенно начала формироваться своя научная школа, которая получила название «казанской».

Вначале кафедра монгольского языка Казанского университета являлась единственным специализированным научным учреждением этого профиля в Европе. С момента своего создания она сыграла важную роль в развитии в России как монголоведения, так и востоковедения в целом. Организатором и руководителем кафедры стал один из выдающихся ученых-монголоведов России XIX в. — О.М. Ковалевский (1801–1878) [13, с. 23] (студент одиннадцатой Русской православной духовной миссии в Китае). Среди многочисленных заслуг Ковалевского необходимо отметить создание им трехтомного монгольско-русско-французского словаря (1844–1849). Это стало крупнейшим общественным и научным событием. Глубокий след в изучении монгольской истории оставила также педагогическая и научная деятельность преподавателей кафедры А.В. Попова и Г. Гомбоева. Кафедра просуществовала всего 23 года, но за это время здесь была подготовлена целая плеяда ученых-монголоведов: В.П. Васильев, А.А. Бобровников, К.Ф. Голстунский, Д. Банзаров и др.

В.П. Васильев после окончания Казанского университета стал студентом Русской православной духовной миссии в Китае. С 1840 по 1850 г. он постоянно проживал в Пекине, где сосредоточенно изучал буддийскую литературу на монгольских диалектах. Васильев также активно собирал китайские, маньчжурские, монгольские и тибетские книги. В настоящее время эти рукописи хранятся в библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета. Труды В.П. Васильева и его вклад в развитие российского востоковедения послужили основанием для присвоения ему звания академика Петербургской академии наук и основателя российского китаеведения [14].

В Казани, кроме кафедры монгольского языка при университете, существовала церковная школа, где в 1845 г. монгольский язык был включен в учебный план. А.А. Бобровников, первый учитель монгольского языка, написал знаменитый учебник «Грамматика монгольского и калмыцкого языков» (1849). В начале XX в. в работе казанской церковной школы участвовал глава семнадцатой Русской православной духовной миссии в Китае архимандрит Амфилохий — А. Лутовинов (ум. 1905), а также другие священники. Несомненно, что их приход в эту школу усилил педагогический коллектив

и способствовал высокому качеству обучения монгольскому языку. Однако этот период был очень кратким, поскольку образовательная деятельность школы была приостановлена в советский период – в 1920 г. [15].

В 1854 г. по приказу правительства Казанский университет прекратил исследования восточных языков, а в 1855 г. центр монголоведения был перенесен на кафедру монгольской и калмыцкой словесности факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Туда был отправлен литературный фонд восточных языков, многие преподаватели также переехали в город на Неве. Так восточный факультет Санкт-Петербургского университета стал одним из крупнейших центров монголоведения в России и продолжает оставаться таковым до сих пор.

Изначально на факультете восточных языков подготовка велась по четырем специальностям. Первым заведующим кафедрой монгольской и калмыцкой словесности был А.В. Попов, ранее профессор Казанского уни-

верситета, студент седьмой Русской православной духовной миссии в Китае. С 1860 по 1899 гг. на кафедре преподавал, а с 1884 по 1889 г. был завкафедрой профессор К.Ф. Голстунский, студент шестнадцатой Русской православной духовной миссии в Китае, известный эксперт в области монголоведения. Он внес большой вклад в перевод национальных эпосов «Джангар» и «Гэсэр», составил «Монголо-ойратские законы». Помимо этого фундаментального труда величайшей заслугой Голстунского является написание трехтомного «Монгольско-русского словаря» [12, с. 153–154].

Таким образом, можно констатировать, что становление российского монголоведения было неразрывно связано с Русской православной духовной миссией в Китае, роль которой в его развитии колоссальна.

Первые ученые-монголоведы, «вышедшие» из Русской православной духовной миссии в Китае, открыли для российской науки новое поле для филологических изысканий в области монгольского языка и монгольских диалектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Сварог и К, 1997. 324 с.
2. Ду Мань. Бичурин – один из основателей востоковедения в России // Историческая проблема. 1953.
3. Ци Чичжунь. Народы в истории Золотой Орды // Вестн. Ун-та Внутренней Монголии. 1996. № 2.
4. Ли Гуанхуа. Историческое развитие взаимоотношений между монголами и русскими // Вестн. Синьцзянского ун-та. 2001. № 1.
5. Чжоу Лиян. Монголоведение в Российской империи // Вестн. Хейлуцзянского ун-та. 2003. № 4.
6. Хохлов А.Н. Н.Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае (некоторые вопросы источниковедения) // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 53–72.
7. Щань Гуаньин. Русская православная духовная миссия и ее роль в дипломатических отношениях между Китаем и Россией // Вестн. Цицикарского пед. ун-та. 1983. № 3.
8. Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Ч. 42. № 2.
9. Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения): матер. конф. / сост. и ред. А.Н. Хохлов. Ч. 1–2. М., 1977.
10. Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Ч. 41. № 5.
11. Сяо Юйчунь. История Русской православной церкви в Китае. Пекин: Шань у, 2001.
12. Шубина С.А. Роль членов Российской духовной миссии в Пекине в развитии востоковедного образования в России // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: тез. докл. Междунар. научн. конф. Вып. 1. Ярославль, 1994.
13. Полянская О.Н. Дневниковое наследие монголоведа О.М. Ковалевского (1828–1833 гг.). «Дневник занятий за 1832 г.» – источник по истории народов Внутренней Азии. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012.
14. Ипатова А.С. Место Российской духовной миссии в Китае в истории российско-китайских отношений // Востоковедение и мировая культура (К 80-летию акад. Тихвинского): сб. ст. М., 1998. С. 202–233.
15. Ипатова А.С. Российская духовная миссия в Китае: век двадцатый // История Российской духовной миссии в Китае: сб. ст. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997. 415 с. С. 281–317.

Wang Qi

THE BEGINNING OF MONGOLIAN STUDIES IN RUSSIA (XVIII–XIX CENTURIES)

The article dwells on the history of formation and development of Mongolian studies in the Russian Empire. The author claims the formation key scientific schools of Russian Mongolian studies, their achievement, the role of prominent scientists. The author highlighted the outstanding scientific contribution of the Russian Orthodox spiritual mission in China, highly appreciated by contemporary Chinese historiography.

MONGOLIAN STUDIES; HISTORIOGRAPHY; RUSSIAN EMPIRE; THE RUSSIAN ORTHODOX SPIRITUAL MISSION; CHINA.

REFERENCES

1. Berdyayev N.A. Russian idea. Moscow, Svarog K Publ., 1997. 324 p. (In Russ.)
2. Du Man. [One of Founders of Russian Oriental Studies]. *The historical problem*, 1953.
3. Tsi Chichzhun. [Who Were Subjects of The Golden Horde in History]. *Journal of Inner Mongolia Univ.*, 1996, no. 2.
4. Li Guankhua. [Studies on the Development of Exchange History between Russian and Mongolian]. *Journal of Xinjiang Univ.*, 2001, no. 1.
5. Chzhou Liyan. [Study of Tsarist Russia Mongolia]. *Journal of Heilongjiang Univ.*, 2003, no. 4.
6. Khokhlov A.N. [N.Y. Bichurin and His Works about Mongolia and China. (Some of the issues of source)]. *Questions of history*, 1978, no. 1, pp. 53–72. (In Russ.)
7. Shchan Guanin. [Effects of Russian Orthodox Eastern Church Diplomatic Corps to China in the Diplomatic Relationships between China and Russia]. *Journal of Qiqihar Normal Univ.*, 1983, no. 3.
8. [Ministry of Education Journal], 1851, pt. 42, no. 2. (In Russ.)
9. [N.Ya. Bichurin and His Contributions on Russian Oriental Studies (200th Anniversary)]. Materials of the Conf. Pt. 1–2. Moscow, 1977. (In Russ.)
10. [Ministry of Education Journal], 1851, pt. 41, no. 5. (In Russ.)
11. Syao Yuichun. [The History of Orthodox Eastern Church in China]. Publishing Shang Wu, 2001.
12. Shubina S.A. [The Role of Russian Orthodox Eastern Church Diplomatic Corps to China in the Development of Russian Oriental Studies]. *Higher education in Russia: History, Problems and Opportunities / Collected Abstracts of Thesis Int. Seminar. Of pt. 1. Yaroslavl'*, 1994. (In Russ.)
13. Polyanskaya O.N. [Scholar in Mongolia O.M. Kovalevski's Remaining Note 1828 to 1833. Class Teaching Plan about Asia Internal National History]. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2012. (In Russ.)
14. Ipatova A.S. [The Status of Russian Orthodox Eastern Church Diplomatic Corps to China in Russia-China Relationship History]. *Oriental Studies and World Culture. Memory of Academician Tikhvinskiy 80th Birthday*. Moscow, 1998. Pp. 202–233. (In Russ.)
15. Ipatova A.S. [20th Century: Russian Orthodox Eastern Church Diplomatic Corps to China]. *Orthodox Eastern Church Diplomatic Corps to China*. Moscow, Brotherhood of St. Vladimir Publ., 1997. Pp. 281–317. (In Russ.)

WANG Qi – Tsinghua University, Beijing, China.
e-mail: mzlwangqi@163.com

ГРУЗИЯ И ЕВРОСОЮЗ: ПАРТНЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ

Рассмотрен процесс взаимодействия Грузии и Европейского союза. Интеграция в европейские структуры – цель, занимающая лидирующие позиции в грузинской политике уже более 20 лет. Реализация национальных интересов, Грузия в своей внешней политике старается использовать весь доступный потенциал партнерских отношений с Евросоюзом. Вместе с тем сохранение национальной идентичности в глобализирующемся мире является для грузинского общества значимым условием при интеграции. Автор статьи приходит к выводу, что в условиях, когда Грузия зависима от европейской конъюнктуры, сохранить ее собственную политическую идентичность и свободу выбора невозможно.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ; ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО; ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ; ИДЕНТИЧНОСТЬ; НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ; ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА.

Позиционируя себя как европейское государство, Грузия с момента обретения независимости декларировала в качестве одной из самых важных целей своей внешней политики европейскую интеграцию.

Концептуализация места Грузии в новом миропорядке «происходила в воображаемом двухмерном пространстве, где координатами служили Россия и Запад» [12]. Неудивительно, что вопрос политической ориентации того периода сводился к однозначному выбору: Россия или Запад. Собственно, в угоду данной логике и происходило деление партий и политических фигур на «пророссийские» и «прозападные». При этом важно понимать, что в большинстве случаев термины «Европа» и «Запад» использовались как равноценные, различия между европейской и американской моделями «западности» игнорировались как второстепенные [Там же].

Этим отчасти объясняется тот факт, что в документах, регламентирующих европейскую интеграцию Грузии, интеграция в Организацию Североатлантического договора (НАТО) и Евросоюз отмечена одним пунктом [9]. Существует мнение, что «недостаточное внимание к многообразию западного мира объясняется молодостью грузинской дипломатии, неразвитостью политической, экономической и акаде-

мической мысли» [6, с. 23], но отсутствие «различий между субъектами, подразумеваемыми под понятием „Запад“, некоторые аспекты ориентации системы безопасности Грузии», в частности «прагматическое желание получить максимальную пользу от любого международного субъекта», иногда привносят эклектичность в государственное строительство и законодательство Грузии [Там же].

Впрочем, следует признать, что интеграция в европейские структуры была весьма последовательно реализуема в грузинской внешней политике. В марте 1992 года Грузия стала членом Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ); в мае 1992 года она присоединилась к Договору об обычных вооруженных силах в Европе, а в сентябре 1992 года – к акционерам Европейского банка реконструкции и развития, крупнейшего инвестора в регионе, созданного для поддержки рыночной экономики и демократии. Весьма примечательно, что в июне 1992 года в Сочи было подписано Соглашение о принципах мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта, которое временно прекратило военный конфликт между Грузией и Южной Осетией, в то время как ситуация в Абхазии всё более накалялась. Грузинские делегации в ходе визитов в Европу

(в частности, визита Э. Шеварднадзе в Бельгию в июне 1993 г.) стремились показать мировому сообществу, и прежде всего европейской обществу, что Грузия борется за суверенитет и целостность своей территории. Благодаря этим инициативам и целенаправленной работе посольства Грузии в Евросоюзе проблемы грузино-абхазского конфликта систематически обсуждались в структурах НАТО и ЕС, в результате чего в ООН осудили нарушение Соглашения о прекращении огня и признали виновной абхазскую сторону. Данный факт еще раз демонстрирует серьезную зависимость внешнеполитического выбора Грузии от необходимости разрешения внутренних проблем, в частности восстановления территориальной целостности и экономического роста. Очевидно, что страна не имела возможности решить эти задачи самостоятельно, без помощи извне, что и становилось решающим аргументом при поиске внешнеполитических партнеров.

С учетом поражения грузинских войск в Абхазии и новых вспышек конфликтов грузинское руководство во главе с Э. Шеварднадзе в октябре 1993 года приняло решение о присоединении к СНГ. Начался этап сближения с Российской Федерацией, а также поиск новых форм сотрудничества для решения проблемы сепаратизма на территории Грузинской республики. Надо отметить, что процесс консолидации с Россией проходил на фоне непрекращающегося стремления грузинского руководства привлечь ООН к решению вопроса урегулирования конфликта в Абхазии, о чем упоминалось выше. Таким образом создавалась ситуация определенного соперничества между ролью российских миротворцев и миссией военных наблюдателей ООН в зоне абхазско-грузинского конфликта.

В марте 1994 года Грузия присоединилась к программе военного сотрудничества НАТО с европейскими государствами и бывшими советскими республиками «Партнерство ради мира». Следует отметить, что и Российская Федерация присоединилась к этой программе – в июне 1994 года [22].

В 1995 году Грузия начала следовать рекомендациям Всемирного банка и Международного валютного фонда, направленным на обеспечение поддержки бюджета при реформировании грузинской экономики. В частности, кредит предоставлялся для поддержки мер

программы правительства, которые были направлены на достижение макроэкономической стабильности и совершенствование валютного рынка страны. Весьма характерно, что в новой Конституции Грузии, принятой в 1995 году, была отмечена необходимость ратифицирования в парламенте договоров военного характера, что ставило вопрос о заключенных ранее с Россией договорах подобного рода. Это вполне закономерно привело к принятию парламентом Грузии 17 апреля 1996 года резолюции, в которой российские миротворцы обвинялись в контрабанде и звучало требование по возвращению беженцев.

В 1996 году было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Грузией и Евросоюзом. Соглашение стало юридической основой, регламентирующей взаимоотношения между ними [19]. В качестве целей партнерства выделялись «усиление политического диалога, рыночной экономики, демократии, торговли, инвестиций и гармоничных экономических взаимоотношений» и «создание основ для законодательного, экономического, социального, финансового, научного, технологического и культурного сотрудничества». Особенный акцент ставился на том, что «Грузия проводит правовые и институциональные реформы в соответствии со стандартами Евросоюза». В парламенте был создан Комитет по интеграции в Европу, введен пост государственного министра по вопросам европейской и евроатлантической интеграции. Признавалось, что «оказанная Грузии Евросоюзом помощь путем осуществления проектов в рамках программы технической помощи странам СНГ (TACIS) и миссия Евросоюза в области верховенства закона играют большую роль в осуществлении реформ в различных сферах» [Там же].

В феврале 1997 года на встрече с генеральным секретарем НАТО министр иностранных дел Грузии И.А. Менагаришвили отметил, что европейская интеграция является одним из приоритетов государства [8]. В этот период появились заявления о том, что развитие транспортной инфраструктуры Европа – Азия рассматривается как гарантия защиты против «неоимпериалистических сил» России [25, с. 55].

В 1997 году многовекторная внешняя политика Грузии начала давать трещины, что привело к необходимости выстраивания ново-

го политического курса страны. Характерными для того периода являются комментарии в официальной прессе, в которых особое внимание уделено грузино-американским переговорам о военном сотрудничестве во время визита Э. Шеварднадзе в Вашингтон в 1997 году [16]. Начался процесс формирования новой интеграционной группы – ГУАМ, что вызвало понятное недовольство российского руководства. В ноябре 1999 года в Стамбуле было принято принципиальное решение о строительстве нефтепровода Баку – Джейхан, который должен пройти через грузинскую территорию, и оно получило официальную поддержку американского президента Б. Клинтона. В апреле 1999 года Грузия стала членом Совета Европы – международной организации, содействующей сотрудничеству в области прав человека, демократического развития, законности и культурного взаимодействия, продемонстрировав, таким образом, приверженность европейским ценностям. Весьма показательным, что из Договора о коллективной безопасности стран – участниц СНГ Грузинская республика вышла в том же апреле 1999 года, так как этот документ, по мнению грузинского руководства, не отвечал реалиям сложившейся ситуации. Очевидно, что не оправдались ожидания грузинской стороны по решению проблемы с Абхазией, ситуация в которой оставалась напряженной.

В ноябре 2003 года в Грузии произошла смена власти, известная как «революция роз». После вынужденной отставки Шеварднадзе в январе 2004 года к власти в Грузии пришел новый избранный президент – М. Саакашвили. Многие аналитики отмечали, что, несмотря на его заверения о необходимости поддерживать добрососедские отношения с Россией и странами СНГ, Саакашвили с самого начала продемонстрировал верность прозападной ориентации при выборе внешнеполитического курса республики.

В июне 2004 года Грузия включилась в Европейскую политику соседства, считая это важным механизмом сближения с Евросоюзом. В ее парламенте был образован Комитет по интеграции в Европу и введен пост государственного министра по вопросам европейской и евроатлантической интеграции.

Со стороны ЕС характер взаимодействия с новыми соседями получил документальное

обоснование в концепции «Большая Европа – соседство: новый подход к взаимоотношениям с нашими восточными и южными соседями» и в стратегии «Европейская политика соседства» [29].

Согласно выводам экспертов Российского института стратегических исследований, «основное содержание Европейской политики соседства по отношению к государствам постсоветского пространства состоит в стратегии сдерживания России, коллективном противостоянии возможностям ее доминирования в ареале бывшего СССР» [13, с. 16].

В целом интеграционная политика Евросоюза имеет прерывистый неравномерный характер, не всегда удается прийти к общей позиции в отношении оценок мирополитических событий. Однако, что касается событий в Грузии в августе 2008 года, существует мнение, что ЕС «удалось выработать общую позицию в ответ на шестидневную войну между Россией и Грузией» и «направить в Грузию миссию ЕС для мониторинга вывода российских войск с ее территории...» [32].

Действительно, после официального заявления России в августе 2008 года позиция международного сообщества по вопросу признания Абхазии и Южной Осетии играла жизненно важную роль для грузинского правительства. Одной из важнейших целей внешней политики Грузии того периода стала разработка «политики непризнания», успех которой не в последнюю очередь был определен позицией государств Евросоюза. Данная позиция нашла отражение в ряде официальных заявлений и документов [15], в которых появились термины «оккупация» и «оккупированные территории», характеризующие отношение к признанию Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. На переговорах с Грузией по Соглашению об ассоциации в Брюсселе в декабре 2010 года Евросоюз еще раз подтвердил поддержку территориальной целостности Грузии и свою приверженность политике «непризнания и включенности» [27].

Такая последовательная и согласованная позиция государств Евросоюза повлияла на разработку в Грузии документа «Государственная стратегия в отношении оккупированных территорий» [3] и плана действий согласно этой стратегии [37]. К разработке документа были

привлечены не только местные, но и международные эксперты, в том числе представители Евросоюза. В нем отмечалось, что для осуществления данной стратегии, как, собственно, и для осуществления плана действий, правительство будет изыскивать и выделять финансовые и другие ресурсы путем использования как национальных, так и международных инструментов.

В целом стратегия, основываясь на непоколебимом убеждении, что население, проживающее в Абхазии и Цхинвальском регионе/Южной Осетии, – это неотъемлемая часть грузинского общества и его будущего, выражала решимость Грузии мирным путем реинтегрировать эти территории и население в единое конституционное пространство республики. Подчеркивалось, что международное сообщество поддерживает инициативу Грузии по проведению политики вовлечения [35].

Европейский союз, не в последнюю очередь благодаря своим миротворческим действиям, приобрел имидж образования, членство в котором является верным средством прекращения войн и конфронтаций. Современный Евросоюз «однозначно рассматривается как пространство международного мира, военные конфликты внутри которого немыслимы, недопустимы» [20, с. 101]. В Европейской стратегии безопасности (2003) [24] была закреплена ориентация Евросоюза на развитие системы кооперативного взаимодействия между глобальными и региональными международными организациями, демократическими государствами. Таким образом, процесс европейской интеграции в определенной степени оказывает влияние на трансформацию функций внешней политики стран – участниц этого процесса. При реализации программ, необходимых для вхождения в состав ЕС («копенгагенские критерии»), вырабатываются общие ценностные установки и стандарты, а «процесс сотрудничества, направленный на достижение определенных целей, обнаруживает самостоятельную ценность, поскольку он помогает участникам адаптироваться к конструктивному взаимодействию друг с другом» [20, с. 103].

В 2009 году Грузия присоединилась к новому проекту Евросоюза – «Восточное партнерство» (ВП), направленному на развитие интеграционных связей Европейского союза с Украиной, Молдавией, Азербайджаном, Арме-

нией, Белоруссией и соответственно с Грузией. Официальное учреждение данного проекта состоялось в мае 2009 года на специальном саммите представителей стран ЕС в Праге. Основными приоритетами в вышеуказанных странах были обозначены:

- демократия, совершенная система управления и стабильность;
- экономическая интеграция и конвергенция с отраслевой экономической политикой ЕС, включая создание зон свободной торговли;
- энергетическая безопасность (надежное энергоснабжение как стран-партнеров, так и ЕС; развитие источников возобновляемой энергии);
- развитие контактов между людьми (либерализация визового режима и одновременно усиление борьбы с незаконной миграцией) [26].

В пражской декларации подчеркивалось, что «в своей деятельности ВП будет руководствоваться принципом „кондициональности“, т. е. продвижения вперед только при условии выполнения странами – участницами ВП определенных требований ЕС» [17, с. 206].

Российские эксперты считают, что «настоящие приоритеты ВП существенно отличаются от официально заявленных», более того, возникает впечатление, что большинство из них имеет сугубо декларативный характер [См.: 18]. Членство в программе «Восточное партнерство» не является альтернативным путем к членству в ЕС и не может однозначно рассматриваться как возможность будущего присоединения стран-партнеров к ЕС. Об этом неоднократно упоминали и представители Евросоюза. При этом у стран, желающих войти в состав ЕС и принимающих участие в программе «Восточное партнерство», формируются ожидания, иллюзорная природа которых становится очевидна не сразу. В частности, создается впечатление, что Европейский союз не готов дать Грузии членство в данный период истории, но определенным образом поддерживает уверенность грузинского руководства в том, что процесс интегрирования беспрерывно продолжается, проходя ряд этапов, которые в конце концов приведут страну к искомой цели.

Так, в феврале 2013 года Грузия получила план действий по либерализации визового режима с ЕС, в ноябре того же года на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе было па-

рафировано Соглашение об ассоциации между Грузией и Евросоюзом. В связи с этим первый заместитель министра иностранных дел Грузии Д. Залкалиани заявил, что Грузия теперь находится «в юридических рамках интеграции с Евросоюзом». На наш взгляд, это еще раз показывает, что грузинский истеблишмент питает определенные иллюзии по поводу интеграции в Евросоюз. Залкалиани подчеркнул, что, хоть это и не соглашение о вступлении Грузии в ЕС, оно означает переход на очень ответственный этап интеграции, и выразил уверенность в том, что «с этим соглашением процесс европейской интеграции принимает необратимый характер» [5]. Также было парафировано Соглашение о глубокой и всеобъемлющей свободной торговле. По оценкам Брюсселя, оно «обеспечит прирост экономики Грузии на 4,3 % в год» и увеличение импорта в Грузию из ЕС на 7,5 %, а «сельскохозяйственные товары из Грузии найдут большой спрос, когда их безопасность и качество поднимутся до европейских стандартов» [7]. Однако очевидно, что вероятность достижения грузинской продукцией уровня европейских стандартов остается под большим вопросом. В любом случае речь явно не идет о ближайшем будущем.

Президент Еврокомиссии Ж.М. Баррозу заявил, что Европейский союз не выступает против отношений Грузии с другими странами. Он отметил, что договоры о свободной торговле оформляются «со многими странами мира, которые также имеют договоры о свободной торговле с другими странами», особо подчеркнул: «Торговлю мы не воспринимаем в качестве конфронтации, на торговлю мы смотрим как на сотрудничество» [14].

Кроме того, было подписано Соглашение о включении Грузии в гражданские миссии и военные операции ЕС, предполагающее вовлечение Грузии в операции по управлению кризисами [33] и возможность совместно вносить вклад в процесс обеспечения безопасности в мире. В январе 2014 года Грузия стала членом Европейской организации безопасности авионавигации (Eurocontrol) [28]. В июне 2014 года, чуть ранее запланированного срока, состоялось подписание Соглашения об ассоциации Грузии с Евросоюзом [34].

Накануне подписания данного соглашения руководитель Еврокомиссии отметил, что «ЕС

будет продолжать активно поддерживать процесс реформ в Грузии, будучи одним из главных доноров помощи для этого государства» [4]. По словам Баррозу, в 2013 году Евросоюз выделил Грузии примерно 150 млн евро, а Еврокомиссия уже выделила Грузии и Молдове помощь для того, чтобы реализовать соглашения об ассоциации с ЕС, в размере 30 млн евро [Там же]. Действительно, весьма «продуктивное» для Грузии сотрудничество, но при этом вероятность свободной независимой реализации внешней политики оказывается приближенной к нулю.

В Концепции национальной безопасности Грузии (2011) [36] был выделен пункт об интеграции в ЕС. Принимая во внимание роль Евросоюза в обеспечении и установлении в Европе мира и благополучия, ее разработчики отмечали, что членство в Евросоюзе для страны – важная гарантия ее экономического и политического развития. Наряду с утверждением, что «сотрудничество с Евросоюзом способствует осуществлению в Грузии демократических реформ, укреплению свободной рыночной экономики и безопасности», подчеркивалось, что «вместе с тем членство Грузии в Евросоюзе усилит Европу путем восстановления Черноморского региона в качестве зоны европейской стабильности и торговли». Отмечалось, что министерство обороны Грузии также активно сотрудничает с Европейским союзом для успешного выполнения обязательств в рамках различных форматов партнерства, а это способствует обеспечению необратимого процесса европейской и евроатлантической интеграции Грузии.

Юридически основу сотрудничества министерства обороны Грузии с Евросоюзом составляли прежде всего Соглашение об ассоциации между Европейским союзом и Европейским сообществом по атомной энергии и их государствами-членами, с одной стороны, и Грузией, с другой стороны, подписанное в июне 2014 года и ратифицированное парламентом Грузии, и рамочное соглашение об участии Грузии в операции ЕС по урегулированию кризисов, подписанное на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе в 2013 году [Там же].

Более чем 20-летнее существование Европейского союза, конечно, придает некоторую уверенность в определенной стабильности этого объединения (она поддерживается и возможностями финансовых вливаний в эконо-

мику стран-партнеров), но история развития Евросоюза и современное положение дел демонстрируют целый ряд трудностей и проблем, которые весьма далеки от разрешения. По мнению российских исследователей, Европейский союз, будучи одним из самых успешных интеграционных проектов, «угодил в самый серьезный кризис в своей истории» [10, с. 134]. Соответственно, становясь частью Евросоюза, любое государство, наряду с ожиданиями помощи, должно ощущать готовность разделить те трудности, которые актуальны в Европе.

Кроме того, государства, желающие стать членами Евросоюза, должны быть нацелены «на прагматизм в отношениях с Европейским союзом, на восприятие сотрудничества с ним и – в перспективе – членства в нем не как самодостаточной цели, а как средства для достижения своих интересов» [23, с. 95].

Впрочем, к слову, парадоксально, но именно кризис Евросоюза «сслужил хорошую службу, ускорив процессы интеграции на постсоветском пространстве» [10, с. 134]. Этот кризис предостерегает от «поспешно-непродуманного (иногда – в пику другим своим соседям) сотрудничества с ЕС» на правах объекта его «политики сродства» [23, с. 95]. Очевидно, что в Грузии, как и в любом другом государстве постсоветского пространства, необходимо проводить не проевропейскую, проамериканскую или пророссийскую внешнюю политику, а политику, реализующую ее национальные интересы. Главное – помнить, что представляют собой национальные интересы, и не путать их с интересами политических элит.

В области экономического взаимодействия Евросоюза с постсоветскими государствами возникает интеграционная дилемма. Сближаясь с ЕС в рамках соглашений о зоне свободной торговли, страны-партнеры принимают часть законодательных норм Евросоюза, что является условием интеграции в экономическое и юридическое пространство ЕС, и, как следствие, их торговые связи с другими государствами, в том числе с Россией, ослабевают. Поэтому неудивительно, что независимо от намерений Евросоюза Москва расценивает заключение подобного рода соглашений как угрозу своей экономической безопасности [21, с. 12].

В угоду политической конъюнктуре перепиывается история, перестраивается эконо-

номика, трансформируется под воздействием манипулятивного влияния и пропаганды общественное мнение, и всё это отражается в деятельности социальных институтов. Пожалуй, самым непростым для модификаций является географический фактор, который, как известно, играет далеко не последнюю роль в истории становления и развития государств. Политическая элита Грузии, реализуя свои цели, воспользовалась транзитными возможностями страны в контексте европейской интеграции и взаимодействия с Западом. Это решение, возможно, верное по своей сути, на наш взгляд, нельзя назвать дальновидным и стратегическим. Скорее оно носит характер тактического приема, который призван разрешить насущные задачи, но при этом страна, оказавшись вовлеченной в структуру транспортировки ресурсов, не только получила определенный статус и дивиденды, но и стала участником, а вернее, просто элементом сложной политической и экономической «игры». Риск участия в ней сложно недооценить. Фактически тем самым Грузия лишила себя возможности выбора иного пути, нежели следование своей нынешней внешнеполитической концепции, для реализации которой были использованы западные инвестиции.

Вместе с тем, согласно материалам таких разных источников, как «Большая советская энциклопедия» и «Британника», Грузия полностью расположена в Передней Азии. По классификации ООН, Грузия – часть Западной Азии. Некоторые иностранные источники или относят страну к Ближнему Востоку, или же разделяют ее, относя северную часть Грузии к Восточной Европе, а всю остальную территорию – к Передней Азии. Например, на сайте ВВС сказано, что Грузия расположена «на стратегически важном перекрестке, где Европа встречается с Азией» [30]. Один из французских источников отмечает, что с географической точки зрения Грузия не является ни частью Европы, ни частью Азии (хотя общепринято считать, что она находится в Азии), более того, с точки зрения культурного влияния эту страну нельзя отнести ни к Западу, ни к Востоку, так как это кавказская страна с особым языком и особой культурой, выраженной в традициях и обычаях [31].

При этом очевидно, что Грузия «очень зависит от внешнеполитической конъюнктуры» [1]

и «критически зависит от международной экономической конъюнктуры» [2]. Сложно представить, как в таких условиях можно сохранить собственную политическую идентичность и свободу выбора. Финансовые вливания в виде грантов и кредитов в случае, если правительство «продолжит применять шаблонные приемы воздействия на экономику» [11, с. 111], в

конечном результате могут привести грузинскую экономику к масштабному кризису.

Таким образом, выбор внутри- и внешнеполитического развития Грузии сегодня зависит от воздействия внешних факторов и от прежних решений грузинского руководства, последствия которых незримой нитью связывают прошлое страны с ее настоящим и будущим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бжанишвили З.** Политический кризис в Грузии 14/10/2015. URL: <http://www.apsny.ge/analytics/1444883122.php>.
2. **Безруков А., Сушенцов А.** Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/09/96/45/09964525.a4.pdf>.
3. **Государственная** стратегия в отношении оккупированных территорий. Вовлечение путем сотрудничества. URL: <http://www.smr.gov.ge/docs/doc212.pdf>.
4. **Грузия** не может вступить в Евросоюз, однако Европа обязана предоставить ей европейскую перспективу. URL: <http://telegraf.com.ua/mir/aziya/1293801-glava-evrokommisii-gruziya-ne-mozhet-vstupit-v-evrosoyuz.html>.
5. **Грузия** парафировала соглашение с ЕС. URL: <http://www.iarex.ru/news/43494.html>.
6. **Дарчиашвили Д., Патарая Т.** Возвращение в Европу? Некоторые аспекты ориентации системы безопасности Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1. С. 21–34.
7. **Евросоюз** и Грузия создают зону свободной торговли. URL: <http://ru.euronews.com/2013/07/23/georgia-eu-free-trade-talks-end-with-progress-on-agreement/>.
8. **Институт** стран СНГ, Институт диаспоры и интеграции // Информ.-аналит. бюл. 2002. № 44. URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/097/0979a72f00de63d9e4818dc9d42db6ba.pdf>.
9. **Концепция** национальной безопасности Грузии. URL: http://embassy.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=RUS&sec_id=15.
10. **Косов Ю.В., Торопыгин А.В.** Проблемы политической интеграции на постсоветском пространстве: к вопросу об учреждении Евразийского парламента // Управленческое консультирование. 2012. № 3. С. 132–139.
11. **Мендкович Н.А.** Цена реформ, или Почему у Грузии не получилось? М.: Изд-во РИСИ, 2012. 128 с.
12. **Нодиа Г.** Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе / под ред. Б. Коппитерса. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/rus/ch0201.htm>.
13. **Политика** Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 2 (29). С. 16–17.
14. **Президент** Еврокомиссии посещает Грузию. URL: <http://www.memo.ru/d/201945.html>.
15. **Резолюция** Европарламента от 20 января 2011 года относительно стратегии Евросоюза в Черноморском регионе (2010/2087(INI)). Extraordinary European Council, Brussels, 1 September 2008, Presidency Conclusions. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/102545.pdf.
16. **Сакартвелос республика.** 1997. 18 июля.
17. **Сергунин А.А.** «Восточное партнерство»: вызов российской дипломатии в Восточной Европе // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 205–210.
18. **Сергунин А.А., Тихонов В.Г.** «Восточное партнерство» и российские интересы на Кавказе // Изв. высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2010. № 4. С. 35–39; **Жильцов С.С.** СНГ под натиском «Восточного партнерства». Инициативы европейцев могут дорого обойтись России. URL: http://www.ng.ru/politics/2009-04-30/3_kartblansh.html.
19. **Соглашение** о партнерстве и сотрудничестве между Грузией, с одной стороны, и европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. Люксембург, 22 апреля 1996 г. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/10758>.
20. **Транснациональные** политические пространства: явление и практика / отв. ред. М.В. Стрженева. М.: Весь мир, 2011. 376 с.
21. **Троицкий М., Самуэль Ч.** Российско-американские отношения на постсоветском пространстве. Как преодолеть игру с нулевой суммой? // Доклады Рабочей группы по будущему российско-американских отношений. Вып. 1. Сентябрь 2011. 46 с.
22. **Федеральный** закон Российской Федерации от 7 июня 2007 г. № 99-ФЗ «О ратификации Соглашения между государствами – участниками Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе „Партнерство ради мира”, о статусе их Сил от 19 июня 1995 года и Дополнительного протокола к нему» // Российская газ. URL: <http://www.rg.ru/2007/06/16/partnersrstvo-doc.html>.

23. Шульга М.А. Европеизация: некоторые особенности одного концепта // Век глобализации. 2015. № 1. С. 88–95.
24. A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Brussels, 12 December 2003.
25. Developing the National Security Concept of Georgia. URL: http://www.parliament.ge/files/292_880_927746_concept_en.pdf; <http://pdc.ceu.hu/archive/00001387/01/Nato.pdf>.
26. Eastern Partnership. Memo/09/217. Brussels. 5 May 2009. Available at: <http://europa.eu/rapid/press-ReleasesAction.do?reference=MEMO/09/217&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>.
27. EU-Georgia Talks in Brussels, 07.12.2010. URL: <http://civil.ge/eng/article.php?id=22941>.
28. Eurocontrol welcomes Georgia URL: <http://www.eurocontrol.int/news/eurocontrol-welcomes-georgia>.
29. European Neighbourhood Policy Strategy Paper // Commission of the European Communities. URL: http://www.ei-lat.ge/images/stories/Documents/ENP_Strategy.pdf.
30. Georgia country profile. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/country_profiles/1102477.stm.
31. Georgia. Sakartvelos Respublika. URL: <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/asia/georgie.htm>.
32. Krotz U., Maher R. International Relations Theory and the Rise of European Foreign and Security Policy // World Politics. 2011. Vol. 63, no. 3. P. 548–579.
33. President: Georgia is ready to contribute to EU crisis management operations. URL: <http://en.trend.az/scaucasus/georgia/2216527.html>.
34. Round-up of reactions to signing of Partnership Agreements. URL: <http://www.euronews.com/2014/06/27/round-up-of-reactions-to-signing-of-partnership-agreements/>.
35. ევროკავშირთან თანამშრომლობა. URL: <https://mod.gov.ge/p/cooperation-with-the-EU>.
36. ეროვნული უსაფრთხოების კონცეფცია. Концепция национальной безопасности Грузии. URL: http://embassy.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=RUS&sec_id=15.
37. “ჩართულობა თანამშრომლობის გზით”: სახელმწიფოს ტრატეგია ოკუპირებული ტერიტორიების მიმართ: დოკუმენტები დამასალეები. თბ., 2010. 63 გვ.

БАХТУРИДЗЕ Зейнаб Зелимхановна — кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Института специальной педагогики и психологии.
Россия, 194356, Санкт-Петербург, ул. Большая Озерная, 92
e-mail: zeinabb1000@mail.ru

Z.Z. Bakhturidze

GEORGIA AND THE EUROPEAN UNION: THE POTENTIAL OF PARTNERSHIP AND INTEGRATION STRUCTURES

The article discusses the process of Georgia's interaction with the European Union. The goal of integrating into European structures has occupied the leading position in the Georgian politics for more than 20 years. In its pursuit of national interests, Georgia is trying to use all the available potential for partnership with the EU in its foreign policy. However, the preservation of national identity in the globalizing world is a significant requirement for the Georgian society during this integration process. The author notes that under the circumstances when Georgia is dependent on the European political conjuncture, it does not seem possible for the country to save its own political identity and freedom of choice.

THE FOREIGN POLICY CONCEPT; THE POST-SOVIET SPACE; EUROPEAN INTEGRATION; IDENTITY; NATIONAL INTERESTS; POLITICAL CONJUNCTURE.

REFERENCES

1. Bezhanishvili Z. [Political crisis in Georgia]. Available at: <http://www.apsny.ge/analytics/1444883122.php> (accessed 14.10.2015).
2. Bezrukov A., Sushentsov A. [Russia and the world in 2020. Contours of alarming future]. Available at: <http://fictionbook.ru/static/trials/09/96/45/09964525.a4.pdf> (accessed 15.03.2016).
3. [State Strategy concerning occupied territories. Involving through cooperation]. Available at: <http://www.smr.gov.ge/docs/doc212.pdf> (accessed 15.03.2016).
4. [Georgia cannot join the European Union, however, Europe has to provide it with European perspectives]. Available at: <http://telegraf.com.ua/mir/aziya/1293801-glava-evrokommisii-gruziya-ne-mozhet-vstupit-v-evrosoyuz.html> (accessed 10.04.2016).
5. [Georgia initiated an agreement with EU]. Available at: <http://www.iarex.ru/news/43494.html> (accessed 10.04.2016).
6. Darchiashvili D., Pataraya T. [Returning to Europe? Some aspects of orientation of Georgian security system]. *Central Asia and the Caucasus*, 2001, no. 1, pp. 21–34. (In Russ.).
7. [European Union and Georgia create a free-trade area]. Available at: <http://ru.euronews.com/2013/07/23/georgia-eu-free-trade-talks-end-with-progress-on-agreement/> (accessed 23.07.2013).
8. [Institute of CIS countries, Institute of diaspora and integration]. *Informational-analytical bulletin*, no. 44. Available at: <http://www.materik.ru/upload/iblock/097/0979a72f00de63d9e4818dc9d42db6ba.pdf> (accessed 15.01.2002).
9. [Conception of national security of Georgia]. Available at: http://embassy.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=RUS&sec_id=15 (accessed 15.03.2016).
10. Kosov Yu.V., Toropygin A.V. [Problems of political integration in the post-Soviet space: to the question of establishing a Eurasian parliament]. *Management consulting*, 2012, no. 3, pp. 132–139. (In Russ.).
11. Mendkovich N.A. *Tsena reform, ili Pochemu v Gruzii ne poluchilos'?* [The cost of reform, or Why Georgia did not succeed?]. Moscow, RISI Publ., 2012. 128 p. (In Russ.).
12. Nodia G. [Political disturbances and ethno territorial conflicts in Georgia]. *Disputed borders in the Caucasus* (ed. by B. Koppitersa). Available at: <http://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/rus/ch0201.htm> (accessed 12.03.2016).
13. [European Union policy about countries in the post-Soviet space in the context of Eurasian integration]. *Problems of national strategy*, 2015, no. 2 (29), pp. 16–17. (In Russ.).
14. [The President of the European Commission visits Georgia]. Available at: <http://www.memo.ru/d/201945.html> (accessed 15.03.2016).
15. [The Resolution of the European Parliament from January 20, 2011 on European Union strategies in the Black Sea region (2010/2087(INI)]. Extraordinary European Council, Brussels, 1 September 2008, Presidency Conclusions. Available at: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/102545.pdf (accessed 15.03.2016).
16. Sakartvelos republic. 1997, July 18.
17. Sergunin A.A. [“The Eastern Partnership”: challenge to Russian diplomacy in Eastern Europe]. *Vestnik VGU. Ser. Linguistics and intercultural communication*, 2010, no. 1, pp. 205–210. (In Russ.).
18. Sergunin A.A., Tikhonov V.G. [“The Eastern Partnership” and Russian interests in the Caucasus]. *News of higher educational establishments. Northern Caucasus. Ser. Social Studies*, 2010, no. 4, pp. 35–39. (In Russ.); Zhiltsov S.S. [CIS under pressure of “The Eastern Partnership”. European initiatives can cost too much to Russia]. Available at: http://www.ng.ru/politics/2009-04-30/3_kartblansh.html (accessed 20.04.2016).
19. [Agreement on partnership and cooperation between Georgia on the one side and European communities and their states-members on the other side]. Luxembourg, 1996, April 22. Available at: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/10758> (accessed 20.04.2016).
20. [Transnational political spaces: phenomenon and practice]. Ed. by M.V. Strezhneva. Moscow, Ves' mir Publ., 2011. 376 p. (In Russ.).
21. Troitskiy M., Samuel Ch. [Russian-American relationship in the post-Soviet space. How to overcome zero-sum game?] *The reports of the workgroup on the future of Russian-American relationship*, iss. 1, 2011, September. 46 p. (In Russ.).
22. [Federal Law of the Russian Federation from June 7, 2007 No. 99-FZ “On ratification of the Agreement between participants-states of the NATO Treaty and other states, participating in the programme ‘Partnership for the sake of the peace’, about their Forces status from June 19, 1995 and Additional protocol to it”]. *Rossiyskaya gazeta*. Available at: <http://www.rg.ru/2007/06/16/partnersstvo-doc.html> (accessed 20.04.2016).
23. Shul'ga M.A. [Europeanization: some features of one concept]. *Vek globalizatsii*, 2015, no. 1, pp. 88–95. (In Russ.).
24. A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Brussels, 2003, Dec. 12.
25. Developing the National Security Concept of Georgia. Available at: http://www.parliament.ge/files/292_880_927746_concept_en.pdf; <http://pdc.ceu.hu/archive/00001387/01/Nato.pdf>.
26. Eastern Partnership. Memo/09/217. Brussels. 2009, May 5. Available at: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=MEMO/09/217&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>.

27. EU-Georgia Talks in Brussels, 07.12.2010. Available at: <http://civil.ge/eng/article.php?id=22941>.
28. Eurocontrol welcomes Georgia. Available at: <http://www.eurocontrol.int/news/eurocontrol-welcomes-georgia>.
29. European Neighbourhood Policy Strategy Paper. Commission of the European Communities. Available at: http://www.ei-lat.ge/images/stories/Documents/ENP_Strategy.pdf.
30. Georgia country profile. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/country_profiles/1102477.stm.
31. Georgia. Sakartvelos Respublika. Available at: <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/asia/georgie.htm>.
32. Krotz U., Maher R. International Relations Theory and the Rise of European Foreign and Security Policy. *World Politics*, 2011, vol. 63, no. 3, pp. 548–579.
33. President: Georgia is ready to contribute to EU crisis management operations. Available at: <http://en.trend.az/scaucasus/georgia/2216527.html>.
34. Round-up of reactions to signing of Partnership Agreements. Available at: <http://www.euronews.com/2014/06/27/round-up-of-reactions-to-signing-of-partnership-agreements/>.
35. ევროკავშირთან თანამშრომლობა. Available at: <https://mod.gov.ge/p/cooperation-with-the-EU>.
36. ეროვნული უსაფრთხოების კონცეფცია. Kontseptsiya natsional'noy bezopasnosti Gruzii. Available at: http://embassy.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=RUS&sec_id=15.
37. “წართულობა თანამშრომლობის გზით”: სახელმწიფო სტრატეგია ოკუპირებული ტერიტორიების იმართ: დოკუმენტები დამასალეები. თბ., 2010. 63 გვ.

BAKHTURIDZE Zeynab Z. – *Institute of Special Pedagogy and Psychology.*

Ul. Bol'shaya Ozernaya, 92, St. Peterburg, 194356, Russia

e-mail: zeinabb1000@mail.ru

Люй Сыцун

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1925–1927) В РАБОТАХ СОТРУДНИКОВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА

Рассмотрено влияние И.В. Сталина и Ван Мина в 1930-х гг. на научную работу китаеведов Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в области изучения истории Коммунистической партии Китая. Отмечается, что сотрудники университета, в частности В. Мурзинцев, в своих исследованиях придерживались идеологии сталинизма и одновременно, ссылаясь на работы Ван Мина, признавали уникальность истории Китая.

ИСТОРИОГРАФИЯ; КИТАЕВЕДЕНИЕ; ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ; КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1925–1927).

Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина (КУТВ) – учебное заведение Коминтерна, действовавшее в Москве с 1921 по 1938 г., – оставил заметный след в истории советско-китайских отношений и советского китаеведения. Университет не только подготовил большое количество революционных кадров для китайской коммунистической революции, но и стал одним из крупнейших центров советской синологии 1920–1930-х гг.

Среди многообразия тем исследований китаеведов той эпохи одной из важнейших является история Коммунистической партии Китая (КПК). Актуальность данной темы обусловлена историографической и политической значимостью изучения феномена революции XX в. Во-первых, китайская национальная революция 1925–1927 гг. достигла вершины при непосредственной поддержке ВКП(б) и Коминтерна, окончательное поражение ее также было тесно связано с разногласиями внутри ВКП(б), поэтому советские китаеведы не могли не увидеть необходимость изучения истории КПК, чтобы обобщить исторический опыт. Во-вторых, после кровавого подавления национальной революции в 1927 г. начался новый этап революционной ситуации в Китае. Новорожденные советские районы Китая, советская власть в аграрных провинциях, вооруженная борьба с гоминьдановцами в деревнях – все эти

новые факторы были неизвестны советским китаеведам, знакомым только с опытом Октябрьской революции на базе промышленных городов. Новые исторические события потребовали новых исследований.

Наиболее значимые научные исследования в области истории КПК, проведенные в КУТВ, находятся в его учебных материалах, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), в фонде КУТВ (№ 532). Хронологические рамки материалов – 1934–1937 гг. В течение четырех лет КПК совершила Великий поход¹ на север, собирая силы для борьбы с японскими захватчиками. По мере того как КПК развивалась, китаеведы КУТВ в Москве тщательно исследовали ее революционную деятельность в эти годы и одновременно проводили ретроспективные исследования истории партии конца 1920-х гг.

Следует отметить, что научные работы китаеведов КУТВ никогда не были чисто научными. Гуманитарии сталинской эпохи часто отождествляли научные изыскания с политической пропагандой, и китаеведы не являлись

¹ Великий поход – поход КПК и рабоче-крестьянской Красной армии Китая на север в 1934–1936 гг. Цель похода – избежание наступлений Гоминьдана (тогдашней правящей партии Китая) и создание новой революционной базы в Северном Китае.

в этом исключении. Строгое соблюдение правил партийной идеологии давно стало «научным» критерием в советском китаеведении, а эта идеология чаще всего означала сталинизм. В начале 1930-х гг. И.В. Сталин, одержав победу в борьбе с Л.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым и Н.И. Бухариным, окончательно занял единственное авторитетное место в партии. Его статьи, речи и письма стали первыми источниками советской идеологии, в том числе и идеологии в китайской политике Советского Союза.

Согласно Сталину, в период китайской революции до 1927 г., который он называет «кантонским» (центр революции находился в южном городе Кантоне), субъектом революции был блок рабочих и крестьян с частью буржуазии. В первой половине 1927 г., когда центр революции переместился в город Ухань и начался ее «уханьский» этап, большинство крупных капиталистов отошли от революции, гегемония пролетариата в ней значительно усилилась [1]. Можно сделать вывод, что уханьский период — более высокая ступень революции, чем кантонский. Китаеведы КУТВ, как и их коллеги в других учебных заведениях, во многом придерживались формулировки И.В. Сталина и сделали всё возможное, чтобы доказать правильность доводов вождя.

Другим высшим авторитетом в области идеологии для советских китаеведов являлся китайский партийный деятель Ван Мин. В официальной историографии КПК [См.: 2, с. 307–312] он представлен как ярый враг Мао Цзэдуна, в последние годы — как «предатель» КПК, нашедший убежище в Советском Союзе. Однако в 1930-х гг. Ван Мин считался в Москве крупнейшим китайским теоретиком. Будучи членом Политсекретариата Исполкома Коминтерна (ИККИ), Ван Мин являлся посредником между КПК и Коминтерном, отвечал за объяснение линии Коминтерна китайским товарищам. Кроме того, утверждению Ван Мина в качестве специалиста по китайскому вопросу способствовало то, что большинство конкретных комментариев Сталина по событиям в Китае относилось к концу 1920-х гг., а Советский Китай 1930-х гг. они почти не затрагивали. Таким образом, Ван Мин взял на себя задачу объяснить советским товарищам последнюю революционную ситуацию в Китае.

О месте И.В. Сталина и Ван Мина в советском китаеведении свидетельствует библиография 1937 г. [3, л. 124–133], служившая списком рекомендуемой литературы по китайскому вопросу для учащихся КУТВ. Самыми цитируемыми в ней были В.И. Ленин, И.В. Сталин и видный советский синолог П.А. Миф, который в 1930-х гг. долго работал на посту ректора КУТВ [4] и считался главным покровителем Ван Мина в Советском Союзе. Среди работ китайцев первое место по количеству занимают статьи Ван Мина (всего 23 статьи, написанные примерно в 1932–1936 гг.), второе — статьи Кан Шэн, тогдашнего помощника Ван Мина в Москве (3 статьи). Что касается лидера советского района Китая Мао Цзэдуна, то в данный список вошел лишь один из его докладов. В него включены также работа Чэнь Юня «Героический поход» (написана под псевдонимом Ши Пиным) и статья «левого» поэта Сяо Саня (Эми Сяо) [3, л. 124–133]. Совершенно очевидно, что наряду с В.И. Лениным большим авторитетом у советских китаеведов пользовались И.В. Сталин и Ван Мин. Многие учащиеся КУТВ находились под влиянием именно их работ.

Как уже упоминалось выше, суть сталинской периодизации истории КПК 1920-х гг. заключалась в его учении о кантонском и уханьском этапах революции. Сталин обозначил начало уханьского периода, однако никогда четко не высказывал своего мнения о конкретном моменте, когда он закончился. Вследствие этого советские ученые были вынуждены выработать свои гипотезы по данному вопросу, чтобы пополнить партийную теорию новым содержанием. Советский дипломат А.В. Бакулин сразу после спада революционной волны в Китае в апреле 1927 г. написал первую содержательную монографию об уханьском периоде [5, с. V], но он завершил свою работу до июля 1927 г., когда китайская национальная революция потерпела окончательное поражение. В этой работе не нашли отражения вооруженные восстания, произошедшие во второй половине 1927 г. Таким образом, А.В. Бакулину не удалось точно определить время окончания уханьского периода. Позднее советские китаеведы М. Волин (С.Н. Беленький) и П.А. Миф датировали конец уханьского периода июлем — августом 1927 г., когда уханьская группировка гоминьдановцев открыто изменила револю-

ции и КПК была вынуждена прибегнуть к вооруженной борьбе против бывших союзников [См.: 6, с. 164]. Однако дискуссия по этому вопросу продолжалась. Уханьский период требовал более глубокого исследования.

Научная работа сотрудника КУТВ В. Мурзинцева «Тактика К. П.² на Уханьском этапе революции» [7] благодаря времени ее написания оказалась более основательной. Эта работа сохранилась в архиве. Она не датирована, но, судя по содержанию, работа относится к 1934–1937 гг. Задача ее автора состояла в интерпретации главных исторических событий уханьского этапа китайской революции, разъяснении причины поражения КПК.

В. Мурзинцев в основном согласился с М. Волиным и П.А. Мифом в том, что уханьский период закончился летом 1927 г. По его мнению, это произошло в «период от измены Чан Кайши до измены Уханьского правительства, Наньчанского восстания Хо-Луна и Ие-Тина³ в августе 1927 г.» [Там же. Л. 1а]. Мурзинцев определил изменение классового состава революционного блока как причину перехода от кантонского этапа к уханьскому. Вслед за И.В. Сталиным В. Мурзинцев указал на предательство буржуазии: «Национальная буржуазия отходит от революции и превращается в контрреволюционную силу потому, что она испугалась развертывающегося массового движения рабочего класса и крестьянства» [Там же]. А после уступки китайской буржуазии империализму и феодальным эксплуататорам в революционном лагере остались пролетариат, крестьяне, мелкая буржуазия и городская беднота. В трехмесячный уханьский период именно эти социальные силы сформировали революционный союз. Основная периодизация и классовый анализ у В. Мурзинцева те же, что и у Сталина.

Далее В. Мурзинцев привел слова вождя, но дополнил цитату. Как известно, Сталин охарактеризовал наступление уханьского периода как переход революции на более высокую степень. На его взгляд, раз национальная буржуазия отошла от революции, значит, революция в Китае стала «демократичнее». Революция «об-

щественная» превратилась в «аграрную» революцию рабочих и крестьян, «которая усилит и расширит борьбу против империализма, против джентри и феодальных помещиков» [Там же. Л. 7]. Сославшись на цитату партийного лидера, Мурзинцев переформулировал теорию Сталина: «Переход от кантонского этапа революции к уханьскому является переходом от этапа буржуазной революции к этапу революции буржуазно-демократической» [Там же. Л. 8]. Новая формулировка была гораздо лаконичнее, что позволяло учащимся КУТВ, на первый взгляд, овладеть существом сталинской теории.

Однако В. Мурзинцев отметил, что не следует переоценивать значение этого перехода. Гегемон китайского революционного движения до и после перехода был один и тот же — пролетариат. В связи с неизменной классовой сутью революции цель ее на новом этапе осталась прежней — уничтожить империализм, преодолеть феодальные пережитки в Китае. Кроме того, все основные революционные силы кантонского периода продолжали борьбу и в уханьский период, лишь буржуазия предала революцию. Таким образом, исследователь пришел к выводу, что переход явился не столько стратегическим, сколько тактическим.

Подтекст в этой работе В. Мурзинцева понять нетрудно: поскольку переход был только «тактическим», нельзя отнести события к новому этапу. Поэтому исследователь начал апологию сталинской политики. В 1926–1927 гг. многие советские троцкисты и члены КПК резко критиковали Сталина за его «мирную» политику в отношении китайской буржуазии. Они считали китайскую буржуазия не надежным союзником пролетариата, а скорее врагом революции. Сам Л.Д. Троцкий не раз выступал за немедленный уход КПК из коалиционного правительства и начало борьбы коммунистов с буржуазной партией — Гоминьданом. Вопреки мнению троцкистов, Сталин настоял на том, что союз коммунистов с Гоминьданом разрывать нельзя. Надо было сохранять прежнюю стратегию.

В. Мурзинцев назвал критику И.В. Сталина троцкистами «клеветническим изображением» [Там же. Л. 23] правильной политики Коминтерна. Он считал, что вождь никогда не капитулировал перед буржуазией. Поскольку революция уханьского периода была буржуазно-демократической, сотрудничество с широ-

²Правильно: КПК.

³Правильно: Хэ Лун, Е Тин (оба — командующие вооруженными силами КПК, возглавлявшие Наньчанское восстание в августе 1927 г.).

чайшим спектром социальных сил, включая буржуазию, оставалось необходимым. А так называемый «мирный путь» был невозможен, причем не только из-за весьма крепкой социальной базы врагов революции, но и потому, что «гоминьдановская форма государственной организации не является целесообразной для перехода от буржуазно-демократической к социалистической революции» [7, л. 23]. Иначе говоря, гоиньдановское правительство было лишь временным орудием на уханьском этапе. Только тогда, когда революция разовьется до следующего этапа, китайские коммунисты смогут разорвать союз с Гоминьданом. В высокой степени соответствуя буржуазно-демократической сути революции, понимание И.В. Сталина было абсолютно правильным.

Похвалив великого вождя международного коммунизма, Мурзинцев обвинил троцкистов в оппортунизме. По его мнению, план троцкистов немедленно восстать против империализма и Чан Кайши был не что иное, как «левацкое предложение» [Там же. Л. 26], а призывать трудящиеся массы к восстанию, пока «известный шанс на успех» не будет налицо, — это «играть с восстанием», это «не есть ленинская тактика» [Там же].

Гораздо более резкой критике В. Мурзинцев подверг китайских чэньдусюистов (так в советской и китайской историографии называли сторонников Чэнь Дусю — Генерального секретаря КПК в период Китайской революции 1925–1927 гг.; до сих пор в официальной историографии КПК чэньдусюизм называется «правым оппортунизмом Чэнь Дусю» [См.: 2, с. 198–213]). Если советские троцкисты выступали за утопичную «левацкую» тактику, то китайские чэньдусюисты придерживались «капитулянтской» линии, чем вредили революции. На самом деле Чэнь Дусю и его помощники верно следовали учению И.В. Сталина и положениям Коминтерна, поддерживали необходимость сотрудничества с Гоминьданом. Даже накануне предательства уханьских гоиньдановцев чэньдусюисты поддерживали сотрудничество с ними и не предвидели резню коммунистов. Летом 1927 г. и Сталин, и чэньдусюисты должны были отвечать за трагическую судьбу КПК⁴.

⁴На VII (расширенном) пленуме Исполкома Коминтерна (ноябрь — декабрь 1926 г.) И.В. Сталин

Однако, с точки зрения В. Мурзинцева, виноваты в поражении китайской революции были только чэньдусюисты, ошибки которых он охарактеризовал так: 1) «здесь сказалась чэньдусюистская линия на единый фронт с буржуазией во что бы то ни стало, переоценка революционности буржуазии»; 2) «одновременно Компартия недооценила революционность мелкой буржуазии»; 3) «Компартия не использовала возможностей, не вооружила десятки тысяч рабочих и не влила их в национальную революционную армию... Партийный комитет растерял постепенно свои связи с массовыми организациями» [7, л. 3]. Увидев возможность трагического конца революции, часть чэньдусюистов даже распространяла пораженческие настроения, считая, что единственный путь спасти партию — это бегство на северо-запад [Там же. Л. 32].

Одним словом, союз с буржуазией был необходим. Но при сотрудничестве нельзя было во всех важнейших делах уступать буржуазии — вот в чем виноват Чэнь Дусю. В тактике же И.В. Сталина не было никакой ошибки, это чэньдусюисты поняли ее ошибочно.

После падения чэньдусюизма и кровавой резни коммунистов в Ухане КПК была вынуждена поднять вооруженное восстание против Гоминьдана. Короткий уханьский этап закончился. В. Мурзинцев при изучении исторических вех КПК после уханьского периода больше опирался на работу Ван Мина. Подобно Ван Мину, он подчеркнул историческое значение Кантонского восстания, назвал его важнейшей исторической вехой после поражения революции 1925–1927 гг. КПК подняла восстание 11 декабря 1927 г. в бывшем центре революции Кантоне (ныне — Гуанчжоу), где был создан орган власти советского типа — Кантонская коммуна. Восстание оказалось очень непродолжительным, уже на третий день оно было подавлено гоиньдановцами. Многие из повстанцев-коммунистов были жестоко убиты, избежавшие этой участи были вынуждены укрыться в горном районе.

сделал доклад о положении китайской революции (он вошел в резолюцию пленума [8]), где требовал от КПК в основном доверять Гоминьдану. И Чэнь Дусю продолжал проводить эту линию даже после измены Чан Кайши.

Сегодня в официальной историографии КПК Кантонское восстание рассматривается как сопровождавшаяся левацкими ошибками попытка установления советской власти. Повстанцы не осознали важность перехода в аграрный район, чтобы сберечь силы для партии [2, с. 244–245]. Историки КПК считают, что более эффективную и разумную тактику предложил Мао Цзэдун в крестьянском восстании «Осеннего урожая» 1927 г. Однако в Советском Союзе в 1930-х гг. именно Кантонское восстание считалось важной вехой, тогда как восстание «Осеннего урожая» рассматривалось лишь как незначительный эпизод⁵. В. Мурзинцев писал, что Кантонская коммуна была «арьергардным боем отступающих рабочих и крестьян против контрреволюции, но она открыла собой новую страницу китайской революции – советскую» [7, л. 58]. Эта формулировка подразумевала, что Кантонское восстание было водоразделом между досоветским и советским периодами китайской революции. Другими словами, после Кантонского восстания КПК вышла на революционный путь, классической моделью которого явилась Октябрьская революция.

Взгляды В. Мурзинцева во многом совпали с точкой зрения Ван Мина. В том же архивном фонде сохранилась речь Ван Мина на заседании КУТВ 1934 г., посвященном памяти жертв Кантонского восстания. В ней Ван Мин так обобщил значение восстания: 1) Кантонская коммуна «объявила о ликвидации всей политической и экономической мощи империализма в Китае и о национальной независимости Китая» [9, л. 4], что свидетельствовало о большой решительности коммуны в антиимпериалистической борьбе; 2) коммуна «объявила о конфискации всей помещичьей земли и бесплатной передаче ее безземельному и малоземельному крестьянству» [Там же], т. е. открыто поставила перед собой задачу аграрной революции; 3) коммуна «объявила о введении 8-часового рабочего дня» [Там же]; 4) коммуна создала «первую в истории Китая и самую передовую, самую революционную армию – рабоче-крестьянскую Красную армию» [Там же]. Очевидно, здесь Ван Мин указал

на значение восстания как начала «настоящей» социалистической революции.

В своей речи Ван Мин отметил, что Кантонское восстание было «не только *арьергардным боем* в отношении первой волны революции 1925–1927 гг., но и предвестником, репетицией победоносного развития *советской революции в Китае*» (курсив наш. – Л. С.) [Там же. Л. 7]. Безусловно, В. Мурзинцев уважал Ван Мина, поэтому в своей работе использовал ключевые термины последнего.

Сходство взглядов В. Мурзинцева и Ван Мина отразилось и в оценке Мао Цзэдуна и возглавляемого им советского правительства Китая. Вопреки популярному имиджу «врага Мао», Ван Мин в 1930-х гг. в основном доверял Мао Цзэдуну и признавал его лидером китайской революции советского типа. Согласно китайским источникам, Ван Мин в то время не только видел в Мао Цзэдуне «способного лидера», но и одобрял вклад Мао в марксистскую теорию (в свои последние годы Ван Мин ее всячески отрицал) [См.: 10, с. 268–272]. С 1934 г. Ван Мин во многих тактических вопросах развития советского района не раз поддерживал Мао Цзэдуна и критиковал другого лидера – Бо Гу (Цинь Бансянь) за непонимание ситуации [См.: 11, с. 99]. Таким образом, Ван Мин тогда настаивал на лидерстве Мао Цзэдуна.

«Маоистское» настроение также нашло отражение в работе В. Мурзинцева. Он признал стратегический талант Мао Цзэдуна кантонского периода, указал на его большой опыт в руководстве крестьянскими движениями. Разумеется, ученый здесь не «преувеличивал» достижения Мао Цзэдуна, а придал ему образ верного последователя учения Сталина [7, л. 50]. Обобщая опыт Мао Цзэдуна в экономическом строительстве советского Китая, Мурзинцев отметил его оригинальность. Дело в том, что Мао Цзэдун в советском районе Китая провел раскулачивание не сразу, зажиточных крестьян некоторое время не трогали. Эта политика противоречила господствовавшей тогда в Советском Союзе идее И.В. Сталина, что при проведении революции в любой стране необходимо осуществлять принудительную коллективизацию и беспощадно уничтожать кулачество. В этом вопросе В. Мурзинцев принял сторону Мао Цзэдуна. Он писал, что советская власть Китая «не ставит себе задачи выкорчевать ка-

⁵ Например, в учебной программе курса «История Китая» Кантонское восстание было признано исторической вехой, а о восстании «Осеннего урожая» даже не упоминалось [См.: 3, л. 1–60].

питализм, не проводит политики ликвидации кулачества как класса, но она и не ставит перед собой задачи бороться за развитие капитализма» [7, л. 140]. С точки зрения советского исследователя, временное сохранение капиталистических элементов поможет, а не повредит революции. Экономическая стабильность для КПК была самой актуальной проблемой.

Здесь В. Мурзинцев опять ссылается на статью Ван Мина и цитирует ее: «Задача советского правительства заключается сейчас не в том, чтобы ликвидировать капитализм и форсировать эти новые социально-экономические уклады, а в том, чтобы в чрезвычайно трудных условиях войны, проводя гибкую политику, использовать капитализм в целях оживления советской экономики, укрепления положения советских районов» [Там же. Л. 141]. Это отрывок из статьи Ван Мина в журнале «Коммунистический Интернационал» за 1933 г. [12]. Цитата доказывает симпатию Ван Мина и В. Мурзинцева к экономической политике,

проводимой Мао Цзэдуном. На самом деле после этих строк Ван Мин, продолжая хвалить Мао Цзэдуна, отмечал, что сохранение кулачества может не только «укреплять союз рабочего класса с бедняцко-средняцким крестьянством, отрывая середняка из-под кулацкого влияния, укреплять гегемонию рабочего класса», но и содействовать совершению буржуазно-демократической революции, ускорить процесс социалистической революции [7, л. 141].

Итак, можно сделать следующие выводы. В. Мурзинцев, будучи китаеведом в советском комвузе в 1930-х гг., с одной стороны, в основном придерживался официальной линии в изучении истории Китая 1920-х гг., прежде всего настаивая на верности сталинских оценок событий, с другой стороны, в изучении истории Китая 1930-х гг. он оказался во многом солидарен с Ван Мином, признавая уникальность китайской революции. Именно в этом состоит своеобразный вклад Мурзинцева в развитие советского китаеведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сталин И.В. Вопросы китайской революции // Сочинения. В 13 т. Т. 9. М.: Госполитиздат, 1952. С. 221–230.
2. [История Коммунистической партии Китая]. Т. 1. Кн. 1. Пекин, 2011. 457 с.
3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 532. Оп. 4. Д. 227.
4. Григорьев А.М. Павел Миф // Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М.: Наука, 1970. С. 88–101.
5. Бакулин А.В. Записки об уханьском периоде китайской революции. М.; Л.: Госиздат, 1930. 288 с.
6. Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М.: Наука, 1970. 416 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 532. Оп. 4. Д. 221.
8. Резолюция VII расширенного пленума ИККИ по вопросу о положении в Китае (декабрь 1926 г.) // Коминтерн и ВКП(б) о китайской революции. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 27–48.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 532. Оп. 4. Д. 228.
10. Го Дэхун. [Летопись жизни и деятельности Ван Мина]. Пекин, 2014. 799 с.
11. Гао Хуа. [Как восходило красное солнце]. Гонконг, 2000. 705 с.
12. Ван Мин. Экономическая политика советской власти в Китае // Коммунистический Интернационал. 1933. № 24. С. 19–30.

ЛЮЙ Сыцун — аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
Россия, 119991, Москва, ГСП-1, ул. Ленинские Горы, 1
e-mail: lsc-04@mail.ru

Lu Sycon

HISTORY OF CHINESE REVOLUTION OF 1925–1927 IN THE WORKS OF TEACHERS OF COMMUNIST UNIVERSITY OF EASTERN TOILERS

This paper depicts the influence of Stalin and Wang Ming on a research of the Communist University of Eastern Toilers (KUTV) about the history of Chinese Communist Party (CCP). The author argues that, in KUTV in 1930s, there were two main tendencies in Chinese studies. On one hand, scholars of KUTV had to stick to the official Stalinist course. On the other hand, they did pay attention to the particularities of Chinese history by citing Wang Ming's works.

HISTORIOGRAPHY; SINOLOGY; HISTORY OF CHINESE COMMUNIST PARTY; CHINESE REVOLUTION OF 1925–1927.

REFERENCES

1. Stalin I.V. [Problems of Chinese Revolution]. *Works*. In 13 vol. Of vol. 9. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952. Pp. 221–230. (In Russ.)
2. [History of Chinese Communist Party]. Pt. 1. Vol. 1. Beijing, 2011. 457 p.
3. [Russian State Archiv of socio-political history]. F. 532. Op. 4. D. 227.
4. Grigoryev A.M. Pavel Mif. *Vidnyye sovetskiye komunisty – uchastniki kitayskoy revolyutsii* [Distinguished Soviet Communists - Participants of Chinese Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1970. Pp. 88–101. (In Russ.)
5. Bakulin A.V. *Zapiski ob ukhanskom periode kitayskoy revolyutsii* [Notes on the Wuhan Period of Chinese Revolution]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1930. 288 p. (In Russ.)
6. Nikiforov V.N. *Sovetskiye istoriki o problemakh Kitaya* [Soviet Historians on Chinese Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 416 p. (In Russ.)
7. [Russian State Archiv of socio-political history]. F. 532. Op. 4. D. 221.
8. [Resolution of the 7th Enlarged Session of the Executive Committee of Comintern on the Situation in China (December 1926)]. *Komintern i VKP(b) o kitayskoy revolyutsii* [Comintern and CPSU(b) on Chinese Revolution]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1927. Pp. 27–48. (In Russ.)
9. [Russian State Archiv of socio-political history]. F. 532. Op. 4. D. 228.
10. Guo Dehong. [Chronicle of Wang Ming]. Beijing, 2014. 799 p.
11. Gao Hua. [How Did the Red Sun Rise]. Hong Kong, 2000. 705 p.
12. Van Min. [Economic Policy of Chinese Soviet Government]. *Communist International*, 1933, no. 24, pp. 19–30. (In Russ.)

LU Sycon – *Lomonosov Moscow State University*.

Ul. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia

e-mail: lsc-04@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.251.8

УДК 329

Т.С. Тараканова

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Актуальность исследования обусловлена возросшим вниманием к современной внешней политике Китайской Народной Республики. В статье анализируются концепции внешней политики Китая. При исследовании использовались методы как теоретического, так и эмпирического уровня. При помощи компаративного метода удалось установить общее и различное в основных направлениях внешней политики КНР с середины XX века по настоящее время. Аспектный анализ позволил рассмотреть проблему внешнеполитических отношений Китая с позиции исследователей, изучающих данную проблему. В результате выявлено что, основу официальной внешнеполитической стратегии Китая составляют следующие концептуальные идеи: пять принципов мирного сосуществования, теория «мира и развития» Дэн Сяопина, теория «гармоничного мира», концепция «китайской мечты» Си Цзиньпина. Материалы статьи могут использоваться для сравнительного анализа внешней политики Китая в межгосударственных союзах.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА; ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; ПРИНЦИПЫ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ; ТЕОРИЯ «ГАРМОНИЧНОГО МИРА»; КОНЦЕПЦИЯ «КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ».

Важной особенностью китайской внешней политики на современном этапе является осуществление многосторонней дипломатии и стимулирование развития механизмов регионального сотрудничества, что отражено в рамках деятельности Китайской Народной Республики в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Основополагающие внешнеполитические позиции Китая закреплены в «Белой книге» [1], регулярно издаваемой с 1998 года. В последней, девятой по счету, «Белой книге», опубликованной в мае 2015 года, основное внимание было уделено военной стратегии КНР, а также нынешнему положению страны на международной арене. Так, в ней отмечается, что в условиях постоянных изменений международной геополитической ситуации появляются новые вызовы безопасности Китая. Тем не менее в документе подчеркивается, что КНР проводит политику исключительно оборонительного характера:

- единство стратегической обороны и готовность к тактическому нападению;
- приверженность принципам обороны, самообороны и ответного удара по противнику;

- соблюдение позиции «Мы не будем нападать, пока на нас не нападут, но мы непременно дадим отпор в случае нападения» [См.: 2].

В девятой «Белой книге» появились новые аспекты внешнеполитических приоритетов КНР в отношении будущего миропорядка:

- курс на повышение международного положения и перехват лидерства в военной сфере, расширение влияния Китая;
- переход к обеспечению безопасности не только прибрежных территорий, но и в открытом море;
- стремление развивать военное сотрудничество с другими странами, в первую очередь с Россией: «вооруженные силы КНР будут способствовать взаимобмену и сотрудничеству с российской армией в рамках всеобъемлющего стратегического партнерства и координации между Китаем и РФ» [Там же].

В китайских экспертных кругах тема роли КНР на мировой арене обсуждается достаточно активно, что, в частности, нашло отражение в работах исследователя Чжан Байцзя, который выделил четыре основные задачи внешней политики Китая на ближайшую перспективу:

1. Защита национального суверенитета и обеспечение экономической безопасности.

2. Борьба с гегемонизмом, силовой политикой и терроризмом, поощрение установления более справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка.

3. Адаптация к различным изменениям в международных отношениях после окончания холодной войны, особенно к всесторонней перестройке отношений крупных держав и небывалому оживлению деятельности различных региональных и межрегиональных организаций сотрудничества.

4. Адаптация к влиянию на Китай тенденции экономической глобализации и быстрого развития высоких технологий [3].

Региональные приоритеты внешней политики Китая – это развитие отношений:

1) с ведущими странами мира: США, Россией, Францией, Германией, Великобританией, так как эти государства являются главными игроками на мировой арене;

2) с соседями: Японией, Кореей, странами Юго-Восточной Азии;

3) с развивающимися странами Африки и Латинской Америки [4].

Важным направлением внешней политики «мирного возрождения Китайской Народной Республики» являются китайско-российские отношения. Китай делает ставку на стратегические партнерские отношения как на двустороннем, так и на многостороннем уровне в рамках различных международных структур, включая ШОС.

Подписанный 16 июля 2001 года Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией заложил основу для развития соглашений о взаимном доверии и сокращении вооружений в приграничных районах, о демаркации восточного и западного участков китайско-российской границы, а также для активного сотрудничества в рамках ШОС [5].

Основа официальной внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики строится на концептуальных идеях. Рассмотрим их подробнее.

Пять принципов мирного сосуществования. В 1953 году премьером Госсовета Китайской Народной Республики Чжоу Эньлаем впервые были выдвинуты пять принципов мирного сосуществования:

- взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности,

- взаимное ненападение,

- невмешательство во внутренние дела друг друга,

- равенство и взаимная выгода,

- мирное сосуществование.

Через год, во время визита Чжоу Эньлая в Индию и Бирму, было опубликовано совместное коммюнике, в котором три государства обратились к мировому сообществу с призывом сделать данные пять принципов мирного сосуществования всеобщими нормами международных отношений. Важно отметить, что эти принципы не только вошли в Конституцию Китайской Народной Республики (1982), но и стали тем базисом, на основе которого Китай устанавливает и развивает дружественные отношения со всеми странами мира.

Теория «мира и развития» Дэн Сяопина. С момента своего создания в 1949 году и вплоть до наших дней КНР не раз меняла собственную стратегию внешней политики. Это было связано прежде всего с внутривнутриполитическими изменениями, ужесточением или смягчением идеологического гнета, экономической и политической закрытостью в годы правления Мао Цзэдуна.

В начале 1980-х годов лидер КНР Дэн Сяопин выступил с предложением провести масштабные экономические, социальные и политические реформы. Основой его теории «мира и развития» стала переориентация с теоретических догм марксизма на объективную «реальность», т. е. на действительное положение дел. Дэн Сяопин продвигал концепцию открытости Китая миру, его активной интеграции в глобализирующемся мире и в мировой экономике. Эта теория получила название «социализм с китайской спецификой». Она предполагала сохранение социалистического строя в стране при постепенной переориентации на капиталистическую экономику. Традиционный маоистский тезис о том, что «лучше бедный социализм, чем богатый капитализм», был подвергнут сомнению.

Идеи Дэн Сяопина включали в себя не только фундаментальную модернизацию Китайской Народной Республики по четырем основным направлениям (оборонная промышленность, наука, сельское хозяйство и

промышленное производство), но и пересмотр внешнеполитической концепции, предполагавший расширение географических и внешнеполитических интересов страны, уход от «узкого регионализма». В связи с недостатком в государстве собственных средств было решено открыть Китай для иностранных инвесторов. Новая внешнеполитическая концепция предполагала как экономическую, так и политическую, культурную, социальную открытость страны миру.

Теория «гармоничного мира». Концепция Дэн Сяопина была дополнена теорией «гармоничного мира», разработанной председателем КНР Ху Цзиньтао. Впервые данная теория была выдвинута им в сентябре 2005 года на собрании по случаю 60-летней годовщины ООН. Теория «гармоничного мира» подразумевала построение «гармоничной» Азии и «гармоничного мира», содействие миру, развитию и кооперации во всем мире, расширение и развитие международных связей Китая.

Выступая в 2006 году в Йельском университете, Ху Цзиньтао раскрыл основные положения новой концепции. В ее основу были положены традиционные китайские «гармоничные» ценности. По словам Ху Цзиньтао, социальная гармония всегда являлась неотъемлемой частью менталитета китайского народа, его ценностей и культуры, поэтому Китай сейчас выступает в роли строителя гармоничного общества. Китайская Народная Республика выступает за хорошие отношения с соседними странами и стремится к тому, чтобы все государства мира жили в гармонии друг с другом [6].

В 2007 году на XVII съезде КПК Ху Цзиньтао призвал к строительству «гармоничного мира» для противостояния вызовам, брошенным человечеству в последние десятилетия. В контексте создания «гармоничного общества» и «гармоничного мира» особое место отводилось научной концепции развития. Суть ее состояла во всестороннем, гармоничном и устойчивом развитии при едином и комплексном планировании, ориентированном на человека, выступающего как главный центр и основа этой концепции [7].

Осуществление строительства «гармоничного мира» немыслимо без реализации научной концепции развития, а «гармоничный мир», согласно китайскому видению, необходимое условие существования человечества в рамках

современных тенденций глобализации. «Гармоничный мир» — это устойчивое развитие и разумное использование невозпроизводимых ресурсов и энергоресурсов, преодоление различий между Югом и Севером и победа над страданиями человечества: бедностью, болезнями, войнами, насилием и террором [8].

В результате внешняя политика современной Китайской Народной Республики приобрела открытость и направленность на достижение мира, развития и сотрудничества: она «стремится использовать достижения других цивилизаций для продвижения к миру и развитию через сотрудничество, стремится играть свою роль в строительстве гармоничного мира, длительных мирных отношений и общего процветания» [6].

Согласно Ху Цзиньтао, основное положение теории «гармоничного мира» заключается в сотрудничестве всех акторов мировой арены для обеспечения всеобщей безопасности, установления продолжительного, устойчивого по предсказуемости мира и всеобщего процветания. Преследуя в своей внешней политике цель построения «гармоничного мира», Китайская Народная Республика «будет стараться, строго соблюдая принципы ООН, активно участвовать в международных делах, выполнять международные обязательства, содействовать установлению нового, справедливого, разумного мирового порядка» [См.: 9].

Как отмечает глава Центра сравнительных экономических и политических исследований Юй Кэпин, «выдвинутая Китаем теория гармоничного мира имеет много общего с распространенной в мире теорией глобального управления. Обе они коренятся в заботе об общей судьбе человечества, обе выступают против унилатерализма и гегемонизма, обе подчеркивают решение общих вопросов каждого государства через международное сотрудничество, обе выступают против „мира, управляемого Америкой“, и подчеркивают повышение роли ООН, обе настойчиво утверждают новый мировой политико-экономический порядок. Это китайский взгляд на глобальное управление, это мировоззрение Китая в условиях новых реалий и тенденций в изменяющемся мире» [10, с. 31].

Сама идея строительства «гармоничного мира» и осуществления мирного развития является не только стратегической концепцией,

но и идейной основой внешней политики Китая. «Гармоничный мир» – это конечная цель, достижение которой и будет направлять деятельность КНР на международной арене.

Концепция «китайской мечты» Си Цзиньпина. Толчком к появлению китайской общенациональной идеи стала специфика современного этапа развития страны: значительный экономический и социальный рост, усиление влияния на мировой арене, уход от политики «узкого регионализма» и возникновение амбиций мировой державы. В 2012 году председатель КНР Си Цзиньпин предложил новую внешнеполитическую концепцию – «китайская мечта». Концепция состоит из трех основных компонентов:

- сильное и богатое государство,
- национальное возрождение,
- народное счастье.

Как отмечалось в одном из СМИ, «китайская мечта» – это общая цель всего китайского народа и желание каждого отдельно взятого гражданина страны, и для ее осуществления будут прилагаться неустанные усилия [11]. То есть осуществление «китайской мечты» превратит страну в богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство. Средствами достижения этой цели являются укрепление экономического взаимодействия и расширение сотрудничества в Евразии.

Большое место в концепции «китайской мечты» занимает мысль об исключительной роли Китайской Народной Республики как страны, продвигающей идею мирного развития и международного сотрудничества, «гармоничного мира», китайские традиционные идеалы и ценности, полезные для всего мирового сообщества. В реализации данной концепции огромную роль будет играть молодое поколение китайцев. К 2049 году, т. е. к 100-летию образования КНР, необходимо построить богатое, могучее, демократическое, цивилизованное,

гармоничное социалистическое современное государство. В мае 2013 года Си Цзиньпин в интервью подчеркнул, что Китай будет не только развиваться сам, но и нести ответственность за развитие всего мира и вносить вклад в это развитие, создавать блага не только для народа Китая, но и для народов всего мира: «Осуществление китайской мечты принесет миру мир, а не потрясения, это шанс, а не угроза» [См.: 12].

В претерпевшей существенные изменения за последние десятилетия внешней политике Китайской Народной Республики обозначился общий тренд на повышение международного престижа Китая как страны дружественной и миролюбивой, на открытость для различных форматов международного сотрудничества. В этом контексте участие Китая в ШОС в полной мере соответствует внешнеполитическим приоритетам страны.

Китай является одним из основателей Шанхайской организации сотрудничества. Участие в ее деятельности китайское руководство рассматривало как стратегический приоритет в отношениях со странами Центральной Азии и с Россией. При этом КНР всегда делала акцент на экономической составляющей сотрудничества. Так, в 2015 году премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян заявил о необходимости развития международного экономического взаимодействия в формате формирования зоны свободной торговли в рамках ШОС к 2020 году, торгово-промышленной ассоциации в области электронной торговли, что в перспективе должно позволить странам – участницам ШОС совершать трансграничные операции.

Территории Центральной Евразии обладают большим экономическим потенциалом, а значит, развитие взаимовыгодных отношений между Китаем и странами региона является важным фактором развития рыночной экономики как важной составляющей китайской модели развития и метода реализации «китайской мечты».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Китай:** контроль над вооружениями и разоружение («Белая книга»). URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/zfbps/t25317.shtml> (дата обращения: 16.03.2016).

2. **Лексютина Я.** Первая «Белая книга» Китая по военной стратегии: новые акценты? // Новое восточное обозрение. URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/06/06/pervaya-belaya-kgna-kitaya-po-voennoj-strategii-novy-e-aktenty/> (дата обращения: 14.03.2016).

3. **Чжан Байцзя.** Исторический обзор эволюции внешнеполитических отношений Китая в период осуществления реформ и политики расширения внешних связей (1992–2002) // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 6. С. 40–51.

4. **Wang Yizhou.** 中国外交十特色 [Десять особенностей китайской дипломатии]. 2008 г. URL: <http://www.docin.com/p-28513220.html> (дата обращения: 10.03.2016).

5. **Лю Цайци.** Внешняя политика КНР и перспективы китайско-российских отношений // Мировая экономика и междунар. отношения. 2004. № 9. С. 85–96.

6. **A Translation of Chinese President Hu Jintao's Remarks at Yale.** 2006. Apr. 21

7. **Ху Цзиньгао** об углубленном претворении в жизнь научной концепции развития // «Женьминь Жибао» онлайн. Октябрь 2007 г. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6283410.html> (дата обращения: 10.03.2016).

8. **Ли Син.** Внешнеполитическая философия современного Китая: о связи между научным развитием и гармоничным миром // Россия и Китай в евразийской интеграции. Сотрудничество или соперничество? СПб.: Нестор-История, 2015. 350 с.

9. **Сун Сейфен.** Теория о гармоничном мире и исследования международных отношений // Jiaoyu kexue yanjiu [Науч. воспитание и исследования]. 2007. № 11. С. 59–70.

10. **Yue Keping.** Hexie shijie linian xia de zhongguo waijiao [Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия] // Liaowang xinwen zhoukan [Еженед. обзор период. печати]. 2007. № 17.

11. **Познакомить** мир с «китайской мечтой». Март 2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8154196.html> (дата обращения: 17.03.2016).

12. **Ломанов А.В.** Китай мечтает вместе с миром. Сентябрь 2013. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgm/t1077799.htm> (дата обращения: 14.03.2016).

ТАРАКАНОВА Тамара Сергеевна – ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: tarakanovamara@gmail.com

T.S. Tarakanova

FOREIGN POLICY CONCEPTION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Relevance of a research is caused by the increased attention to modern foreign policy of People's Republic of China. The article analyzes the conception of foreign policy of China. Both methods of theoretical and empirical level are used. By means of a the comparative method was possible to establish similarities and differences in the main directions of foreign policy of the People's Republic of China from the middle of the 20th century on today. The aspect analysis was allowed to consider a problem of the foreign policy relations of China from a position of the researchers studying this problem. It is revealed that, the fundamentals of official strategy of China's foreign policy are made by the following conceptual ideas: the five principles of peaceful coexistence, the theory of "peace and development" Deng Xiaoping theory "harmonious world" concept "Chinese dream" Xi Jinping. Materials of the article can be used for the comparative analysis of foreign policy of People's Republic of China in international unions.

PEOPLES REPUBLIC OF CHINA; THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION; INTERNATIONAL RELATIONS; THE PRINCIPLES OF PEACEFUL COEXISTENCE; THE THEORY OF "HARMONIOUS WORLD"; THE CONCEPT OF "CHINESE DREAM".

REFERENCES

1. [China: arms control and disarmament (White Paper)]. Available at: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/zfbps/t25317.shtml> (accessed 16.03.2016).
2. Leksyutina Ya. [First White Paper on China's military strategy: new accents?]. *New Eastern Outlook*. Available at: <http://ru.journal-neo.org/2015/06/06/pervaya-belaya-kniga-kitaya-po-voennoj-strategii-novy-e-aktenty/> (accessed 14.03.2016).
3. Chzhan Baytszya. [The historical overview of the evolution of China's foreign relations in the period of reform and expansion of external relations policy (1992–2002)]. *Far Eastern Affairs*, 2003, no. 6, pp. 40–51. (In Russ.)
4. Wang Yizhou. «中国外交十特色» [Ten features Chinese diplomacy]. 2008. Available at: <http://www.docin.com/p-28513220.html> (accessed 10.03.2016).
5. Lyu Tszaytsi. [The foreign policy of the PRC and the prospects for Sino-Russian relations]. *World Economy and International Relations*, 2004, no. 9, pp. 85–96. (In Russ.)
6. A Translation of Chinese President Hu Jintao's Remarks at Yale. 2006. Apr. 21
7. [Hu Jintao about in-depth implementation of the scientific concept of development]. *The newspaper "People's Daily" online*. 2007. Oct. Available at: <http://russian.people.com.cn/31521/6283410.html> (accessed 2016.10.03).
8. Li Sin. [The foreign policy philosophy of contemporary China: the relationship between the scientific development and harmonious world]. *Rossiia i Kitay v yevraziyskoy integratsii. Sotrudnichestvo ili sopernichestvo?* [Russia and China in the Eurasian integration. Cooperation or competition?]. St. Petersburg, Nestor-story Publ., 2015. 350 p. (In Russ.)
9. Sun Seyfen. [The theory of a harmonious world and the study of international relations]. *Jiaoyu kexue yanjiu* [Scientific education and research], 2007, no. 11, pp. 59–70.
10. Yue Keping. Hexie shijie linian xia de zhongguo waijiao [The ideal of a harmonious world and Chinese diplomacy]. *Liaowang xinwen zhoukan* [Weekly periodicals], 2007, no. 17.
11. *Poznakomit' mir s "kitayskoy mechtou"* [To acquaint the world with the "Chinese dream"]. 2013. March. Available at: <http://russian.people.com.cn/31521/8154196.html> (accessed 17/03/2016).
12. Lomanov A.V. *Kitay mechtaet vmeste s mirom* [China dreams with the world]. 2013. Sept. Available at: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgm/t1077799.htm> (accessed 14/03/2016).

TARAKANOVA Tamara S. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: tarakanovatamara@gmail.com

DOI 10.5862/JHSS.251.9
УДК 930.1

К.В. Самохин

**МОДЕРНИЗАЦИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ XVIII–XX ВЕКОВ:
СТАРТОВЫЕ УСЛОВИЯ, МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ
И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ**

В статье выделяются характерные черты русского варианта модернизации. Принципиальная новизна авторского подхода состоит в трактовке войны как фактора российской модернизации. Основой методологии послужила теория модернизации, которая определяется классически как переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Такая трактовка позволяет комплексно рассмотреть изменения в Российском государстве в XVIII–XX вв. во всех сферах жизнедеятельности общества. При сравнении с органичной моделью модернизационных преобразований отмечается длительный и проблематичный характер протекания аналогичных процессов в России, что связано с их асинхронностью. Особое внимание обращено: на отсутствие достаточной сформированности стартовых условий для осуществления модернизационных процессов; догоняющую модель, реализуемую через «вызовы» Запада к русской (славянской) цивилизации; первостепенное значение политической элиты при проведении реформ модернизационной направленности и неорганичность, т. е. асинхронность, модернизационных преобразований в направлении от экономической через социально-политическую к духовной сфере. Материалы статьи могут быть использованы для оценки эффективности проводимых на современном этапе реформ и формирования новой стратегии политического развития Российской Федерации.

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ; ВОЙНА; МЕХАНИЗМ; ДОГОНЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ; НЕОРГАНИЧНОСТЬ; СТАРТОВЫЕ УСЛОВИЯ; ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ.

Теория модернизации является динамично развивающимся дискурсом в отечественных социальных и гуманитарных науках. К важнейшим стимулам такой динамики следует отнести поиски новой отечественной исторической парадигмы в 1990-х гг., когда наметилась необходимость пересмотра господствовавшего в советский период формационного подхода [11]. В дальнейшем мощнейшим фактором в указанном аспекте стали политические детерминанты, связанные с выбором стратегии государственного развития Российской Федерации в 2000-е гг. [9, 11]. Несмотря на идеологический

аспект возникновения теории модернизации в 1960-х гг. [5], в современных условиях в ней видят серьезнейший методологический потенциал для научных исследований во многих областях гуманитарного знания: «Если методика традиционного подхода хорошо разработана, широко используется и накопила огромный фактический материал, то критерии модернизационной парадигмы всё еще дискутируются и не всегда используются в исторических исследованиях, не говоря уже об их умелой сочетаемости с модернизационной динамикой. Поэтому изучение истории сквозь призму теории

модернизации, получив определенное признание, пока не достигло уровня, необходимого для глубокого понимания произошедшего с Россией в предшествующем столетии и того, что в связи с этим ее ждет в настоящем» [1, с. 8]. Это во многом связано с тем, что российские ученые подходят к модернизационному дискурсу с позиций глубокого научного анализа, не желая, чтобы теория модернизации использовалась только как идеологема, появление которой детерминировано исключительно политической конъюнктурой [19, с. 21, 29].

Таким образом, необходимо констатировать, что теория модернизации подвергается серьезному исследованию на предмет изучения не только перспектив ее применения для объяснения отдельных процессов или определенных периодов российской истории, но и механизмов ее реализации, а также особенностей протекания модернизации, базовых структурных элементов и т. д. Среди данного круга вопросов немаловажной представляется проблема готовности Российского государства к модернизационным преобразованиям. От ее решения будут зависеть ответы на другие поставленные выше вопросы, которые являются узловыми для исследователей теории модернизации. Решая обозначенные ранее проблемы, мы тем самым выйдем на характеристику особенностей российского варианта модернизации.

Следует заметить, что исследователями выделяются различные критерии определения сформированности в России необходимых стартовых условий для проведения модернизации. Например, Р.Г. Апресян в книге «Консолидация и модернизация России» по данному вопросу пишет: «Важными предпосылками модернизации являются: а) степень консолидированности и организованности общества, в особенности консолидированности по признаку приверженности неким объединяющим людей идеалам, пусть и в частном выражении „национальной идеи“, по признаку признания ценности социальной справедливости; б) степень оформленности и институционализированности публичного дискурса; в) степень социальной однородности общества, как минимум поддерживаемой системой эффективно действующих „социальных лифтов“; г) возможности общества, к тому же в лице его различных групп, влиять на процессы принятия решения;

д) авторитет государственной власти, верховной, региональной и местной; е) развитость стандартов профессионализма» [2, с. 119].

И.В. Побережников в статье «Человеческий потенциал российской имперской модернизации» определяет критерии готовности России к модернизации таким образом: «Акцент на человеческий потенциал модернизации представляется попыткой обновления модернизационного подхода, попыткой взглянуть на модернизацию „изнутри“, с позиций оценивания способности и готовности населения поддерживать модернизационные мероприятия, с точки зрения установления степени соответствия модернизационного пути ожиданиям и запросам населения, отчего во многом и зависят перспективы развития страны вообще» [12, с. 11].

Несмотря на очевидное сходство взглядов обоих исследователей в определенных аспектах, налицо различие их подходов к обозначенной выше проблеме. В частности, Р.Г. Апресян, исходя из изложенных ранее критериев, говорит о небольшом или ничтожном модернизационном потенциале Российского государства [2, с. 119]. И.В. Побережников в результате своего анализа заключает: «Итак, человеческий потенциал одновременно являлся и предпосылкой, и индикатором динамики модернизации. В России человеческий потенциал демонстрировал достаточную гибкость и готовность адаптироваться к условиям модернизации. При этом невысокие показатели образованности свидетельствовали о низком и позднем старте модернизации» [12, с. 15]. Проблему готовности Российской империи к модернизации и определения критериев этой готовности необходимо считать остро дискуссионной.

При оценке сформированности стартовых условий России для осуществления модернизационных процессов следует дать дефиницию самого термина «модернизация», так как это имеет первостепенное методологическое значение для нашего исследования. В нашем понимании, модернизация – это переход от аграрного общества к индустриальному, т. е. комплексный процесс, который проявляется во всех сферах жизнедеятельности общества [14, с. 12]. В экономике имеют место установление базовых принципов рыночной системы, динамичное развитие сельского хозяйства и индустриализация, складывание мировой эконо-

мики при международном разделении труда на основе развития транспорта и коммуникаций; в политике – расширение функций государства, а также расширение границ демократического режима как географически, так и социально для внедрения принципов гражданского общества и правового государства; в социальной сфере – четкое разделение функций между индивидами и социальными общностями, повышение уровня социальной мобильности, широкий процесс урбанизации; в духовной сфере – формирование общечеловеческих ценностей на основе развития образования, установления светского образа жизни, различных видов плюрализма (религиозного, научного, философского и т. д.), приобщения широких слоев населения к достижениям культуры, дифференциация, с одной стороны, и интеграция, с другой, разнообразных типов культур и цивилизаций. Такое понимание модернизации для истории России следует применять в период с XVIII до 90-х гг. XX в. Начальная дата обусловлена первым опытом перехода Российского государства от традиционного общества к современному, связанным прежде всего с реформами Петра I. Окончание этого перехода детерминировано включением России в процессы глобализации, которая временами трактуется как логическое продолжение модернизации, но не является для нее синонимичным понятием.

На наш взгляд, проблему готовности Российской империи к проведению модернизации необходимо решать через обозначенные выше ее структурные элементы в различных сферах жизнедеятельности общества.

Рубеж XVII–XVIII вв. Россия встретила как страна традиционного типа. При характеристике традиционного общества обычно выделяют следующие черты:

- геополитически понятие «Восток», с которым связывают традиционное общество, охватывает культуры и цивилизации Индии, Китая, Японии и исламских стран;
- в экономической сфере – низкий уровень развития производства, государственная или корпоративная монополия на собственность, производство направлено на удовлетворение насущных, сиюминутных потребностей и др.;
- в политической сфере – авторитарный тип мышления, связанный с деспотической формой правления;

- в социальной сфере – воспроизводство социальных структур и стабильность устоявшегося образа жизни, связанные с жесткими границами социальных корпораций и отсутствием социальной мобильности, что в итоге приводит к коллективистскому характеру общества и отказу от выделения в структуре личности такого элемента, как индивидуальность или персональное «я»;

- в духовной сфере – ориентация на традиционные образцы поведения, вписанность человека в мир природы, господство религиозно-мифологических представлений, установка на созерцание, безмятежность, что в абсолютном варианте реализовано в принципе «не-деяния».

Здесь следует оговориться, что термины «Запад» или «Восток» применительно к теории модернизации необходимо использовать не в плане географических понятий, а как концепты, которые отождествляют собой «современное» или «традиционное» общества [19, с. 59–60]. Несмотря на то что Россия в классическом варианте не может быть отнесена к восточным странам (этому противоречит в первую очередь ее геополитическое положение), основными чертами традиционного общества к началу Петровских преобразований она обладала, поэтому к 80-м гг. XVII в. ее следует причислить к государствам Востока именно в концептуальном значении. Для подтверждения данного тезиса проанализируем характерные черты развития России в различных сферах жизнедеятельности общества на предмет ее готовности к модернизационным процессам.

Экономика Московского государства в большей степени обладала необходимыми условиями для проведения модернизации, чем остальные сферы жизнедеятельности общества. Безусловно, основной единицей промышленного производства в середине XVII в. оставалась ремесленная мастерская, однако во второй его половине стали появляться мануфактуры различных типов: централизованные и рассеянные; вотчинные, казенные и купеческие. При всем этом особенностью указанного процесса было широкое использование труда крепостных крестьян при организации мануфактурного производства. Тем не менее первичная стадия формирования условий для дальнейшего промышленного переворота имела место [15, с. 53–55, 57].

Еще одним важным фактором складывания основных принципов рыночной системы стало начало образования всероссийского рынка, о чем свидетельствуют, к примеру, возникновение регулярных ярмарок, оформление купечества как особого сословия горожан, проявление товарной специализации отдельных регионов страны. Здесь же следует отметить и выработку государственной политики в отношении внешней торговли, что подтверждается протекционистскими и меркантилистскими мерами в 40–50-х гг. XVII в. Однако имели место методы наполнения государственной казны, которые невозможно назвать квалифицированными. Они обусловили возникновение народных движений, и в первую очередь Соляного (1648) и Медного (1662) бунтов [15, с. 55–61].

Итак, можно сделать вывод об имеющихся определенных экономических подвижках в Русском государстве к складыванию принципов рыночной экономики, но они во многом нивелировались сложившейся системой сословных, политических и духовных отношений, что наводит на мысль о необходимости проведения модернизации. Однако на этом готовность России к модернизационным преобразованиям заканчивается.

В политическом плане XVII в. в российской истории отмечен становлением абсолютной монархии. Проявления этого процесса обычно обозначаются следующим образом: падение влияния Боярской думы; прекращение созыва Земских соборов; принятие Соборного уложения (1649), закрепившего усиление царской власти; противостояние Алексея Михайловича и патриарха Никона, закончившееся ростом светских тенденций в развитии Русского государства, и т. д. Таким образом, политическая сфера характеризовалась особенностями, присущими традиционному обществу, так как перспективы демократизации и либерализации государственного строя, складывания основ правового государства и гражданского общества не были даже обозначены.

В социальной сфере то же самое Соборное уложение завершило процесс закрепощения крестьянства — наиболее многочисленного сословия в составе русского населения. Естественно, что этот процесс, дополненный складыванием основ крепостной зависимости среди других сословий и слоев русского общества в

период правления Петра I, был прямой противоположностью характеристикам индустриального этапа, на котором приоритетными направлениями развития должны быть урбанизация и повышение уровня социальной мобильности.

Что касается духовной сферы, то она определялась основными установками крестьянского менталитета, полностью вписывающимися в образцы традиционного общества: патриархальные отношения (или патернализм), религиозность, монархизм, принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость), общинный коллективизм, сочетающийся с индивидуальными началами [7; 13, с. 91–102]. Акцент именно на крестьянской ментальности делается в данном случае из-за того, что в описываемый период российской истории крестьянство преобладало в составе населения Русского государства. Однако менталитет других слоев и сословий не сильно отличался от перечисленных выше принципов. И здесь мы видим прямую противоположность главным особенностям индустриального Запада без каких-либо предпосылок для зарождения мультикультурализма, который является конечным итогом модернизации духовной сферы.

Таким образом, общий вывод относительно готовности России к проведению модернизационных процессов следующий: русское общество имело слабый потенциал для реализации преобразований и реформ в модернизационном плане. Если экономическая сфера начинала подвергаться необходимым изменениям, то тенденции политического и социального развития обладали противоположной направленностью. В дополнение к этому установки русского менталитета не позволяли приветствовать какие-либо инновации, особенно кардинальные. Однако идея о полном отсутствии условий и предпосылок для проведения модернизации в России также не имеет под собой каких-либо оснований.

В итоге Русскому государству требовались «вызовы» Запада для того, чтобы вступить на путь модернизации. Так как концепция «вызов — ответ» детально разработана в книге А.Дж. Тойнби «Исследование истории», необходимо в первую очередь рассмотреть ее базовые понятия в оригинальной трактовке применительно к российской истории. Английский мыслитель интерпретировал «вызовы» как «си-

туацию особой сложности, которая побудила его (человека. — К. С.) предпринять беспрецедентную до того попытку» [16, с. 395]. Именно указанная «попытка», т. е. «ответ», приводит человека к новой стадии своего развития — цивилизации [Там же. С. 143—157].

На вопрос «Почему Россия должна была иметь „вызовы“ западной цивилизации в качестве первостепенной основы для своего дальнейшего развития?» у Тойнби можно найти следующий ответ: «Начиная с окончившейся неудачей второй осады турками Вены в 1683 г. вплоть до поражения Германии во Второй мировой войне 1939—1945 гг. Запад как целое настолько превзошел в своей власти весь остальной мир, что фактически не осталось никого, с кем западные державы могли бы считаться за пределами своего круга» [17, с. 197]. Иными словами, страны Западной Европы, начав осуществлять органичную модернизацию с XV—XVI вв., настолько преуспели в своем развитии, что смогли себе позволить в определенном смысле мессианскую роль, распространяя свой образец, свою модель траектории дальнейшего пути на более широкий круг цивилизаций традиционного типа.

При этом Тойнби выявил три «ответа» российской цивилизации на «вызов» Запада, связанный преимущественно с технологическими достижениями последнего:

1. Серьезное противодействие России, выразившееся в виде «фанатичной секты староверов».

2. «...Радикальное „иродианство“, нашедшее своего гениального представителя в Петре Великом».

3. «Позорный крах военных усилий России в Первой мировой войне 1914—1918 гг. выявил страшную реальность, показав, что проводившаяся в течение более двух веков Петровская политика вестернизации оказалась не только нерусской, но также и безуспешной. Она не выполнила взятые на себя обязательства, и в этих обстоятельствах долго подавлявшаяся претензия на уникальность судьбы России вновь заявила о себе в коммунистической революции» [Там же. С. 203].

Существующие «вызовы» Тойнби классифицировал следующим образом:

- 1) стимул суровых стран,
- 2) стимул новой земли,
- 3) стимул ударов,

4) стимул давлений,

5) стимул ущемления.

Исходя из этой классификации, решающим типом «вызовов» для России к началу XVIII в. стал «стимул ударов». Одним из таких «стимулов» были войны, но только в том случае, когда «неожиданное сокрушительное поражение способно стимулировать побежденную сторону к приведению своих дел в порядок и подготовке победоносного ответа» [16, с. 398]. В данном случае с выводом Тойнби согласны и американские исследователи Э. Тоффлер и Х. Тоффлер: «Войны прошлого тянут к нам руки и меняют нашу сегодняшнюю жизнь. Потоки крови, пролитые сотни лет назад из-за причин, ныне забытых, сторевшие, разбитые, сожженные, посаженные на кол или разлетевшиеся в пыль тела, дети со вздутыми животами и палочками ручек и ножек — всё это формировало мир, в котором мы сегодня живем» [18, с. 28].

Если мы возьмем один из современных энциклопедических словарей — «Военный энциклопедический словарь», то увидим в нем следующее определение: «Война — это социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия» [3, с. 337]. Но в данном определении вскрывается только суть такого феномена, как война, за пределами этой дефиниции осталась оценка влияния войны на развитие истории человеческого общества.

Безусловно, следует согласиться с тем, что война на протяжении истории человечества была одним из средств разрешения конфликтов между противоборствующими сторонами, поэтому очень часто всемирную историю представляют как историю войн. Тем не менее интерпретации влияния войны на развитие общества пестрят своим разнообразием, но из них следует диалектический характер воздействия войн на формирование человечества. С одной стороны, война приносит массовые разрушения и гибель людей, но, с другой, она способствует путем разрешения противоречий дальнейшему становлению народов и цивилизаций. Как известно, технический прогресс и развитие науки в

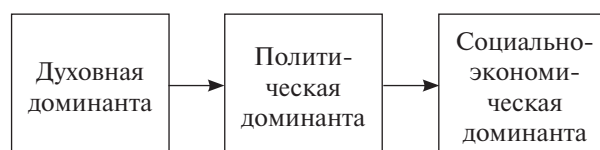
XX–XXI вв. часто имели в своей основе именно военный фактор. Разработки для военно-промышленного комплекса нередко становились приоритетными направлениями для выделения ассигнований из средств государственного бюджета многих стран, что часто переводило их в разряд локомотива для развития науки и техники. Но в этом факте нельзя видеть только отрицательные моменты, и здесь основным положительным свойством будет не только укрепление обороноспособности своего государства. Немаловажным эффектом для развития общества обладают и конверсионные процессы.

Исходя из данных рассуждений, можно сделать вывод, что именно войны, которые вело Российское государство с крупнейшими державами Запада, стали основным «вызовом» для модернизационных процессов в России в XVIII–XX вв. При этом немаловажное значение имели масштабность и результат этих военных конфликтов. Если война носила локальный характер и/или заканчивалась победой русских войск, то она не обладала положительным эффектом для инициирования/продолжения российской модернизации. Иное дело, когда война распространялась на крупный регион или, более того, приобретала континентальный или мировой масштаб и завершалась серьезным поражением России, – в этом случае модернизационные процессы в Российском государстве получали начальный/очередной импульс для своей реализации. Подобная формулировка последней мысли вполне оправданна, так как российская модернизация имела в качестве своего источника именно правящую элиту, которая в данном случае и являлась основным актором ее осуществления. Этот вывод можно сделать, исходя из проведенного выше анализа стартовых условий в России, который позволил вывести положение о том, что в целом Российское государство вступило на путь модернизационных преобразований, имея для этого слабый потенциал.

Начало модернизационных процессов в Российском государстве следует отсчитывать от времени правления Петра I. Здесь нужно оговориться, что у исследователей перехода от традиционного общества к индустриальному нет единого мнения относительно его старта. И.В. Побережников провел первичный анализ различных мнений на этот счет и пришел к вы-

воду: точка отсчета российской модернизации лежит в интервале от XVI до рубежа XIX–XX вв. Главной причиной отсутствия единой точки зрения у исследователей является само понимание термина «модернизация» [12, с. 12]. В связи с тем, что нами была дана одна из самых широких дефиниций обозначенного выше концепта, начало модернизационных процессов необходимо отнести к началу XVIII в., когда основные черты Петровских преобразований уже более или менее оформились. Для периода от XVI до середины XVII в. идея начала модернизации в России была еще не так актуальна. Приведем свои рассуждения на этот счет.

В основе европейской модернизации лежали в первую очередь такие процессы, как промышленный переворот (с его трансформациями не только экономической сферы, но и социальной); Возрождение, Реформация и Просвещение, заложившие основы духовного перехода к новым ментальным установкам в мировоззрении человека западного типа, а также либерализация политических процессов, результатом которой явились основы формирования правового государства и гражданского общества. К концу XVII в. в Западной Европе произошел духовный переворот на основе: Ренессанса – эпохи, которая привела к обоснованию антропоцентризма и складыванию гуманистических ценностей; Реформации, положившей начало религиозному плюрализму, оформлению протестантизма с его особой этикой трудовых отношений и ростками секуляризации общественного сознания, а также Просвещения – периода установления рационализма, продолжившего тенденцию выведения из-под влияния церкви основных мировоззренческих принципов европейцев. Относительно же экономических трансформаций следует отметить, что даже в передовой экономической державе того времени – Англии – только создавались предпосылки для промышленного переворота, хотя именно в этой стране уже победила «славная революция», что стало основой для демократизации политического строя. Таким образом, западная модернизация имела следующий тренд:

Следует учесть, что эти процессы были хронологически не сильно разделены во временном интервале, коррелировали друг с другом и проходили естественным путем, когда политическая элита не была основополагающим фактором их проведения. В этом заключается ограниченность западного типа модернизации. Однако к концу XVII в. большая часть остальных европейских государств в отличие от Англии таким прорывом в модернизационном направлении не отличалась.

Исследователь В.Г. Федотова сформулировала выводы о влиянии Запада на остальной мир в модернизационном ключе следующим образом: «Неизбежен вопрос: заставлял ли Запад броситься остальной мир вдогонку, ломая привычный ход событий, болезненно ускоряя прогресс и для этого круша традиции, попирая парадигму мышления наций? Во многих случаях заставлял, и делал это самым насильственным образом, когда, например, войска колонизаторов покоряли столицы инков и индусов. Но в других случаях – в Пекине, Стамбуле – мощь государств была еще достаточно сильной, чтобы не допустить прямого военного насилия. Однако эти страны сопротивлялись уменьшению своего веса в мире, и с появлением такого соперника, как Запад, они могли сделать это, только ускорив свое развитие» [19, с. 38]. Примерно в такой же ситуации оказалась и Россия накануне начала процессов модернизации, только основной задачей для нее было не сохранение своих позиций, а увеличение влияния на международной арене. Опираясь на эти рассуждения, необходимо заключить, что в XVI и даже в середине XVII в. для России такие цели ставить было рано, да и Запад в то время еще не был готов к своей мессианской роли. Однако из всего вышесказанного следует, что Россия оказалась в числе стран, которые относились к государствам «второго эшелона» при развитии капиталистических отношений, поэтому для характеристики ее модернизационных процессов часто применяют термин «догоняющая модернизация», с чем мы полностью согласны.

Основные характеристики модернизации догоняющего типа достаточно четко сформулировала В.Г. Федотова: «Видя неожиданный подъем Запада, многие незападные страны также вступили на путь модернизации, взяв Запад за образец и стремясь догнать его. Среди них

была и Россия. Догоняющая модернизация отличалась от западной. Это был неорганически-мобилизационный тип развития, вовлекавший страны доиндустриального развития. У него был внешний источник – успешный пример Запада, воспринимавшийся как основание для решения внутренних задач преодоления отсталости и ускорения развития. Характер развития – догоняющий, неравномерный, имеющий циклический характер: возвраты назад и возвращение к модернизации. Механизм развития – мобилизация. Темпы развития – медленные. К культурным, духовным предпосылкам относится вера прозападных элит в прогресс, рассмотрение своих стран как отсталых. Образ будущего – вхождение в семью западных народов или приближение к Западу. На пути такой модернизации достигнуты существенные успехи, но вместе с тем процесс явился незавершенным» [Там же. С. 115].

В подтверждение рассуждений, изложенных выше, наметим общие исторические контуры тезиса о том, что именно масштабные и неудачные в плане результативности для России войны с Западом стали главным «вызовом» для процессов российской модернизации, и это следует определить как механизм ее реализации.

Первым иницирующим фактором российской модернизации стала Северная война. По своим масштабам и результатам она не должна была сыграть такую роль, так как являлась локальным конфликтом и Россия по ее итогам одержала одну из самых славных побед в своей истории. Однако начальный этап этой войны был крайне печальным опытом для Петра I, но в то же время показал необходимые ориентиры для развития Российского государства. Швеция к первой четверти XVIII в. «стала самой сильной страной Балтийского региона и Скандинавии и одной из великих держав Европы» [4, с. 338], в ней уже была осуществлена королевская Реформация, а реформы Густава II Адольфа явились образцом для многих преобразований Петра I.

Практически с самого начала российская модернизация приобрела неорганический характер, который выразился в асинхронности ее процессов в различных подсистемах жизнедеятельности общества [8, с. 46]. Наиболее значительным изменениям подверглась экономика как сфера, наиболее подготовленная к модерни-

зации. Налоговые реформы, развитие торговли и рост мануфактурного производства являются в данном случае весомыми доказательствами, но их не стоит переоценивать, так как речь идет лишь о начальном этапе становления рыночных отношений в Российском государстве. Аналогичный характер носили и изменения социальной сферы: здесь, в первую очередь, имеется в виду активизация процессов социальной мобильности за счет: а) введения нового принципа комплектования армии, который способствовал изменению сословной принадлежности определенного количества людей, подлежащих рекрутской повинности; б) изменения деятельности дворянского сословия, связанного с обязательной государственной службой; в) наконец, Табели о рангах, позволявшей менять социальный статус. Политические реформы Петра I не способствовали формированию правового государства и гражданского общества, а ментальные установки и быт оказались под влиянием модернизации преимущественно только у дворян, в то время как главные элементы духовного мира крестьянства и преобладающей доли представителей других сословий русского общества остались незатронутыми в этом плане. В итоге неорганичный характер модернизационных процессов обещал России сложный, длительный и противоречивый переход от традиционного общества к современному.

При преемниках Петра I в XVIII в. особенности российской модернизации сохраняли свое постоянство. Противостояние со Швецией 1700–1721 гг. не имело аналогов в плане масштабов и результативности для модернизационных процессов в этот период. Практически все военные конфликты послепетровского периода XVIII в. закончились для России положительным исходом, поэтому следует говорить о модернизационном импульсе Северной войны для изменений и реформ в Российском государстве вплоть до наполеоновских войн.

В авангарде модернизации по-прежнему находилась экономическая сфера: относительно быстрыми темпами продолжало развиваться мануфактурное производство, в котором повышался удельный вес вольнонаемного труда; ощутимые последствия имели меры российских монархов в отношении торговли; сельское хозяйство — основная отрасль экономики того времени — втягивалось в рыночные отношения.

Однако эти тенденции, как и социальная сфера, на пути перехода к индустриальному обществу сдерживались наличием в России крепостного права. Процессы социальной мобильности, и без того слабые в первой четверти XVIII в., замедлили темпы своего развития при преемниках Петра I, но в данный период немного повысился уровень урбанизации [10, с. 129–131].

Политический строй Российского государства характеризовался как абсолютная монархия, и в данном случае не важно какого типа — полицейская или просвещенная. Отмечаемые историками черты правового государства при Екатерине II [6, с. 457] очень далеки от современных трактовок этого термина. Указанные выше ментальные установки русского населения и в этот период не претерпели никаких существенных изменений. Таким образом, в XVIII в. при преемниках Петра I процессы российской модернизации шли под воздействием Северной войны, но они утратили динамику своего развития.

В начале XIX в. Запад повлиял на российский переход от аграрного общества к индустриальному через наполеоновские войны, и прежде всего через Отечественную войну 1812 г. Масштабность данных военных конфликтов переросла узкорегionalные рамки, распространившись практически на весь европейский континент. Боевые действия в ходе кампании 1812 г. характеризовались двойственным образом: наступление французских войск до Москвы и их отступление в рамках второго этапа войны, что не может не вызывать аналогию с Северной войной. Однако Россия к этому моменту уже имела определенный модернизаторский опыт, поэтому модернизация Российского государства в первой половине XIX в. носила не столь радикальный и насильственный характер, как при Петре I. Здесь следует отметить еще одну оформившуюся тенденцию: активизация общественного движения препятствовала модернизационным преобразованиям, так как заставляла российских монархов переходить к более консервативному курсу.

Наиболее важными событиями экономической модернизации стали денежная реформа Е.Ф. Канкрин, свидетельствующая об относительно квалифицированном регулировании денежного обращения в России, и начало промышленного переворота и строительства

железных дорог в 1830–1840-х гг. Но, как и в предыдущий период, процессы экономической модернизации сдерживались наличием крепостного права, теперь уже преимущественно у крестьян, хотя первые шаги к его отмене были сделаны. По-прежнему незначительными темпами повышался уровень урбанизации [10, с. 129–130]. В политическом плане слабые либеральные начинания Александра I были сведены на нет консервативностью второго периода его царствования и реакционностью режима правления Николая I. Однако кодификация русского права, проведенная в 30-х гг. XIX в., продолжила тенденцию становления правового государства, намеченную в царствование Екатерины II. Существенных подвижек в ментальности большинства русского населения в этот период не произошло.

Модернизация второй половины XIX в. имеет более динамичный характер, что связано с большим приближением Крымской войны к указанным выше характеристикам: региональный масштаб боевых действий со значительным участием Великобритании и Франции и общее итоговое поражение России. Главным результатом для процессов российской модернизации в целом, и в социальной сфере в первую очередь, стала отмена крепостного права. Эта реформа, а также преобразования либеральной направленности 1860–1870-х гг. существенно увеличили темпы повышения уровня социальной мобильности и урбанизации. Создание рынка свободной рабочей силы, ускоренное завершение крестьянской реформы в 1880-х гг., а также деятельность М.Х. Рейтерна, Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте на посту министра финансов стали основой для окончания промышленного переворота. Для Российской империи 90-е гг. XIX столетия ознаменовались промышленным подъемом и значительным повышением уровня урбанизации. В политическом плане была продолжена тенденция на сохранение основ абсолютной монархии с частичным вкраплением элементов правового государства и гражданского общества. Духовная модернизация оставалась в зачаточном состоянии и касалась преимущественно высших слоев населения.

В начале XX в. основным фактором, обусловившим продолжение российской модернизации, стала Русско-японская война 1904–1905 гг.

Характер этой войны необходимо определить как локальный, результат для России – тяжелое, позорное поражение. Японию к тому моменту по итогам «реставрации Мэйдзи» необходимо причислить к странам Запада. Этот военный конфликт определяется современными историками как одна из причин Первой русской революции 1905–1907 гг. Главным политическим результатом последней является складывание в России дуалистической монархии – промежуточного варианта на пути перехода от абсолютизма к конституционализму. Таким образом, в Российской империи получила свое развитие политическая модернизация.

Экономический переход от аграрного общества к индустриальному, до этого момента являвшийся локомотивом модернизационных процессов, замедлил темпы своего развития, о чем свидетельствуют спад и депрессия 1901–1909 гг., однако в предвоенный период экономика России продолжила поступательное движение на волне экономического подъема 1909–1914 гг. Такой же противоречивый характер носила и социальная модернизация, характеризовавшаяся повышением уровня социальной мобильности, но относительно вялыми темпами урбанизации. Духовный переход Российской империи от традиционного общества к современному по-прежнему находился в зачаточном состоянии, о чем свидетельствует сохранение большинством русского населения основных ментальных установок, присущих традиционным обществам.

Пожалуй, самое большое влияние на процессы российской модернизации оказала Первая мировая война 1914–1918 гг. Последовавшие за ней революционные события 1917 г. повлекли за собой масштабные радикальные перемены в России, когда был предпринят беспрецедентный в истории эксперимент по созданию идеократического государства. Однако советский авторитарно-тоталитарный режим был очень далек от характерных черт правового государства и гражданского общества. В экономике проведенная индустриализация в конечном итоге привела к необходимому результату: Советский Союз стал индустриальной страной, правда, только после Второй мировой войны 1939–1945 гг. Но сложившаяся административно-командная система явно не соответствовала принципам рыночной экономики.

Социальная модернизация в советский период получила свое законченное выражение, когда усилилась социальная мобильность, а уровень урбанизации стал достигать необходимых значений, однако эти процессы замедлялись под воздействием идеологических установок при помощи введения той же паспортной системы или института прописки, очень напоминающих элементы крепостного права. Традиционные установки крестьянского менталитета претерпели существенные изменения, но не в сторону складывания мультикультурализма, а в направлении установления коммунистической «квазирелигии». Иными словами, Первая мировая война стала настолько сильным «вызовом» для российской модернизации, что та в своем сопротивлении двинулась по отклоняющемуся пути.

Вторая мировая и холодная войны продолжили наметившиеся тенденции, их следует считать логическим продолжением Первой мировой в плане трансформаций, которые претерпела западная цивилизация в XX столетии. В этот период европоцентризм утратил свои ведущие позиции, и часто делающиеся прогнозы относительно мировых международных отношений гласят, что Запад может потерять свою гегемонию в мире. Это приведет к исчезновению идеи единственного образца, примера при выборе альтернативы дальнейшего пути

для незападных стран в плане проведения модернизации.

Таким образом, можно выделить следующие особенности российской модернизации:

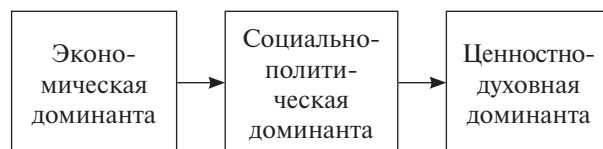
1. Российское государство имело слабый потенциал для модернизаторских усилий.

2. В связи с относительно поздним началом переход России от традиционного общества к современному относится к догоняющему типу.

3. Главным актором российской модернизации является политическая элита.

4. Насильственный характер перехода России от аграрного общества к индустриальному обусловил его неорганичный характер, связанный с асинхронностью процессов в различных сферах жизнедеятельности общества.

5. Общий тренд российской модернизации существенно отличался от западного и имел следующий вид:

6. Основным фактором, инициировавшим и продолжавшим модернизационные процессы, своеобразным «вызовом» Запада к российской (славянской) цивилизации были войны, которые Россия вела с западными странами и которые закончились для нее поражением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев В.В.** Вступление // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2015. С. 7–10.

2. **Апресян Р.Г.** Смыслы социально-политической консолидации в современной России // Консолидация и модернизация России. М., 2014. С. 115–133.

3. **Военный** энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 1. М., 2001. 848 с.

4. **История** Средних веков. В 2 т. Т. 2. Раннее новое время: учеб. / под ред. С.П. Карпова. 5-е изд. М., 2005. 432 с.

5. **Калхун К.** Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал. URL: <http://www.inop.ru/reading/page68/> (дата обращения: 27.03.2016).

6. **Каменский А.Б.** От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. 575 с.

7. **Кожевникова Л.М.** Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // Истори-

ческие, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 85–90.

8. **Красильщиков В.А.** Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40–56.

9. **Медведев Д.** Россия, вперед! 10 сентября 2009 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (дата обращения: 27.03.2016).

10. **Миронов Б.Н.** Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. 548 с.

11. **Модернизация** России и Европа: стенограмма «круглого стола». URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (дата обращения: 27.03.2016).

12. **Побережников И.В.** Человеческий потенциал российской имперской модернизации // Человек в условиях модернизации XIX–XX вв.: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2015. С. 11–16.

13. **Поршнева О.С.** Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918). Екатеринбург, 2000. 416 с.

14. **Российская модернизация: проблемы и перспективы: матер. «круглого стола» // Вопросы философии.** 1993. № 7. С. 3–39.

15. **Тимошина Т.М.** Экономическая история России: учеб. пособие. М., 2001. 432 с.

16. **Тойнби А.Дж.** Исследование истории. В 3 т. Т. 1. СПб., 2006. 408 с.

17. **Тойнби А.Дж.** Исследование истории. В 3 т. Т. 3. СПб., 2006. 479 с.

18. **Тоффлер Э., Тоффлер Х.** Война и антивоенна: что такое война и как с ней бороться на рассвете XXI века. М., 2005. 412 с.

19. **Федотова В.Г.** Модернизация и культура. М., 2016. 336 с.

САМОХИН Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного технического университета.

Россия, 392000, Тамбов, ул. Советская, 106

e-mail: kon-sam@yandex.ru

K. V. Samokhin

MODERNIZATION IN RUSSIAN HISTORY OF XVIII–XX CENTURIES: STARTING CONDITIONS, REALIZATION MECHANISM AND DISPLAY PECULIARITIES

The characteristic features of Russian modernization variant are highlighted in the paper. The principal originality of author's approach consists in war's interpretation as Russian modernization factor. The theory of modernization was the basis of methodology. It was classically defined as the transition from the traditional society to modern one, from the agrarian society to industrial one. Such interpretation allows studying Russian state transformations of XVIII–XX centuries in all spheres of society activities. The prolonged and problematic character of modernization processes is defined in comparison with the organic model of modernization transforms. That character was connected with the non-simultaneity of those processes. Special attention is paid to the absence of start conditions satisfactory forming for carrying out of modernization processes; to the overtaking model which was realized through "challenges" of the West to the Russian (Slavic) civilization; to political elite's paramount importance for carrying out of modernization reforms; to the non-wholeness, i. e. the non-simultaneity of modernization transforms in the direction from economic sphere through the social and political one to the spiritual one. Materials of the paper can be used for effectiveness assessment of present reforms and for the new strategy of the Russian Federation political development formation.

RUSSIAN MODERNIZATION; WAR; MECHANISM; CATCH-UP MODERNISATION; NON-WHOLENESS; STARTING CONDITIONS; DISPLAY PECULIARITIES.

REFERENCES

1. Alekseyev V.V. [The Introduction]. *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII–XX vv.* [A man in modernization conditions of XVIII–XX centuries: collected scientific papers]. Yekaterinburg, 2015. Pp. 7–10. (In Russ.)
2. Apresyan R.G. [Essences of social and political consolidation in contemporary Russia]. *Konsolidatsiya i modernizatsiya Rossii* [Consolidation and modernization of Russia]. Moscow, 2014. Pp. 115–133. (In Russ.)
3. *Voyennyi entsiklopedicheskiy slovar'* [The war encyclopedic dictionary]. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, 2001. 848 p. (In Russ.)
4. *Istoriya Srednikh vekov* [A History of Middle Ages]. In 2 vol. Of vol. 2. Raneye novoye vremya [The early modern history]. Textbook. Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.)
5. Kalkhun K. [Theory of modernization and globalization: who and why developed them]. Available at: <http://www.inop.ru/reading/page68/> (accessed 27.03.2016).
6. Kamenskiy A.B. *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of the XVIIIth century (the practice of whole analyses)]. Moscow, 2001. 575 p. (In Russ.)
7. Kozhevnikova L.M. [The role of peasantry commune in the agrarian history and fortune of Russia]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2011, no. 7 (13), vol. 3, pp. 85–90. (In Russ.)
8. Krasilshchikov V.A. [Modernization and Russia on the threshold of the XXI century]. *Issues of Philosophy*, 1993, no. 7, pp. 40–56. (In Russ.)
9. Medvedev D. [Russia, go!]. The 10th of September 2009. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (accessed 27.03.2016).
10. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [A social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century)]. In 2 vol. Of vol. 1. St. Petersburg, 2000. 548 p. (In Russ.)
11. [The modernization of Russia and Europe (The stenogramma of round table discussion)]. Available at: http://www.zlev.ru/41_40.htm (accessed 27.03.2016).
12. Poberezhnikov I.V. [The human potential of the Russian empire modernization]. *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XIX–XX vv.* [A man in modernization conditions of XVIII–XX centuries: collected scientific papers]. Yekaterinburg, 2015. Pp. 11–16. (In Russ.)
13. Porshneva O.S. *Mentalitet i sotsial'noye povedeniye rabochikh, krestyan i soldat Rossii v period Pervoy mirovoy voyny (1914 – mart 1918)* [The mentality and the social behavior of Russian workers, peasants and soldiers during the period of the First World War (1914 – March of 1918)]. Yekaterinburg, 2000. 416 p. (In Russ.)
14. [The Russian modernization: problems and perspectives. Proc. of a round table discussion]. *Issues of Philosophy*, 1993, no. 7, pp. 3–39. (In Russ.)
15. Timoshina T.M. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii* [An economic history of Russia]. Textbook. Moscow, 2001. 432 p. (In Russ.)
16. Toynbi A.Dzh. *Issledovaniye istorii* [A Study of History]. In 3 vol. Of vol. 1. St. Petersburg, 2006. 408 p. (In Russ.)
17. Toynbi A.Dzh. *Issledovaniye istorii* [A Study of History]. In 3 vol. Of vol. 3. St. Petersburg, 2006. 479 p. (In Russ.)
18. Toffler E., Toffler Kh. *Voyna i protivoyuna: chto takoye voyna i kak s ney borotsya na rassvete XXI veka* [War and anti-war. Survival at the Dawn of the XXI Century]. Moscow, 2005. 412 p. (In Russ.)
19. Fedotova V.G. *Modernizatsiya i kul'tura* [Modernization and Culture]. Moscow, 2016. 336 p. (In Russ.)

SAMOKHIN Konstantin V. – Tambov State Technical University.

Sovetskaya ul., 106, Tambov, 392000, Russia

e-mail: kon-sam@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.251.10
УДК 304.9

А.И. Желнин

ИДЕЯ «БИОЛОГИЧЕСКОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ» ЧЕЛОВЕКА КАК ФУНДАМЕНТ ТРАНСГУМАНИЗМА И ЕЕ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена критике идеи «биологической недостаточности» человека в трансгуманизме. Актуальность темы обусловлена значимостью биологической стороны в понимании человеческой сущности и перспектив ее развития. Основной методологией исследования выступил диалектический подход, позволяющий представить сущность человека как глубокое единство социального и биологического, которое находится в процессе коэволюционного развития. Автор статьи обращается к ряду конкретных подходов в антропологии и биологии человека с целью более комплексного анализа. Показано, что трансгуманизм радикализирует реальные лимиты человеческой биологии для обоснования необходимости ее фундаментального «улучшения». Последняя связывается в нем либо с прямым внедрением технологий в человеческий организм, либо с трансформацией генетического аппарата. Критика идеи заключается в том, что научные данные демонстрируют только относительный характер «недостаточности» биологии человека, следовательно, она может быть скомпенсирована дальнейшим прогрессом медицины, ее переходом в персонализированную форму. Это делает трансгуманистический подход к биологии человека избыточным. Результаты исследования могут быть использованы в анализе альтернативных сценариев развития человека и его биологии, прогнозировании данного процесса.

БИОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА; БИОЛОГИЧЕСКАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ; ТРАНСГУМАНИЗМ; УЛУЧШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА; АДАПТАЦИЯ; ГОМЕОСТАЗ; АУТОПОЭЗИС.

На современном этапе прогресс вызывает целый ряд амбивалентных феноменов. Один из них можно обозначить как социально-биологический кризис [1], заключающийся в обострении противоречия между социальным и биологическим измерениями в человеке. Оно состоит в том, что общественное развитие во многом начинает протекать в ущерб человеческой биологии, а это приводит к нарушению гомеостатических механизмов разных уровней и наступлению состояния общей дезадаптации. Один из вариантов разрешения кризиса опирается на трансгуманизм. Представители этого направления признают глобальный масштаб кризиса и порождаемых им рисков,

но вместе с тем отвергают консервацию или торможение научно-технического прогресса. *Главным препятствием к преодолению кризиса, с их точки зрения, напротив, являются ограниченность и слабость самого человека.* Как будет показано далее, трансгуманизм во многом имплицитно использует идею «биологической недостаточности» человека, которой в свое время придерживались А. Гелен, Х. Плеснер, К. Лоренц [2]. Поэтому стратегия разрешения кризиса, с точки зрения трансгуманистов, заключается в искусственном расширении возможностей человеческого организма, являющемся своеобразной компенсацией данной недостаточности.

В ходе интенсивного научно-технического прогресса человек всё более активно задействует свои органические способности. Прогресс последовательно «вооружает человека самыми разнообразными техническими средствами, бесконечно „усиливающими” естественные органы человеческого тела, а подчас и создающими новые подвижные функциональные системы или „функциональные органы”, т. е. орудия в самом широком смысле слова» [3, с. 19]. Однако, с точки зрения трансгуманистов, путь экзогенных технологий оказывается недостаточным. Они требуют форсированных мер, которые не сводятся к созданию более совершенной «внешней» техники, а предполагают уже прямое внедрение технологий в человеческое тело, сращивание их между собой. Результатом должно стать то, что определяется как «human enhancement», т. е. улучшение человеческой природы.

Данная позиция вызывает критическую реакцию (Ю. Хабермас, Ф. Фукуяма, М. Миджли). Она заключается в страхе перед всемогуществом технологий в деле «исправления» человеческой природы, превращением последней в «полигон для самых разнообразных манипуляций и модификаций» и возникновением фигуры «трансчеловека» [4].

Трансгуманисты же, объявляя своих оппонентов алармистами и биоконсерваторами, полагают, что их собственная позиция отнюдь не противоречит принципам гуманизма, а, наоборот, является их органичным следствием, так как позволяет научными методами увеличить продолжительность жизни, искоренить болезни и расширить физические и интеллектуальные возможности. Полагаем, что данный спор имеет интенцию перевода вопроса об искусственном улучшении человеческого организма в исключительно этическую плоскость, а это лишит его онтологической составляющей. Вместе с тем последняя в качестве проблемы самих перспектив и путей улучшения биологии человека первична.

Действительно, стоит признать, что прогресс сопряжен с возрастающим инструментальным вмешательством в человеческую биологию. В этом контексте идеи трансгуманистов, например идея о широком распространении биопротезирования, являются закономерным результатом данной тенденции. Новые бионические технологии, позволяющие создавать ис-

кусственные протезы и имплантаты и вживлять их после ампутации, повреждения или нарушения функционирования естественных органов [5], трудно упрекнуть в неэтичности. Но если в традиционной медицинской практике цель вмешательств ограничена восстановлением и приведением к имеющейся норме, то, с точки зрения трансгуманистов, целью медицины должно стать радикальное расширение адаптационных возможностей человека, т. е. видоизменение самой нормы.

Например, Н. Бостром полагает, что остовом для этого должен стать комплекс манипуляций с наследственным аппаратом [6]. Такой подход оправдывает себя тем, что геном выступает носителем задатков всех качеств человека, и положительных, и отрицательных. Использование генетической инженерии предполагается как в борьбе с наследственными заболеваниями (и в пределе с наследственными предрасположенностями привычных заболеваний), так и для попыток целенаправленно улучшить определенные способности (по крайней мере, в случае их недоразвитости). Вышеупомянутые технологии протезирования также начинают обретать свой генетический фундамент, когда органы, подлежащие трансплантации, всё чаще не конструируются из искусственных материалов, а выращиваются из плюрипотентных «стволовых» клеток путем программирования пути их развития. Предполагается, что процесс старения тоже закодирован в ряде генов, которые можно «выключить» и продлить время жизни.

Такая парадигма сведения искусственного вмешательства в человеческую биологию к генетической основе, будучи безупречной логически, в реальности наталкивается на труднопреодолимые препятствия. В первую очередь они связаны с огромной сложностью принципов работы генома. С точки зрения современной науки полагать, что он функционирует автономно по принципу «один ген — один признак», в корне ошибочно. Такие феномены, как плейотропность (влияние одного гена на несколько признаков), мультигенность (влияние нескольких генов на один признак), эпистаз (влияние других генов на влияние гена на признак), многократно усложняют выявление наследственной основы признака и ограничивают возможность инструментального воздействия на нее. Ввиду того что геном как система дей-

ствуется по принципу «всё во всём», возможность видоизменить определенный ген «изолированно», с гарантией того, что это не затронет функционирование других, минимальна.

Однозначной корреляции между генотипом и фенотипом в принципе не существует: действие генотипа переплетено со средой как его «эпигенетическим ландшафтом», под действием которого активность генов может включаться и выключаться. Современная эпигенетика показывает, что огромное количество изменений в человеческой ДНК, в том числе при разнообразных болезнях, связаны не с изменением самой «буквенной» последовательности нуклеотидов в генах, а с изменением их функциональной экспрессии [7]. Генетика и среда находятся в постоянном процессе диалектической интеракции, порождая реальную биологическую индивидуальность. *Дилемма «наследственность или среда» (nature/nurture, heredity/environment) ввиду своей дихотомичности должна быть отвергнута* [8, с. 267–268]. Наконец, что касается собственно социальных качеств, то генетический материал не кодирует их, а задает только способность к их дальнейшему формированию. Следовательно, попытки исправления социальных качеств генетическим путем будут являться сугубо редуccionистскими и не приведут к успеху.

Таким образом, можно заключить, что ставка трансгуманистов на буквальное преобразование человеческой природы в целом обнаруживает принципиальные ограничения, связанные с самими материальными законами. Однако возникает и другой вопрос: насколько такое фундаментальное преобразование в принципе необходимо, не является ли оно избыточным? Повторимся, аргументация трансгуманистов по сути строится на старой идее, сформулированной, в частности, А. Геленом. Определение человека как «неспециализированного существа» приводит к выводу о его биологической «примитивности» и «недостаточности» [9, с. 174–175]. Трансгуманисты пытаются применить эту идею к современной ситуации, настаивая на том, что человек оказывается фатально неприспособленным к параметрам современного прогресса из-за его экспоненциального характера [10]. Человек в его рамках порождает «искусственную» (т. е. техногенную) среду жизни, в то время как его организм остается «естественным»

(природным), ввиду чего возникает противоречие: оно заключается в «несоответствии естественного по своей природе человека и им же созданных искусственных условий» [11, с. 76]. Об этом, например, свидетельствуют данные, что техновещество по годовым оборотам массы превосходит биовещество суши на 1-2 порядка, а энергетические мощности технопроцессов уже сравнялись с природными [12].

Преодоление этого противоречия видится в приведении человека в такую же искусственную форму: «Между искусственным в своей сущности человеком и искусственной в своей сущности средой никакого противоречия нет... Человек встанет — а он уже встанет — на путь не просто самопорождения, но на путь самоконструирования, самотворения, „автопоэзии“... Искусственное для искусственного — „естественно“» [11, с. 76–77]. Однако оппозиция «естественное — искусственное» кажется опять же дихотомизированной трансгуманизмом: рост техносферы не означает, что она может когда-нибудь полностью заменить собой биосферу (это означало бы фатальную деформацию среды). С другой стороны, спорен тезис о полной «природности» человеческого организма: биология человека окончательно оформилась в ходе антропогенеза и несет на себе неизбывный отпечаток общественного образа жизни, «заточена» под сверхприродный производящий способ существования.

Ответ на вопрос о наличии «биологической недостаточности» человека и степени ее выраженности далеко не однозначен. Человеческая биология лимитирована во многих аспектах: она конечна во времени, сравнительно быстро оказывается подвержена процессам старения, ее регенеративные возможности существенно ограничены. Гомеостатические системы организма (нервная, гуморальная, иммунная) чувствительны к сбоям в своей регуляции, что ведет к многочисленным эндокринным, аутоиммунным, аллергическим и метаболическим патологиям. Несовершенны механизмы противостояния мутагенезу и канцерогенезу. Особняком стоит проблема стресса: являясь неспецифическим ответом организма, он в случае своей хронизации индуцирует избыточную выработку стрессовых гормонов, которые начинают избирательно повреждать различные органы и ткани. Наконец, целый комплекс

условий современной жизни создает основу для масштабного распространения неврозов, депрессий и прочих психических заболеваний. Последние ввиду центральной роли мозга в обеспечении гомеостаза приводят к каскаду сбоев в прочих системах организма, общему перерождению гомеостаза в свой дефектный вариант – аллостаз [13].

Приведенные факты свидетельствуют о биологических лимитах человека. Однако ограничения существуют всегда и во всем. Особенно это характерно для биосистем, так как адаптация по своей сути есть поддержание параметров организма в рамках некоторого допустимого диапазона: «„Адаптивное” поведение эквивалентно поведению стабильной системы, область стабильности которой совпадает с той областью фазового пространства, в которой все существенные переменные не выходят из пределов нормы» [14, с. 106]. Необходимо ответить на другой вопрос: хватает ли факта этих лимитов для обоснования идеи «недостаточности», т. е. являются ли они фатальными дефектами? Есть все основания ответить отрицательно. Во-первых, они во многом обусловлены фундаментальными законами функционирования живого как такового, которые, в свою очередь, обусловлены более общими законами физики и химии (например, началами термодинамики). Во-вторых, многие лимиты в человеке скомпенсированы: наряду с «недостаточностью» имеет место и феномен «избыточности» генома, мозга и ряда других органов [15]. Он заключается в том, что неспособность данных систем к полной регенерации компенсируется избытком числа их элементов, намного превосходящим их минимум, необходимый для нормального функционирования. Открыт также феномен нейропластичности, который показывает, что в нервной системе действуют постоянные компенсаторные механизмы, изменяющие мозг не только функционально, но и структурно [16].

Это особенно значимо для современной ситуации: технологическая и информационная экспансия превращает психику и ЦНС как ее физиологическую основу в главный объект нагрузок. Данный феномен, обеспечивая гибкость и лабильность их функционирования, обеспечивает и то, что психика, будучи способной к выработке реактивного ответа в широком

диапазоне, не может утратить способность к адаптации полностью.

Всё это может свидетельствовать о том, что «биологическая недостаточность» человека является относительной, а не абсолютной по своему характеру. Фундаментально она связана не столько с ограничениями, накладываемыми законами природы, сколько с самой социальностью человека: чрезмерная развитость его биологической стороны означала бы специализацию, которая закрывала бы переход к сверхприродному производящему образу жизни.

Относительный характер недостаточности, проистекающий из оптимальности, а не из чрезмерной развитости биологической стороны человека, делает трансгуманистическую интенцию к ее коренному преобразованию избыточной. Вместе с тем это не отменяет вмешательства в нее в принципе. *Прогресс медицины как науки и социального института основан именно на постоянном росте масштабов данного вмешательства. Однако цель этого — не коренная трансформация, а более глубокое познание для всё более эффективного лечения болезней и приведения к норме.*

Современный прогресс медицины представлен формированием целого ряда новых отраслей: геномики, протеомики, биоинформатики и т. д. Однако он выходит далеко за их рамки: происходит коренная смена самого формата функционирования медицины и здравоохранения, когда «„реактивная” медицина (реагирующая на болезнь и борющаяся с симптомами) должна превратиться в медицину предикативную, превентивную, персонафицированную и партисипаторную (медицину участия), т. е. в медицину, направленную на предсказание болезни до ее симптоматического проявления, предупреждающую болезнь» [17, с. 18–19].

Этот переход предполагает форсированное внедрение в медицину систем прогнозирования и планирования. Они позволят установить и реализовать оптимальные нагрузки на биологию человека. Так, на современном этапе, информация ввиду экспоненциального роста своих объемов и скоростей передачи способна, несмотря на указанный феномен пластичности, нарушать психофизиологические адаптивные диапазоны, формируя в результате новый вид стресса — «инфостресс» [18]. Предотвраща-

шение массового распространения последнего путем установления параметров оптимального восприятия – задача такой новой отрасли, как информационная экология [19]. Именно стратегия внедрения прогнозирования и планирования должна стать магистралью разумного управления человеком своей биологией.

Прогресс медицины, ее переход к превентивным, предиктивным, профилактическим, персонифицированным формам и будет выражать собой углубление гуманизма. Фундаментальная трансформация биологии и становление постчеловека оказываются одновременно онто-

логически невозможными и антропологически избыточными. Социальное и биологическое как его фундамент настолько сильно слиты и взаимопереплетены в человеке, что значительная перестройка или тем более элиминация биологического начала невозможна без фатальной деформации социального как такового. Прогресс же медицины в деле разработки всё более совершенных путей восстановления и поддержания человеческого организма, искоренения болезней и продления жизни будет являться процессом реального автопоэзиса человека как производства им самого себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Желнин А.И.** Современный социально-биологический кризис: конкретные тенденции и общие механизмы // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 6-2 (45). С. 368–374.
2. **Захарова Е.В.** Недостаточность человека: антропологический разворот проблемы // Вестн. Томского гос. ун-та. 2011. № 342. С. 50–56.
3. **Ананьев Б.Г.** Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
4. **Юдин Б.Г.** Сотворение трансчеловека // Вестн. Рос. акад. наук. 2007. Т. 77. № 6. С. 520–527.
5. **Хенч Л., Джонс Д.** Биоматериалы, искусственные органы и инжиниринг тканей. М.: Техносфера, 2007. 301 с.
6. **Bostrom N.** Human genetic enhancements: a transhumanist perspective // The Journal of Value Inquiry. 2003. Vol. 37. No. 4. Pp. 493–506.
7. **Egger G. et al.** Epigenetics in human disease and prospects for epigenetic therapy // Nature. 2004. Vol. 429. No. 6990. Pp. 457–463.
8. **Lewontin R.C. et al.** Not in our genes: Biology, ideology and human nature. N. Y.: Pantheon Books, 1984. 322 p.
9. **Гелен А.** О систематике в антропологии // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс. 1988. 552 с.
10. **Kurzweil R.** The singularity is near: When humans transcend biology. N. Y.: Pantheon Books, 2006. 652 p.
11. **Павленко А.Н.** «Экологический кризис» как псевдопроблема // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 66–79.
12. **Баландин Р.К.** Ноосфера или техносфера // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 107–116.
13. **McEwen B.S.** Physiology and neurobiology of stress and adaptation: central role of the brain // Physiological reviews. 2007. Т. 87. № 3. С. 873–904.
14. **Эшби У.Р.** Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения. М.: Иностранная лит., 1962. 399 с.
15. **Хайтун С.Д.** Феномен «избыточности» мозга, генома и других развитых органических и социальных структур // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 85–96.
16. **Draganski B. et al.** Neuroplasticity: changes in grey matter induced by training // Nature. 2004. Vol. 427. No. 6972. Pp. 311–312.
17. **Степанов В.А.** Геномы, популяции, болезни: этническая геномика и персонифицированная медицина // Acta Naturae (русскоязычная версия). 2010. Т. 2. № 4. С. 18–34.
18. **Klingberg T.** The Overflowing Brain: Information Overload and the Limits of Working Memory. Oxford University Press, USA, 2008. 224 p.
19. **Babik W.** Sustainable development of information society: towards an ecology of information // Geomatics and Environmental Engineering. 2008. Vol. 2. No. 1. Pp. 13–24.

ЖЕЛНИН Антон Игоревич — старший преподаватель Пермского государственного национально-исследовательского университета.

Россия, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: zhelnin90@yandex.ru

A.I. Zhelnin

THE CONCEPT OF HUMAN "BIOLOGICAL INSUFFICIENCY" AS FUNDAMENT OF TRANSHUMANISM AND ITS CRITICAL ANALYSIS

This article is a criticism of the idea of human "biological insufficiency" in transhumanism. The relevance is caused by the significance of the biological side into understanding of human nature and its development prospects. The basic methodology of research is dialectical approach, which allows to present the essence of human as a profound unity of the social and the biological that exist in the process of co-evolutionary development. There is also the use of several specific approaches in anthropology and human biology for more complex analysis. It is shown that transhumanism radicalizes real limits of human biology to justify the necessity of its fundamental "enhancement". Transhumanism connects it with direct intervention of technologies in human body or with transformation of the genetic apparatus. Criticism of the idea consists in that scientific facts demonstrate only relative character of "insufficiency" of human biology. Consequently, it can be compensated by further progress of medicine, its transition to personalized form. It makes transhumanist approach to human biology overabundant. The results can be applied to the analysis of alternative scenarios of development of human and its biology, the prognostication of this process.

HUMAN BIOLOGY; BIOLOGICAL INSUFFICIENCY; TRANSHUMANISM; HUMAN ENHANCEMENT; ADAPTATION; HOMEOSTASIS; AUTOPOESIS.

REFERENCES

1. Zhelnin A.I. [Contemporary socio-biological crisis: specific trends and general mechanisms]. *European Social Science Journal*, 2014, no. 6-2 (45), pp. 368–374. (In Russ.)
2. Zakharova Ye.V. [Human insufficiency: anthropological spread of problem]. *Herald of Tomsk State University*, 2011, no. 342, pp. 50–56. (In Russ.)
3. Ananyev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Human as subject of cognition]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 288 p. (In Russ.)
4. Yudin B.G. [Creation of transhuman]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2007, vol. 77, no. 6, pp. 520–527. (In Russ.)
5. Khench L., Dzhons D. *Biomaterialy, iskusstvennyye organy i inzhiniring tkaney* [Biomaterials, artificial organs and engineering of tissues]. Moscow, Tekhnosfera Publ., 2007. 301 p. (In Russ.)
6. Bostrom N. Human genetic enhancements: a transhumanist perspective. *The Journal of Value Inquiry*, 2003, vol. 37, no. 4, pp. 493–506.
7. Egger G. et al. Epigenetics in human disease and prospects for epigenetic therapy. *Nature*, 2004, vol. 429, no. 6990, pp. 457–463.
8. Lewontin R.C. et al. Not in our genes: Biology, ideology, and human nature. New York, 1984. 322 p.
9. Gelen A. [On systematics in anthropology]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [Problem of human in Western Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1988. 552 p. (In Russ.)
10. Kurzweil R. The singularity is near: When humans transcend biology. New York, 2006. 652 p.
11. Pavlenko A.N. [Ecological crisis as pseudo-problem]. *Russian Studies in Philosophy*, 2002, vol. 7, pp. 66–79. (In Russ.)
12. Balandin R.K. [Noosphere or technosphere]. *Russian Studies in Philosophy*, 2005, no. 6, pp. 107–116. (In Russ.)
13. McEwen B.S. Physiology and neurobiology of stress and adaptation: central role of the brain. *Physiological reviews*, 2007, vol. 87, no. 3, pp. 873–904.
14. Eshbi U.R. *Konstruktsiya mozga. Proiskhozhdeniye adaptivnogo povedeniya* [Construction of brain. Origin of adaptive behavior]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1962. 399 p. (In Russ.)
15. Khaytun S.D. [Phenomenon of "superfluity" of brain, genome and other developed organic and social structures]. *Russian Studies in Philosophy*, 2003, no. 3, pp. 85–96. (In Russ.)
16. Draganski B. et al. Neuroplasticity: changes in grey matter induced by training. *Nature*, 2004, vol. 427, no. 6972, pp. 311–312.
17. Stepanov V.A. [Genomes, populations, diseases: ethnic genomics and personalized medicine]. *Acta Naturae*, 2010, vol. 2, no. 4, pp. 18–34. (In Russ.)
18. Klingberg T. *The Overflowing Brain: Information Overload and the Limits of Working Memory*. Oxford Univ. Press, 2008. 224 p.
19. Babik W. Sustainable development of information society: towards an ecology of information. *Geomatics and Environmental Engineering*, 2008, vol. 2, no. 1, pp. 13–24.

ZHELNIN Anton I. – *Perm State University.*

Ul. Bukireva, 15, Perm, 614113, Russia

e-mail: zhelnin90@yandex.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2016

DOI 10.5862/JHSS.251.11

УДК 1:316.37+11+101.1

О.Д. Шипунова, Л.В. Мурейко

КОГНИТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ В КОНСТРУИРОВАНИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Сценарии конструирования смысловых горизонтов массового сознания анализируются в социально-феноменологическом аспекте, который акцентирует совмещение культурной формы (в виде дискурса) и процесса генерации смыслов с учетом фактора времени. Показано, что онтологический сценарий конструирования массового сознания, определенный коммуникативной практикой, скрывает разные когнитивные модели темпоральности, мотивирующие поведение субъекта концептуально. Подчеркивается, что когнитивная ориентация массового сознания на уровне «здорового смысла» в рамках социального времени направляется формальной структурой дискурса, которая существует в интересубъективном пространстве и содержит смысловую матрицу в виде стереотипа. Восприятие стереотипа в экзистенциальном сценарии генерации смыслов подспудно содержит общекультурные и перцептивные когнитивные сценарии, регулирующие поведение и принятие решений, но на функциональном уровне человек их не различает.

СЦЕНАРИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЗНАНИЯ; ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ; ДИСКУРС; КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ.

Обращение к анализу сценариев конструирования сознания выявляет диаметрально противоположные позиции социального конструктивизма [1, 2] и феноменологии [3] в отношении детерминации горизонтов сознания внешними или внутренними факторами. Феноменологическая установка акцентирует в качестве конститутивного принципа сознания не социальную структуру, а некий смысловой каркас, определяющий изначальный горизонт сознания. Привлечение герменевтической методологии [4], выявляющей условия понимания в трансляции смыслов, позволяет выделить стратегическую линию совмещения этих установок в социально-феноменологическом анализе, ориентированном на более общую позицию конструктивизма, согласно которой социальное бытие существует лишь в актах придания ему смысла [5].

Задачи данной статьи связаны с выявлением специфики онтологического и экзистенциального сценариев конструирования смыслового поля массового сознания в социальной практике.

Принятая социально-феноменологическая установка предполагает совмещение внеперсональной знаково-символической культуры

как необходимого условия трансляции смыслов (в онтологическом сценарии конструирования сознания) с темпоральной когнитивной структурой ментального опыта, которая выступает необходимым условием процесса генерации смыслов (в экзистенциальном сценарии). В качестве компонентов такой структуры современная психология выделяет словесно-речевые, визуально-пространственные, чувственно-сенсорные, операционально-логические, мнемические, аттенционные схемы. Последние можно назвать мотивационными, поскольку они имеют отношение к распределению внимания. Те виды информации, для которых у нас нет схем, утверждает У. Найссер, мы вообще не воспринимаем [6, с. 105].

Семантическая многозначность, взаимобратимый перевод речевых и образных компонентов опыта образуют необходимое условие понимания на уровне здравого смысла, выражающего функциональную значимость массового (повседневного) сознания. В нормальном (естественном) состоянии человеческой психики неосознаваемая переработка информации осуществляется в автоматическом режиме и одновременно в системе трех основных мо-

дальностей ментального опыта: 1) через знак (словесно-речевой способ кодирования информации); 2) через образ (визуально-пространственный способ кодирования информации); 3) через чувственное впечатление (сенсорный способ кодирования информации). «Когда мы нечто понимаем, мы это словесно определяем, мысленно видим и чувствуем», — отмечает М.А. Холодная [7, с. 176].

Поведение человека связано с ограничениями, образующими некоторый особый континуум потенциальных внутренних состояний, которые воспринимаются как врожденные. Границы этого континуума образуют рамки когнитивного пространства, в котором разворачивается феноменальная экзистенциальная динамика. Ф. Кейл подчеркивает, что большинство когнитивных ограничений (в виде концептуальных положений, например) не могут быть врожденными, поскольку являются результатом интеракции [8]. Представление о сценариях организации ментального опыта соединяет три методологические установки когнитивной психологии: структурную (выделение устойчивых когнитивных структур), регуляционную (ментальное самоуправление), репрезентативную (соединение фактора знания — общего смысла и фактора репрезентации — личностного смысла).

Традиционные и современные сценарии конструирования массового сознания связаны с организацией ментального опыта в соответствии с трансперсональностью знаков, вызывающих когнитивную реакцию. Матрица ограничений, заложенная в когнитивном сценарии, определяет пространство выбора на разных уровнях организации ментального опыта. В когнитивной архитектуре выделяют три взаимосвязанных уровня организации: семантический (определенный критерием осведомленности), мотивационный (определенный символами цели) и структурный (физический, технологический, биологический). Восприятие, объяснение и понимание символа существенно зависят от мотива действий человека.

В когнитивной науке сценарий соотносится с разновидностью структуры сознания. Согласно М. Минскому, сценарий вырабатывается в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значе-

ний. Выделяются четыре уровня сценарной структуры, образующие рамки когнитивных ограничений: 1) синтаксический фрейм — указывает границы в построении осмысленных выражений; 2) семантический — значения слов, привязанных к действию, и отношения, связанные с участниками, инструментами, траекториями движения и стратегиями, целями, следствиями и попутными эффектами; 3) тематический — направляет сценарии, связанные с топиком, деятельностью, портретами, окружениями; 4) нарративный — указывает на скелетные формы типичных рассказов, объяснений и доказательств, позволяющие тому, кто воспринимает рассказ, сконструировать когнитивные границы тематического фрейма, включая модели темпоральности, в направлении изменения фокуса внимания, сведения о главных действующих лицах, форме сюжета, развитии действия [9, 10].

Рассмотрим обобщенные сценарии конструирования массового сознания, выделяя сценарии онтологического и экзистенциального плана в зависимости от вектора детерминации смыслового поля (внешний или внутренний). В контексте социально-феноменологического подхода выделенные М. Минским уровни сценариев транслируют стереотипы восприятия, включают дискурс и образные схемы. Мы относим их к онтологическому сценарию конструирования массового сознания.

В когнитивной лингвистике под сценариями понимаются структуры сознания, описывающие стереотипные сцены событий, которые также указывают на онтологический сценарий конструирования семантического поля сознания, связанный с приоритетом трансляции культурных смыслов. Однако в современной лингвистике сценарии, или скрипты, трактуют как определенную последовательность этапов, эпизодов, которая разворачивается во времени [11, с. 37; 12].

Сценарий является концептуальной структурой для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении, в отличие от фрейма в когнитивной науке, где он является структурой для декларативного представления знаний о типизированной ситуации [13, с. 18]. Такое понимание сценария вводит фактор времени в процесс восприятия стереотипных ситуаций,

что соотносится с когнитивными моделями темпоральности и соответствует представлению о когнитивном сценарии экзистенциального плана, который строится на основе текущих интерпретаций.

Мы исходим из того, что ментальный опыт лежит в основе отношения человека к миру в реальном времени, будучи системой наличных психических образований и соответствующих им психических состояний. При этом невербализованные смыслы и нормы образуют семантическое поле массовой коммуникации, которое неявно мотивирует процесс обретения смысла, скрывая когнитивные модели, ответственные за индивидуальные предпочтения. Интерактивная ситуация играет стимулирующую роль в развертывании ментального опыта по определенному сценарию предвидения (ожидания), для реконструкции которого необходимо эксплицировать смыслы настоящего, прошлого и предчувствуемого будущего.

Когнитивные модели темпоральности, используемые в качестве индивидуальных опор, мотивирующих поведение индивида (в том числе языковое), являются сложными концептуальными структурами, которые представляют собой продукты переработки многостороннего опыта индивида, отмечает С.А. Чугунова. При этом индивид не различает общекультурные и перцептивные когнитивные модели темпоральности, воспринимая их как естественную ориентацию в пространстве и времени, которое движется вместе с человеком, внутри него [14].

Специфика массового сознания – приоритет функциональности когнитивных действий в поведенческой адаптации, ограниченных рамками текущего времени. Мир повседневности представлен горизонтом культурных смыслов и способами его практического воплощения, естественными для членов некоторого сообщества. Когнитивные сценарии конструирования массового сознания ориентированы на автоматическую реакцию в состоянии эмоционального заражения, некритического следования традиции или модному тренду. Некий голый дискурс регулирует интуитивные смысловые коннотации.

Неявные границы смыслового поля, скрытые за языком, не акцентированы в повседневных взаимодействиях [15]. Готовые смыслы и ориентации воспринимаются массовым со-

знанием в настоящем времени (здесь и сейчас) как очевидное, например как веяние моды или по принципу «все так думают». Полностью погруженное в социальный контекст массовое сознание – идеальная коммуникативная модель для социального конструктивизма, поскольку ассоциируется с усредненным корпусом знаний и верований на уровне здравого смысла и повседневной практикой социокультурного взаимодействия.

Традиционный когнитивный сценарий онтологического плана в конструировании массового сознания определен вектором исторической памяти, который скрыт в актуальной коммуникации. Для обозначения ускользающих от сознания когнитивных границ коллективного бессознательного, которые проявляются в нормировании психоэмоционального действия, Э. Дюркгейм вводит понятие «социальное время», полагая, что подсознательная ориентация во времени зависит от способа, которым сгруппированы ассоциированные индивиды [16, с. 203]. Убеждение Дюркгейма, что наши представления о времени не являются пассивным отражением некоторой независимой сущности, а возникают благодаря коллективным представлениям, передающимся через традиции и ритуалы, поддерживает М. Элиаде, отмечая базовое значение космологических образов и символов в формировании представлений о гармонии обитаемого мира, транслирующих систему религиозных идей и моделей поведения [17, с. 40–47].

Анализируя различные виды коллективно-исторической памяти, К. Данцигер подчеркивает, что фактор социального времени скрыто присутствует в предпосылках, ценностях, неотрафлексированных практиках, имплицитных полаганиях, которые определяют форму развернутых теоретических моделей и интерпретаций эмпирических наблюдений [18, с. 16].

П. Рикер вводит понятие «время нарратива», назначение которого в том, чтобы обеспечить функцию *герменевтической* связи между «феноменологическим» (субъективным) и «космологическим» (объективным) временем [19]. Представление о темпоральности сознания, противопоставляя феномены сознания физическим объектам в их завершенности, подчеркивает совмещение временных потоков в смысловом поле сознания, порождающее многослойность значений.

Понимание языка как лежащей по ту сторону разума и воли реальности, характерное для аналитической философии в XX–XXI вв. [20, 21], дает мировоззренческое основание онтологическому сценарию конструирования сознания. В социокогнитивном подходе [22, с. 267] дискурс рассматривается в качестве основного средства включения социума в процесс конструирования смыслового поля индивидуально-личностного сознания. Когнитивные ориентации в виде подсознательных актов опираются на существование знаковой системы, которая фиксирует бессубъектное поле когитаций [23]. Речемыслительная деятельность человека опирается на уже выработанные в истории общие логические структуры, которые выступают «машинами времени», отмечает М. Мамардашвили [24].

Констатация самодостаточности языка подчеркнула тот факт, что внешнее выражение знаково-символической культуры подразумевает сокрытость ее смыслового поля, предполагающую различие в интерпретациях. Р. Якобсон подчеркивает различие нарративных схем, популярных в массовой коммуникации, и моделей понимания. Нарративный жанр характеризуется не только однозначно воспроизводимыми нормами описания и видения реальности, но и неосознаваемой регуляцией путей интерпретации сообщаемого [25, с. 6]. Несмотря на то что наши переживания и образы существуют внутри ткани языка и его «культурной грамматики», нарративные структуры состоят из последовательностей событий, которые организованы согласно темпоральному ряду, подчеркивает Й. Брокмейер. Они могут быть одно- и многомерными, круговыми и эллиптическими, прямыми и обратными, дискретными и непрерывными. В художественной литературе формы темпоральной последовательности обнаруживаются, как правило, в комбинациях. Формы нарративной конструкции времени свойственны не только данному языку и культуре, но и любому дискурсу. Чем сложнее лингвистический сценарий времени конструируется, тем больше в нем сплетено различных уровней и фигур времени [26].

Итак, согласно принципам конструктивизма, формирование сознания связано с существованием безличного и безвременного поля знаков и значений (определяющих смысловые границы в онтологическом сценарии), вокруг

которого строится процесс понимания (как экзистенциальный сценарий, определяющий смысловые границы в горизонте сознания). Смысловой принцип регулирования сознательно-бессознательной динамики внутреннего мира личности конкретизирован представлением о *контекстной модели*, выступающей, с одной стороны, в виде дискурса, с другой – в виде субъективной ментальной модели.

В онтологическом сценарии дискурс конструирует смысловое поле сознания в зависимости от языковой традиции. Главную проблему в аналитике конструирования сознания как мира экзистенциальных смыслов составляет неясность его связи с культурной традицией и ментальной динамикой. Знаковая символика позволяет сохранять смыслы и транслировать их, формируя матрицы культурно-исторического и мировоззренческого плана, указывающие границы понимания событий в прошлом, настоящем и будущем. Реальной формой совмещения онтологического и экзистенциального сценариев в конструировании сознания выступает концептуальная структура дискурса, формирующая смысловое поле в персональном и интересубъективном пространстве. Языковая форма указывает два вектора формирования смыслового поля: предметный и концептуальный. Эти векторы могут интерпретироваться в точке текущего времени, разворачиваясь также в направлении прошлого и будущего. Смысловую связность во вневременной абстракции фиксирует логическая форма, создавая возможность трансляции и интерпретации смысла.

Средства культурной грамматики призваны сохранять определенную автономию смыслов в реальном историческом времени. С другой стороны, не существует однозначной детерминированности некоторого смысла его конкретным выражением. Экзистенциальный сценарий в конструировании сознания опирается на различие того, что выражается, и того, что дискурс может потенциально подразумевать. Й. Брокмейер подчеркивает факт несовпадения времени *события (акта) повествования*, которое разворачивается всегда в настоящем, и временного масштаба (хронотопа) представляемого события. В рассказанной или написанной истории мы сталкиваемся с двойным настоящим, поскольку время создания текста истории в текущий момент времени не совпадает с моментом

представления текста аудитории и с моментом чтения написанного текста возможным читателем. При прочтении текста начинается процесс интерпретации, которая выступает сложной формой, отражающей фактор времени.

Когнитивные сценарии экзистенциального плана в конструировании массового сознания соотносимы с ориентирующими принципами, которые лежат в основании мотивации самого процесса обретения смысла. Такого рода принципами, направляющими процесс генерации смыслов, выступают подсознательные установки на смысловую связность, актуальность, адекватность, автономность смысла, которые герменевтика подчеркивает в качестве условий понимания [4].

В конструировании смыслового поля массового сознания совмещение онтологического и экзистенциального сценариев связано с функционированием стереотипа, который запускается знаково-символической формой идентификации предметов. Стереотип восприятия выступает в роли фрейма или когнитивной модели понимания реальности, определяя смысловые границы и направленность ментальной динамики. Скрытая в символике направленность когнитивной организации субъекта поддерживается на неосознаваемом уровне схемами повторения, заложенными в ритуалах и традициях, а также мифологической архаикой коллективного бессознательного. При этом пространственные образы и знаки интуитивно воспринимаются как средство упорядочивания потока восприятий, разворачивающихся во времени. Темпоральность стереотипа в экзистенциальном сценарии конструирования перцептивно-когнитивного уровня массового сознания достаточно рельефно демонстрирует феномен клипового мышления, которое реализуется в вариациях образца. Ориентация на «сейчас» как единственно значимое измерение времени, подражание знаковому образу и повторение характеризуют экзистенциальный сценарий конструирования смыслового поля массового сознания, который не ограничивается функцией слепого копирования шаблона, но оставляет простор для вариаций.

Когнитивные сценарии формирования массового сознания связаны с проблемой восприятия и понимания времени в объективном модуле физической реальности и в модуле со-

циально-исторической реальности. Неосознаваемые конструкции наших представлений о времени предполагают объективность темпоральных образов, основывающихся на природных циклах и ритмах (периодичность в движении планет, в смене климатических режимов сказывается на ритмах социального организма, например на распорядке рабочего дня). Стабильность физического существования связывается в массовом сознании с таким состоянием общественной жизни, когда время организуется в соответствии с непосредственным опытом взаимодействия с природой, воспринимаемой по модели циклического времени, характерной для мифологии, транслирующей определенную концептуальную структуру миропонимания. При этом стереотип восприятия времени выступает в роли инструмента, существующего только в момент его использования, когда индивидуумы ставят его в тот или иной контекст и начинают действовать в режиме рефлексивного сознания.

В конструировании смыслового поля массового сознания фактор времени связан с оппозицией памяти и забвения [27]. Внимание к исторической памяти обостряется в переходные эпохи, когда нарушается социальная стабильность и временной фактор жизненной перспективы становится неопределенным. Обращивание исторического времени к мифологической архаике — одна из существенных черт массового сознания, которая активизируется именно в эпоху перемен. Сценарии организации публичного пространства в эпоху перемен определяются острой борьбой за умы, в которой техника конструирования смыслового поля сознания опирается на отбор архаичных образов и подсознательных комплексов, запускающих нерелексивный механизм игнорирования информации, определенной для забывания как не имеющая ценности. Коррекция семантического поля социума в отношении границ понимания событий прошлого, настоящего и будущего осуществляется изъятием источников, осуждением негодных исторических персонажей, тиражированием негативных образов.

Сфера массмедиа особенно ярко демонстрирует зависимость истины от способа ее подачи, от *техники* выражения смысла в современных сценариях конструирования массового сознания [28, с. 18, 19]. Информационно-се-

тивные технологии нейтрализуют особенности индивидов для обеспечения их взаимосвязи и взаимопонимания на основе актуализации способности человека к нереплексивной функциональной успешности.

Современные интерактивные технологии основаны на множестве временных связей и диктатуре знаковой презентации в сети. Информационное общество, которое опирается на формальные знания и технические навыки, резко усиливает потребность в массовой коммуникации на основе новой системы доставки символов [29]. Рост роли знакового выражения реальности сопровождается вневременной симуляцией смыслового поля и виртуализацией массового сознания. Массовая машина знаков стремится стать самодостаточной, способствуя тому, чтобы знаки максимально стали независимыми от значений и референций и взаимодействовали лишь между собой, отмечает Бодрийяр [30]. Диктатура знака, характерная для общества масс, способствует бесконечному расширению восприятия реальности без пространственно-временных границ. Моделью в конструировании сознания массового субъекта становится «чистый экран» для нанесения знаков, виртуальный мир, которому чужды такие свойства, как причинность, время, пространство, целенаправленность в классическом понимании. При этом симуляция реальности базируется на создании особых условий доверия. Информационная техника придает вещам особую «правдивость» за счет их микродетализации, множественной репродукции в модельных сериях. Выделение ранее не замечаемых деталей, повторение под разными углами зрения одного и того же создает иллюзию сверхочевидности воспринимаемого и открытости того, что раньше считалось тайной.

В конструировании сознания масс власть может делать ставку не только на отсрочку смысла в практике замалчивания или на автоматизм действия на основе усвоения алгоритмов и шаблонов, но и на искусственно создаваемое цикличное время в виде движения мысли по кругу [31, с. 101–102]. В индивидуальном восприятии циклический синтез моментов времени в предельном виде порождает одержимость навязчивыми идеями и сопровождается иллюзией, в которой подлинная реальность совпадает с ощущением и осмыслением этой реальности

со стороны конкретного лица или группы людей [30, с. 11, 171].

Современные сценарии конструирования семантического поля массового сознания определяются присутствием в информационном поле события всех многообразных форм знания как вневременных и равнозначных с актуальным знанием. Инверсия фактора времени – эффективный инструмент когнитивного сценария конструирования массового сознания в условиях информационно-коммуникативной сети, обладающей большим объемом памяти. Возможности технического воспроизведения любой информации устраняют эффект забвения из семантического пространства сети, расширяют практику конструирования смыслового поля сознания новыми технологиями [32, с. 99–100]. С помощью современных информационных технологий создаются виртуальные миры, в которых легко реализуется инверсия причины и следствия, одно и то же событие прокручивается в разные стороны, семантические оппозиции и роли исторических субъектов уравниваются или инвертируются. Небольшая деталь, которая сегодня воспринимается как неважная, завтра может играть роль информационного повода в сторону кардинального изменения восприятия смысла происходящего в массовом сознании.

В заключение отметим, что когнитивные сценарии онтологического плана в конструировании сознания определены формальной структурой дискурса, существующей в intersubъективном пространстве в рамках социального времени и традиции. Эффективность таких сценариев доказана преобладанием стилей мышления и усилена средствами современных массмедиа. Онтологический уровень конструирования смыслового поля не осознается массовым субъектом, он просто воспринимается в рамках здравого смысла, традиционного верования, модного течения, которому надо следовать, не рассуждая и не подвергая сомнению. Вопрос о субъекте, направляющем конструирование смыслового поля сознания, не возникает, поскольку он всегда скрыт в онтологическом сценарии. В практике повседневности бытие как бы само порождает стереотипы и смысловую матрицу массового и обыденного сознания.

Экзистенциальный сценарий конструирования смыслового поля сознания опреде-

лен сочетанием культурно-мировоззренческой матрицы с темпоральным полем внутренних интенций. Для массового сознания характерна функциональность пустой схемы мысли, которая наполняется мозаично интерпретациями, что говорит о приоритете автономии смысла в технике массовой коммуникации, а также о приоритете актуальности смысла в повседневном режиме восприятия событий в ущерб его адекватности.

Когнитивные сценарии в темпоральном поле информационно-коммуникативной сети

усиливают возможности манипулирования массовым сознанием и действием. Однако переход от принципа необходимости в онтологическом сценарии конструирования сознания к непосредственному пониманию событий на экзистенциальном уровне не может считаться полностью контролируемым самим индивидуумом или сообществом. В актуальной ситуации совмещение когнитивных сценариев онтологического и экзистенциального плана регулируется подспудно подсознательной установкой на отнесение к ценностям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Герген К. Социальный конструктивизм: знание и практика. Мн.: Изд-во БГУ, 2003. 232 с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Избр. работы / сост. В.А. Куренной. М.: Территория будущего, 2005. С. 443–459.
4. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Е.В. Борисова. М.: Канон+ : Реабилитация, 2011. 144 с.
5. Glasersfeld Ernst von Wie wir uns erfinden. Eine Autobiographie des radikalen Konstruktivismus. Heidelberg: Carl-Auer-Verlag, 2007.
6. Найссер У. Познание и реальность. М., 1980.
7. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. Томск; М., 1997.
8. Keil F.C. Constraints on Constraints: Surveying the Epigenetical Landscape // Cognitive Science. 1990. Vol. 14. No. 1. P. 135–168.
9. Минский М. Структуры для представления знания // Психология машинного знания. М., 1979.
10. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. URL: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/.
11. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. 123 с.
12. Милованова М.В., Куличенко Ю.Н. Когнитивный сценарий как способ описания мимического выражения эмоционального состояния субъекта // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 108–113.
13. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
14. Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2009.
15. Бунеева А.М., Мурейко Л.В., Шипунова О.Д. Ресурсы манипуляции в политической технологии: неявное знание и массовое сознание // Вестн. РГГУ. Сер. Политология. Социально-коммуникативные науки. 2010. № 1. С. 171–179.
16. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
17. Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. К.: София; М.: Гелиос, 2002. 224 с.
18. Danziger K. Marking the Mind: A History of Memory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. 320 p.
19. Ricoeur P. Time and Narrative. Vol. 3. Chicago, L.: The Univ. of Chicago Press, 1990. 355 p.
20. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина, перераб. А.А. Холодовичем // Тр. по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
21. Rorty R.M. Introduction // The Linguistic turn: essays in philosophical method. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1992. Pp. 1–39.
22. Dijk T.A. van. Discourse and context: A sociocognitive approach. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2008.
23. Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995.
24. Мамардашвили М.К. Идея преемственности и философская традиция // Как я понимаю философию. М.: Прогресс : Культура, 1992.
25. Jakobson R. Verbal Art, Verbal Sign, Verbal Time. Minneapolis, 1985.
26. Брокмейер Й. Нарративные схемы и культурные смыслы времени // Социокультурный контекст науки. М.: Изд-во ИФ РАН, 1998. 221 с. С. 118–138.
27. Мурейко Л.В. Традиция, забвение и «беспмятство масс» // Философия коммуникации: университетское образование в социокультурной динамике информационного об-ва / под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 167–180.
28. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.

29. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: Аст, 2008.
30. Бодрийяр Ж. Cool Killer, или Восстание посредством знаков // Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2006. С. 155–166.
31. Муреико Л.В. Деперсонализация и темпоральность сознания: к проблеме синтеза моментов времени в концепциях неклассической и постнеклассической философии // Казанская наука. 2014. № 11. Филос. науки. С. 97–102.
32. Муреико Л.В. О природе массового сознания в контексте исследований «искусственного интеллекта» // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 110. С. 90–100.

ШИПУНОВА Ольга Дмитриевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: o_shipunova@mail.ru

МУРЕЙКО Лариса Валериановна — кандидат философских наук, доцент Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.

Россия, 190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9
e-mail: lamureiko@gmail.com

O.D. Shipunova, L.V. Mureyko

COGNITIVE SCENARIOS IN THE DESIGN OF MASS CONSCIOUSNESS

Scenario design the semantic horizons of the mass consciousness are analyzed in the socio-phenomenological aspect, which emphasizes the combination of cultural forms (in the form of discourse) and the process of generation of meanings taking into account the time factor. It is shown that ontology design scenario of mass consciousness, a certain communicative practices, hides the different cognitive models of temporality that motivate the subject's behavior conceptual. It is emphasized that the cognitive orientation of mass consciousness at the level of "common sense" in the framework of social time is directed by the formal structure of the discourse that exists in intersubjective space, and contains a semantic matrix in the form of a stereotype. The perception of stereotype in the existential scenario of generation of meanings implicitly contains cultural and perceptual cognitive scripts guide behavior and decisions and at the functional level people do not distinguish between them.

SCRIPTS DESIGN CONSCIOUSNESS; THE TEMPORALITY OF THE MASS CONSCIOUSNESS; DISCOURSE; COGNITIVE MODELS OF TEMPORALITY.

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russ.)
2. Gergen K. Sotsial'nyy konstruktivizm: znaniye i praktika. Minsk, BGU Publ., 2003. 232 p. (In Russ.)
3. Gusserl E. Krizis yevropeyskikh nauk i transtsendentalnaya fenomenologiya. *Izbrannyye raboty*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2005. Pp. 443–459. (In Russ.)
4. Betti E. Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe. Moscow, Kanon+, Reabilitatsiya Publ., 2011. 144 p. (In Russ.)

5. Glaserfeld Ernst von *Wie wir uns erfinden. Eine Autobiographie des radikalen Konstruktivismus.* Carl-Auer-Verlag, Heidelberg, 2007.
6. Naysser U. *Poznaniye i realnost'.* Moscow, 1980. (In Russ.)
7. Kholodnaya M.A. *Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya.* Tomsk, Moscow, 1997. (In Russ.)
8. Keil F.C. Constraints on Constraints: Surveying the Epigenetical Landscape. *Cognitive Science*, 1990, vol. 14, no. 1, pp. 135–168.
9. Minskiy M. *Struktury dlya predstavleniya znaniya. Psikhologiya mashinnogo znaniya.* Moscow, 1979. (In Russ.)
10. Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov.* Nazran', Pilgrim Publ., 2010. Available at: http://linguistics_dictionary.academic.ru/.
11. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika.* Tambov, TGU im. G.R. Derzhavina Publ., 2001. 123 p. (In Russ.)
12. Milovanova M.V., Kulichenko Yu.N. *Kognitivnyy stseneriy kak sposob opisaniya mimicheskogo vyrazheniya emotsionalnogo sostoyaniya subyekta.* *Vestnik VGU. Ser. 2, Yazykoznanie*, 2012, no. 1 (15), pp. 108–113. (In Russ.)
13. Baranov A.N. *Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku.* Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 360 p. (In Russ.)
14. Chugunova S.A. *Kontseptualizatsiya vremeni v raznykh kulturakh.* Abstr. Doct. Diss. Tver', 2009. (In Russ.)
15. Buneyeva A.M., Mureyko L.V., Shipunova O.D. *Resursy manipulyatsii v politicheskoy tekhnologii: neyavnnoye znaniye i massovoye soznaniye.* *Vestnik RGGU. Ser. Politologiya. Sotsialno-kommunikativnyye nauki*, 2010, no. 1, pp. 171–179. (In Russ.)
16. Dyurkgeym E. *Sotsiologiya. Yee predmet, metod, prednaznachenie.* Moscow, Kanon Publ., 1995. (In Russ.)
17. Eliade M. *Okkul'tizm, koldovstvo i mody v kul'ture.* Kiev, Sofiya Publ.; Moscow, Gelios Publ., 2002. 224 p. (In Russ.)
18. Danziger Kurt. *Marking the Mind: A History of Memory.* Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2008. 320 p.
19. Ricoeur P. *Time and Narrative.* Vol. 3. Chicago, L.: The Univ. of Chicago Press, 1990. 355 p.
20. Sossyur F. *Kurs obshchey lingvistiki. Trudy po yazykoznaniiyu.* Moscow, Progress Publ., 1977. (In Russ.)
21. Rorty R.M. Introduction. *The Linguistic turn: essays in philosophical method.* Chicago, The Univ. of Chicago Press, 1992. Pp. 1–39.
22. Dijk T.A. van. *Discourse and context: A sociocognitive approach.* New York, Cambridge Univ. Press, 2008.
23. Riker P. *Konflikt interpretatsiy.* Moscow, 1995. (In Russ.)
24. Mamardashvili M.K. *Ideya preyemstvennosti i filosofskaya traditsiya. Kak ya ponimayu filosofiyu.* Moscow, Progress Publ., Kul'tura Publ., 1992. (In Russ.)
25. Jakobson R. *Verbal Art, Verbal Sign, Verbal Time.* Minneapolis, 1985.
26. Brokmeyer Y. *Narrativnyye skhemy i kul'turnyye smysly vremeni. Sotsiokul'turnyy kontekst nauki,* Moscow, IF RAN Publ., 1998. 221 p. Pp. 118–138. (In Russ.)
27. Mureyko L.V. *Traditsiya, zabveniye i "bespamyatstvo mass". Filosofiya kommunikatsii: universitetskoye obrazovaniye v sotsiokulturnoy dinamike informatsionnogo obshchestva.* Ed. S.V. Klyagin, O.D. Shipunova. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Univ. Publ., 2015. Pp. 167–180. (In Russ.)
28. Luman N. *Real'nost' massmedia.* Moscow, Praxis Publ., 2005. (In Russ.)
29. Toffler E. *Shok budushchego.* Moscow, Ast Publ., 2008. (In Russ.)
30. Bodriyyar Zh. *Kool Killer, ili Vosstaniye posredstvom znakov. Simvolicheskiy obmen i smert'.* Moscow, Dobrosvet Publ., KDU Publ., 2006. Pp. 155–166. (In Russ.)
31. Mureyko L.V. *Depersonalizatsiya i temporalnost' soznaniya: k probleme sinteza momentov vremeni v kontseptsiyakh neklassicheskoy i postneklassicheskoy filosofii.* *Kazanskaya nauka*, 2014, no. 11. *Filosofskiy nauki.* Pp. 97–102. (In Russ.)
32. Mureyko L.V. *O prirode massovogo soznaniya v kontekste issledovaniy "iskusstvennogo intellekta".* *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univ. im. A.I. Gertsena*, 2009, no. 110, pp. 90–100. (In Russ.)

SHIPUNOVA Olga D. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: o_shipunova@mail.ru

MUREYKO Larisa V. — *Petersburg State Transport University.*

Moskovskiy pr., 9, St. Petersburg, 190031, Russia

e-mail: lamureiko@gmail.com

Философские аспекты социального управления и регионоведения

DOI 10.5862/JHSS.251.12
УДК 913

В.А. Коваленко

«ГЕОГРАФИЯ ГОЛОДА» НА КАРТЕ МИРА

Статья посвящена проблеме голода в мире. Рассмотрена интерактивная карта голода, разработанная Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН. Исследование ведется на основе комплексного подхода, позволяющего дать подробную характеристику регионам мира, где существует эта проблема, и проанализировать карту голода. Даны определение глобального индекса успехов в борьбе с голодом и оценка работе ООН в странах с высоким показателем уровня голода. Отмечено, что Всемирная организация здравоохранения уделяет внимание и проблеме переизбытка. Материалы статьи могут использоваться в учебном процессе. Они могут оказаться полезными для разработки учебных курсов по проблемам деятельности международных организаций в решении глобальных проблем современности, служить основанием для дальнейших научных исследований по широкому кругу проблем политической науки.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ООН; ГОЛОД; НЕДОЕДАНИЕ; ПЕРЕЕДАНИЕ; ГЕОГРАФИЯ ГОЛОДА; ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ; РАЦИОНАЛЬНОЕ ПИТАНИЕ.

Оценка биологического недоедания и переизбытка основывается на определенных медицинских нормах. Можно выделить несколько систем оценки. Наиболее распространенной является норма, используемая в большинстве западных государств: «2800–3000 ккал в день при 90 г белка, из которых не менее половины должны быть животными» [1, с. 105]. Согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), рацион современного здорового человека должен отличаться разнообразием. Однако сегодня существует ряд препятствий для обеспечения продовольственной безопасности.

Особую тревогу вызывают перспектива недостатка пресной воды для сельского хозяйства, нужд человека, значительное истощение ресурсов Мирового океана [2]. Препятствует производству качественных продуктов питания и сам человек, негативно влияя на окружающую сре-

ду. Это ведет к снижению продуктивности земель и соответственно к уменьшению объемов продовольствия на земле.

Для привлечения внимания к проблеме недостатка продовольствия Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) (*англ.* Food and Agriculture Organization, ФАО) разработала интерактивную карту голода, дающую подробную характеристику каждого региона. В Африканском регионе с этой проблемой сталкиваются такие страны, как Алжир, Ангола, Бенин, Буркина-Фасо, Бурунди, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Демократическая Республика Конго, Джибути, Египет, Замбия, Зимбабве, Кабо-Верде, Камерун, Кения, Кот-д'Ивуар, Лесото, Либерия, Мавритания, Мадагаскар, Малави, Мали, Мозамбик, Намибия, Нигер, Объединенная Республика Танзания, Республика Конго, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленд, Сенегал, Сомали, Су-

дан, Сьерра-Леоне, Того, Уганда, Центральная Африканская Республика (ЦАР), Чад, Эритрея и Эфиопия [3]. В Американском регионе наиболее критическая ситуация наблюдается в Боливии, Гаити, Гватемале, Гондурасе, Колумбии, на Кубе, в Никарагуа, Перу, Сальвадоре, Эквадоре, в Азиатском – в Азербайджане, Армении, Афганистане, Бангладеш, Бутане, Восточном Тиморе, Грузии, Индии, Индонезии, Камбодже, Киргизии, Лаосе, Мьянме, Непале, Пакистане, Северной Корее, Таджикистане, на Филиппинах, в Шри-Ланке. На Ближнем Востоке с проблемой голода сталкиваются в Иордании, Ираке, Иране, Йемене, на оккупированных палестинских территориях, в Сирии.

Степень тяжести проблемы определяется Глобальным индексом успехов в борьбе с голодом (The Global Hunger Index) по трем показателям: 1) пропорциональное соотношение голодающего населения страны к населению, получающему достаточное количество продовольствия; 2) преобладание детей до 5 лет, имеющих недостаточную массу тела; 3) уровень смертности среди детей младше 5 лет [4]. Преимущество комплексного подхода по вычислению индекса заключается в том, что при подсчете показателей учитываются данные об обеспечении продовольствием детей и о детской смертности, а не только демографический показатель, как это делалось ранее. Индекс может варьироваться от 0 (категория «в стране нет голода») до 100 (категория «крайняя степень голода»). Показатель от 0 до 4,9 означает низкий уровень голода, 5–9,9 – умеренный уровень, 10–19,9 – серьезные проблемы, 20–29,9 – тревожная ситуация, 30 и выше – очень тревожная ситуация.

Проанализировав карты, составленные специалистами ФАО, можно отметить, что ситуация в целом имеет тенденцию к улучшению. Количество государств, находящихся в критической ситуации, сократилось вдвое. В 2006 году индекс от 20 до 29,9 отмечался в Буркина-Фасо, Гамбии, Гвинее, Зимбабве, Кении, Мавритании, Мадагаскаре, Мали, Мозамбике, Сенегале, Судане, Танзании, Чаде, ЦАР. В 2009 году тревожная ситуация наблюдалась в Анголе, Буркина-Фасо, Джибути, Замбии, Зимбабве, Либерии, Мадагаскаре, Малави, Мозамбике, Нигере, Танзании, ЦАР. В Мавритании и Сенегале за 3 года удалось снизить показатель до 10–19,9.

В целом группа стран, относящихся к категории «тревожных», остается стабильной. В 2006 году индекс от 10 до 19,9 (категория «серьезная ситуация») на африканском континенте наблюдался в Ботсване, Гане, Камеруне, Кот-д’Ивуаре, Лесото, Намибии, Нигерии и Уганде, в 2009 году – в Бенине, Ботсване, Гамбии, Гане, Гвинее, Камеруне, Конго, Кот-д’Ивуаре, Мавритании, Мали, Намибии, Нигерии, Сенегале, Судане. Примечательно, что за несколько лет ситуация в Мавритании, Сенегале и Судане улучшилась. ООН проделала значительную работу по снабжению населения стран гуманитарной помощью и продуктами первой необходимости. К низкому и умеренному показателям в 2006 году приблизились Алжир, Габон, Египет, Ливия, Марокко, Свазиленд, Тунис, ЮАР. Отметим, что при разработке карты голода в 2006 году не проводилось четкого разграничения между низкими и умеренными показателями. В 2009 году умеренный индекс был присвоен Габону, Лесото, Марокко, Свазиленду, ЮАР. Низкий уровень голода был отмечен в Алжире, Египте, Ливии и Тунисе. Очевидно, что наиболее низкий уровень характерен для наиболее развитых стран континента, инфраструктура которых во многом поддерживается и за счет туризма.

Проанализировав изменения индекса на африканском континенте, можно утверждать, что ситуация в целом менялась в зависимости от локальных конфликтов и их последствий. Например, в результате конфликта в Дарфуре проблема обеспечения населения продовольствием значительно ухудшилась, что привело к резкому увеличению числа голодающих в Судане. Только в 2004 и 2005 годах «более 180 тыс. человек погибли от голода и болезней в суданской провинции Дарфур» [5]. Однако благодаря работе ООН в последние годы Судан вышел из числа государств, где отмечался индекс от 20 до 29,9, и перешел в разряд стран с индексом от 19,9 до 10. Позитивную роль сыграли как поставки гуманитарной помощи, так и работа, осуществляемая ЮНАМИД (Смешанная операция Африканского союза – Организации Объединенных Наций в Дарфуре). Программа была учреждена в 2007 году с целью урегулирования ситуации в регионе, «содействия скорейшему и эффективному осуществлению Мирного соглашения по Дарфуру, предотвра-

шению срыва процесса его осуществления и вооруженных нападений и, без ущерба для ответственности правительства Судана, обеспечения защиты гражданского населения» [6].

Рассматривая статистику в Северной и Южной Америке, отметим, что ситуация с 2006 по 2009 год не менялась. К странам с показателем от 10 до 19,9 относятся Боливия, Гватемала, Гондурас и Никарагуа. Низкий показатель у Кубы, Мексики и всей Латинской Америки. В целом решением проблемы продовольственной безопасности на континенте занимается ООН и непосредственно США.

На евразийском континенте в 2006 году самые высокие показатели отмечались у Камбоджи, Северной Кореи и Таджикистана. К разряду стран, уровень продовольственной безопасности в которых оценивается как «тревожный», были отнесены Бангладеш, Индия, Йемен, Лаос, Непал и Пакистан. Серьезная ситуация наблюдалась в Азербайджане, Армении, Бирме, во Вьетнаме, в Грузии, Индонезии, Монголии, Таиланде, Туркменистане, Узбекистане, на Филиппинах. Низкие показатели отмечены в Албании, Белоруссии, Болгарии, Боснии и Герцеговине, Греции, Иордании, Казахстане, Китае, Латвии, Литве, Малайзии, Молдавии, Республике Македонии, России, Румынии, Саудовской Аравии, на Украине, в Хорватии, Черногории, Эстонии. В 2009 году к разряду стран, в которых уровень продовольственной безопасности оценивается как «тревожный», были отнесены Бангладеш, Индия, Камбоджа и Пакистан. Серьезная ситуация наблюдалась в Бирме, во Вьетнаме, в Лаосе, Монголии, Таджикистане. Умеренные показатели зафиксированы в Азербайджане, Армении, Грузии, Индонезии, Китае, Малайзии, Сирии, Таиланде, Туркменистане, Узбекистане, на Филиппинах. Остальные страны евразийского континента (здесь мы подразумеваем страны, включенные в статистику 2006 года) были отнесены к государствам с низким показателем. В целом, сравнивая показатели за 2006 и 2009 годы, можно прийти к выводу, что борьба с продовольственной проблемой ведется во многих регионах. Значительные успехи были достигнуты в Азербайджане, Армении, Грузии, Индонезии, Таиланде, на Филиппинах.

Другой стороной проблемы является переизбыток. С этим сталкиваются не только разви-

тые, но и развивающиеся страны. По данным Associated Press, сегодня в Европе лидируют по этому показателю Германия, Греция, Кипр, Мальта, Словакия, Финляндия и Чешская Республика, где 2/3 взрослых мужчин страдают ожирением [7, с. 3–7]. В Евросоюзе избыточный вес наблюдается у 103 млн детей, с каждым годом их количество увеличивается в среднем на 400 тыс. человек [8]. Согласно статистике Healthcare Research and Quality, в США около 38 % женщин страдают клиническим ожирением. В Европе оно зафиксировано у 34 % женщин Греции [9].

Особое влияние на распространение проблемы переизбытка и выход ее на глобальный уровень оказал процесс глобализации и распространения фаст-фуда. Наиболее наглядным примером в данном случае может служить так называемая карта переизбытка. Она включает в себя следующие показатели: число страдающих от ожирения (%), число ресторанов McDonalds, доля страдавших ожирением до появления в стране ресторанов быстрого питания и доля страдающих им после их открытия. При составлении карты были использованы данные ВОЗ.

Наиболее остро проблема переизбытка стоит в США, Мексике (примечательно, что в этой стране также индекс голода составляет 1,5–9,9) и Саудовской Аравии. В этих странах доля людей, страдающих от ожирения, превышает 30 %. В зоне риска (от 20 до 30 %) находятся Великобритания, Новая Зеландия, Турция, ЮАР. Средний показатель (от 10 до 19,9 %) наблюдается в Австралии, Австрии, Аргентине, Бразилии, Германии, Голландии, Испании, Канаде, Польше, Португалии, России, Франции, Швейцарии, Швеции. Низкие показатели (от 5 до 10 %) отмечены в Гонконге, Италии, Сингапуре, на о. Тайвань. Минимальный процент (от 0 до 5 %) людей, страдающих ожирением, наблюдается в Китае, Таиланде, на Филиппинах, в Южной Корее, Японии. В среднем с момента открытия первых ресторанов McDonalds в государствах мира процент людей с массой тела, превышающей норму, увеличился в 1,5–2 раза.

Самое большое количество ресторанов быстрого питания McDonalds насчитывается в США – 13 тысяч. Несомненно, последствия подобного широкого распространения и популяризации фаст-фуда негативно сказались на здоровье американцев. По данным исследования

Нью-Йоркского университета, «в США 112 тыс. человек в год умирают от заболеваний, связанных с ожирением. Исследователи обнаружили, что при повышении массы тела женщины на 10 % ее доход снижается на 6 %. Установлено также, что женщины с избыточным весом с меньшей вероятностью заканчивают колледж и чаще занимаются трудом невысокой квалификации» [10]. Очевидно, что люди, страдающие ожирением, меньше двигаются, тратят больше средств на лекарства и медицину в целом, на питание, не могут выполнять определенные виды работ. Таким образом, американские исследователи пришли к выводу, что избыточный вес напрямую влияет на благосостояние населения. Более того, проблема сказывается на государственном бюджете — «ожирение и избыточный вес граждан Америки обходятся властям этой страны в 75 млрд долларов в год» [11]. Сегодня ООН и ВОЗ делают акцент на социальном факторе, отмечая, что каждый отдельный гражданин должен осознавать свою ответственность и регулировать свой рацион.

Продовольственная проблема многогранна. На нее влияют политические, социальные и экономические факторы. В условиях мирового экономического кризиса многие государства в первую очередь занимаются регулированием экономического сектора, а продовольственная проблема отступила на второй план. Это во многом усугубило ситуацию в развивающихся странах, переживающих голод особенно остро. Из-за приостановки инвестиций многие государства не смогли в должной мере оказать помощь своему населению после природных катастроф. В подобной критической ситуации, когда на кону стоит множество человеческих жизней, мировому сообществу следовало бы внимательнее рассмотреть вопрос использования ГМО-продуктов для решения продовольственной проблемы. Что касается проблемы переизбытка, то в данном случае очевидна необходимость государственного регулирования ситуации, популяризации здорового образа жизни, рационального питания и систематических физических нагрузок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесняк А.А. Продовольствие — в мире, стране, регионе. М., 2001. 194 с.
2. Экология морей и прибрежные экосистемы. URL: <http://www.biodat.ru/doc/biodiv/part5b.html>.
3. World Food Programme. URL: <http://www.wfp.org/countries#africa>.
4. Global Hunger Index. The Challenge of Hunger: focus on financial crisis and gender inequality. URL: <http://www.ifpri.org/sites/default/files/publications/ghi09.pdf>.
5. Кризис в Дарфуре. URL: <http://www.newsru.com/world/15mar2005/darfur.html>.
6. ЮНАМИД. URL: <http://www.un.org/russian/peace/pko/unamid/>.
7. Francis Ch.A. Conventional research on controversial issues: an exercise in futility? // Renewable Agriculture and Food Systems. 2010. № 25 (1).
8. Annual Quality and Disparities Reports Include Data on Rates of Health Care-Associated Infections, Obesity and Health Insurance. URL: <http://www.ahrq.gov/news/press/pr2010/qrd09pr.html>.
9. Data for Monitoring the Health Care Safety Net. URL: <http://www.ahrq.gov/data/safetynet/databooks/safetynet2.html>.
10. Ожирение ведет к бедности, выяснили в США. URL: <http://www.newsru.com/world/05aug2005/zhir.html>.
11. Бай Е. Америка сорвала план ООН по борьбе с ожирением. URL: <http://www.izvestia.ru/world/article43341/>.

КОВАЛЕНКО Виктор Андреевич — аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kov-vito@mail.ru

V.A. Kovalenko

"THE GEOGRAPHY OF HUNGER" ON THE WORLD MAP

The article deals with the problem of world hunger. We consider the interactive map of hunger, which based on FAO data. The Research is conducted on the basis of an integrated approach which can give a detailed description of the regions of the world with food shortage and explore the hunger map. The article presents a detailed description of regions of the world with food shortage. We consider the definition of a global index of success in the fight against hunger. We analyze the maps compiled by FAO experts. We note the successful work of the United Nations in countries with a high level of hunger. We present a detailed description of regions of the world on the political map of overeating. The materials of this article may be used in the educational process. The article may be useful for developing training courses on activities of international organizations in solving global problems, to serve as a basis for the further development of scientific research on a wide range of problems of political science.

FOOD AND AGRICULTURE ORGANIZATION; HUNGER; MALNUTRITION; OVEREATING;
THE GEOGRAPHY OF HUNGER; THE WORLD HEALTH ORGANIZATION; RATIONAL
NUTRITION.

REFERENCES

1. Kolesnyak A.A. *Prodovol'stviye – v mire, strane, regione* [Food in the world, country, region]. Moscow, 2001. 194 p. (In Russ.)
2. [Ecology of the seas and coastal ecosystems]. Available at: <http://www.biodat.ru/doc/biodiv/part5b.html>.
3. World Food Programme. Available at: <http://www.wfp.org/countries#africa>.
4. Global Hunger Index. The Challenge of Hunger: focus on financial crisis and gender inequality. Available at: <http://www.ifpri.org/sites/default/files/publications/ghi09.pdf>.
5. [The crisis in Darfur]. Available at: <http://www.newsru.com/world/15mar2005/darfur.html>.
6. [UNAUMID]. Available at: <http://www.un.org/russian/peace/pko/unamid/>.
7. Francis Ch.A. Conventional research on controversial issues: an exercise in futility? *Renewable Agriculture and Food Systems*, 2010, no. 25 (1).
8. Annual Quality and Disparities Reports Include Data on Rates of Health Care-Associated Infections, Obesity and Health Insurance. Available at: <http://www.ahrq.gov/news/press/pr2010/qdr09pr.html>.
9. Data for Monitoring the Health Care Safety Net. Available at: <http://www.ahrq.gov/data/safetynet/databooks/safetynet2.html>.
10. [Obesity leads to poverty, found in the US]. Available at: <http://www.newsru.com/world/05aug2005/zhir.html>.
11. Bay Ye. [America broke the UN plan to fight obesity]. Available at: <http://www.izvestia.ru/world/article43341/>.

KOVALENKO Viktor A. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kov-vito@mail.ru

УРБАНИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС, ВЛИЯЮЩИЙ НА РЕКЛАМУ

Статья посвящена актуальной проблеме детерминации рекламы таким социокультурным процессом, как урбанизация. Рассмотрен комплекс факторов, которые способствовали развитию рекламы, появлению разных ее форм и видов. Исследование ведется методом философско-культурологического анализа, позволяющего выявить механизм воздействия процесса урбанизации на развитие рекламы, а также возрастание ее роли в культуре. Реклама создает символическое пространство для социокультурных образований, начинает участвовать в формировании ценностных ориентаций общества. В статье прослеживается, как связаны между собой урбанизация и пространственная организация общества, как меняется человек, попадающий в городскую среду, какую роль в этом играет реклама. Представлен процесс разделения площади городов на определенные зоны, отличающиеся условиями проживания. Рассмотрено, как место проживания, недвижимость приобретают дополнительные символические характеристики, формируемые рекламой. Проанализирована взаимосвязь качества рекламы в разных районах города и уровня культуры, индивидуальных запросов их жителей, как она способствует развитию рекламы. Отмечается, что возникновение проблемы доступности в городе привело к массовому появлению автомобиля, который также получил символические характеристики, подчеркивающие статус его владельца. Носителем рекламы в городе стал, в частности, транспорт. Материалы статьи могут использоваться при обучении студентов по дисциплинам «История рекламы» и «Социология массовых коммуникаций».

ГОРОД; УРБАНИЗАЦИЯ; РЕКЛАМА; СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ; УРБАНИЗМ.

В XIX–XX вв. в связи с крупными изменениями в общественном производстве и значительным ростом промышленности в передовых странах мира наблюдалась концентрация рабочей силы в городах. Прежде население европейских стран занималось преимущественно сельским хозяйством и проживало главным образом в деревнях, селах и других небольших поселениях, но стремительный рост промышленности и принципиальные изменения в хозяйственной деятельности общества за относительно короткий промежуток времени привели к бурному росту населения городов и образованию мегаполисов. «Зарождение города – исток цивилизации, средоточие наиболее продвинутых элементов любого цивилизующегося общества в организационном, социокультурном, социально-экономическом, материально-техническом и других аспектах» [1, с. 14].

Урбанизация ведет к возникновению новых типов организации общественной жизни. Сотни тысяч людей становятся городскими жи-

телями, и их социальное бытие претерпевает значительные перемены. Концентрация людей в пределах крупных городов влияет на их образ жизни. Известный социолог Л. Вирт исходил из представлений, что именно под влиянием города социальная среда формирует образ жизни, обусловленный его особенностями, – урбанизм, и рассматривал его с трех точек зрения: 1) как физическую структуру, включающую в себя популяционную базу, технологию и экологический порядок; 2) как систему социальной организации, включающую в себя характерную социальную структуру, ряд социальных институтов и типичный паттерн социальных отношений; 3) как набор установок и идей, а также констелляцию личностей, втянутых в типичные формы коллективного поведения и подчиненных характерным механизмам социального контроля [2].

У жителей мегаполисов возникает круг новых разнообразных интересов и сфер деятельности. Концентрация миллионов людей в городах существенно влияет и на отношения между

ними. «Город не только отражает особенности и тенденции развития цивилизации, он еще и оформляет, определяет особый тип человека. Человек в городе – горожанин, – если он взращен, воспитан городом или хотя бы прожил там значительную часть своей активной жизни, качественно отличается от жителя сельской местности» [1, с. 14]. Урбанизация неизбежно приводит к возникновению в городах массовых типовых жилых застроек на ограниченной территории. Актуальной становится проблема развития сети транспортных коммуникаций.

Так, О.П. Камаева отмечает, «что урбанизация представляет собой объективный процесс преобразования пространственной организации общества» [3, с. 17]. Если до начала интенсивного роста площади городов у людей не возникало потребности ежедневно преодолевать большие расстояния, например от места жительства до места работы, то теперь данная проблема стала актуальной. В городах стали создаваться зоны размещения промышленных предприятий, причем, как правило, в удалении от жилых комплексов, где проживает большинство работающих людей. Человек в городе оказался вовлеченным в ежедневную процедуру транспортных перемещений от дома до рабочего места и обратно, в совершенно новый ритм жизнедеятельности. Он вынужден постоянно спешить, чтобы не опоздать на работу и успеть сделать всё необходимое после нее. Его жизнедеятельность становится существенно ограниченной и в значительной степени стандартизированной. Такой образ жизни не оставляет человеку большого резерва времени для обдумывания своих действий и поступков и в той или иной степени нивелирует его индивидуальность.

Урбанизация как процесс, влияющий на все социальные стороны жизнедеятельности человека, навязывает ему набор определенных приоритетов и предпочтений. Они служат для жителя города системой социальных координат, в рамках которых он организует свое бытие. Темп жизни человека во всех его проявлениях в крупном городе значительно выше, чем в сельской местности или в небольших поселках. Он предъявляет горожанам ряд критериев, которым нужно соответствовать. Самой значимой в общественной жизни человека в условиях мегаполиса является его способность успевать

выполнять свои обязанности в общественном производстве и эффективно использовать свое свободное время. В общественной жизни это ведет к вовлечению миллионов людей в ежедневную гонку за конкретными результатами в их постоянной деятельности. Человек не может выйти за круг повседневных проблем городской жизни, и этот ритм он должен поддерживать в течение нескольких десятков лет в активной фазе своего социального бытия.

В рамках определенных пространственно-временных координат создается специфическая среда обитания человека, которая предъявляет к членам общества ряд требований социального, экономического, психологического характера. Так, Р. Парк, уделявший большое внимание понятию «город» как продукту человеческой природы, отмечал, что город не просто физический механизм и искусственная конструкция, он включен в жизненные процессы людей, которые и составляют его; это продукт природы, и особенно природы человеческой [4]. Люди должны соответствовать условиям проживания в рамках городского образа жизни, только в этом случае они будут чувствовать комфортность своего существования и быстро адаптироваться к специфическим параметрам данной среды. Человек в городе становится существом мобильным, легко отзывающимся на новые веяния и активно приспосабливающимся к процессам преобразований в различных сферах жизни, что является характерным для разрастающихся мегаполисов. В городах с развитием всевозможных отраслей промышленности и хозяйственной деятельности постоянно возникает потребность в новых профессиях, что подталкивает людей к более активному обучению в разнообразных направлениях для получения новых навыков и знаний, востребованных обществом в конкретные периоды развития.

Реклама как социальное явление впитывает в себя все аспекты изменений в общественной жизни человека и регулярно предлагает миллионам людей, проживающих в городах, новые виды товаров и услуг, необходимые членам общества для успешного освоения реалий социального бытия в мегаполисах. Как уже отмечалось, с возрастанием численности населения городов перед миллионами людей остро встает проблема транспорта. В крупных городах

строятся линии метрополитена, расширяются сети автобусных, троллейбусных, трамвайных линий, которые позволяют человеку в короткие сроки добраться из одной точки мегаполиса в другую.

В XX в. именно для удовлетворения потребностей прежде всего городских жителей создавались крупные компании по производству автомобилей. Это явление характерно для всех наиболее развитых стран мира: США, Великобритании, Франции, Германии и др. Автомобиль стал предметом массового спроса, он необходим городским жителям для быстрого перемещения в условиях напряженного ритма жизни мегаполиса.

Миллионы выпускаемых автомобилей в XX в. стали символом технического развития общества, успехов той или иной страны в области промышленного производства и ее позиции на мировой арене в экономической конкуренции с другими государствами.

Реклама, будучи связанной с экономическими преобразованиями в жизнедеятельности людей, стала мощным фактором формирования устойчивых предпочтений у населения при покупке автомобилей. Здесь следует отметить особенности, характерные для жизнедеятельности человека в XX в.: во-первых, объективная потребность в личном транспортном средстве в городе; во-вторых, автомобиль – это своеобразный маркер принадлежности человека к определенному социальному слою в обществе; в-третьих, обладание дорогой, новейшей моделью автомобиля подчеркивает высокий социальный статус личности и тем самым выделяет индивида из массы. «У городского жителя другой уровень сознания, структура и характер отношений к миру вещей» [5, с. 23]. Вещь становится символическим знаком.

Активное участие рекламных компаний в формировании массового спроса на выпускаемые автомобили явилось во многом ключевым фактором, создавшим в обществе обширный сегмент рынка, рамки которого в течение XX в. всё более расширялись, вовлекая миллионы людей в процесс потребления данного вида продукции общественного производства. Автомобиль как необходимый компонент жизнедеятельности города в прошедшем столетии занял важное положение среди материальных приоритетов человека. «Еще с 1920-х гг. в General

Motors подчеркивали важность идеи сегментирования рынка и придавали своеобразие каждой из сходящихся с конвейеров компании марок автомобилей... Новые модели предлагались не просто как средство передвижения; они воплощали образ жизни. Девизом эпохи были слова „Скажи, какая у тебя машина, и я скажу, кто ты”» [6, с. 314].

Значительное увеличение в XX в. количества автомобилей вызвало к жизни интересное явление в сфере рекламной деятельности. Чтобы добиться более высоких результатов в распространении различных товаров и услуг среди населения, рекламные обращения стали размещать на самих транспортных средствах. Рекламные тексты в массовом порядке появились на внешней и внутренней сторонах общественных и частных транспортных средств. По улицам городов стали курсировать многочисленные автобусы, троллейбусы, трамваи с нанесенными на них рекламными призывами, символами, красочными логотипами. Миллионы городских жителей оказываются под непрерывным воздействием рекламы, призывающей к приобретению продукции конкретных фирм и корпораций и использованию услуг, предоставляемых определенными организациями. Они постоянно получают информацию, влияющую на создание стереотипов поведения при выборе продукции и услуг, используемых в повседневной жизни. Такая реклама формирует предпочтения у больших масс людей.

Городское население, проживающее в жилых районах мегаполисов, стремится получить необходимые услуги вблизи своего дома, чтобы сэкономить время. Как правило, около жилых массивов концентрируются многочисленные магазины, разнообразные мастерские по ремонту одежды, обуви, бытовой техники, парикмахерские, детские сады, школы, спортивные залы, кафе, кинотеатры, другие заведения и учреждения, где житель города может удовлетворить свои насущные потребности, где ему могут быть оказаны различные виды услуг. Такое расположение вышеперечисленных заведений и учреждений создает систему микрорайонов, пространственно ориентированных на обеспечение жителей мегаполисов социально важными видами деятельности. «Процесс коллективного потребления структурирует пространство, способствует созданию городских территорий и

организации предметов коллективного потребления в повседневной жизни всех социальных групп» [7, с. 21].

Реклама не может не использовать данную организацию городской жизни, потому что удовлетворение повседневных потребностей человека в условиях мегаполиса приносит значительную финансовую выгоду той сети организаций и учреждений, которая функционирует в микрорайонах города. При рекламировании услуг и деятельности этих заведений и учреждений внимание человека акцентируется на то, что он может воспользоваться результатами работы этих организаций непосредственно в месте своего проживания, не затратив значительных усилий и, что важно, сэкономив время.

Урбанизация обуславливает разделение площади городов на определенные зоны, условия проживания в которых могут существенно различаться. Постепенно выделяются районы, где проживать очень престижно с социальной точки зрения, где уровень жизни и запросы потребителей значительно выше, чем в микрорайонах, где живут люди, имеющие низкие доходы, работающие на производствах, не требующих высокой профессиональной подготовки. Данный процесс объективно отражается на уровне потребления товаров, услуг и требованиях, предъявляемых членами общества, проживающими в разных районах города, к качеству приобретаемой продукции и услуг, цене, ассортименту, их соответствию новинкам моды и актуальности.

В интересах производителей товаров и услуг при размещении рекламных обращений в разных городских районах учитываются интересы и потребительский спрос людей, проживающих на этих территориях, что положительно влияет на экономические результаты распространения продукции и услуг. Кроме того, жители престижных районов, обладающие более высоким социальным статусом и значительными финансовыми ресурсами, требуют повышенного уровня качества самих рекламных текстов, рекламных носителей, чтобы они удовлетворяли уровню культуры и индивидуальных запросов представителей наиболее успешных слоев социума.

Одним из реальных показателей успешности человека в общественной жизнедеятельности становится обладание недвижимостью:

домами, квартирами, участками земли, расположенными в наиболее престижных районах, что также свидетельствует о разделении общества на разные социальные слои. Люди, стремясь приобрести дом, квартиру, какой-то объект в наиболее популярном районе города, прилагают максимум усилий для реализации своих намерений, и достижение данного результата во многом подчеркивает их индивидуальную успешность как в собственных глазах, так и в оценке окружающих.

Реклама, используя данные мотивы поведения людей, стремится донести до возможных потребителей все преимущества от обладания недвижимостью в самых престижных районах мегаполисов и успешно формирует в сознании многих членов общества предпочтения, которые определяют направленность усилий в течение значительных промежутков времени.

Появилась и новая форма рекламы в этой сфере – коммуникация в закрытом сообществе владельцев недвижимости. Современная тенденция общения в социальной сети с людьми, обладающими схожими интересами, была использована с целью формирования предпочтений.

Урбанизация непосредственным образом влияет на социальную стратификацию общества. Городские мегаполисы постоянно подпитываются переселенцами из сельской местности и поселков, где, как уже отмечалось, люди живут в другом темпе, ритм их жизнедеятельности значительно ниже, чем в крупных городах. На первый взгляд это является значительным преимуществом социального бытия человека, однако в городах значительно больше возможностей и вариантов реализации способностей индивида, есть перспектива его роста в профессиональном, культурном, экономическом и социальном планах. «Большие города выполняют цивилизирующую роль, являясь благоприятной средой для дифференциации человеческой деятельности, интеграции ее разнообразных видов и форм, для становления на этой основе развитого и универсального общения людей. Среди преимуществ городской жизни – широкие возможности выбора работы, получения образования и профессии, приобщение к культурным ценностям, творческой деятельности, высокий уровень обслуживания» [8, с. 29]. Все это является объективным стимулом для при-

влечения в города наиболее активных, деятельных и амбициозных членов общества.

Процесс урбанизации, особенно отчетливо проявляющийся в наиболее развитых странах мира, служит своеобразным всасывающим механизмом, втягивающим всё новые миллионы людей в сферу городской жизни. Проживающие в мегаполисах привыкают к доступности всех достижений технического прогресса, передовой культуры, высокому уровню обслуживания их разнообразных потребностей. При этом урбанизация ведет к концентрации в городах наиболее творчески активных членов общества. Данная тенденция подстегивает темп изменений в разных сферах социального бытия, потому что высокая концентрация одаренных, полных энергии людей в определенных городских образованиях объективно обостряет конкуренцию между представителями передовых социально значимых групп населения. Конкуренция позволяет добиваться высоких результатов в новых областях производства, науки, культуры. Это привлекает в города лиц, склонных к творчеству и способных к достижениям, принципиально изменяющим все сферы социального бытия.

Реклама как фактор влияния на сознание миллионов людей в течение XX в. эффективно формировала у них предпочтения и мнение, что добиться успеха в жизни можно прежде всего в городе, где больше возможностей для реализации индивидуальных качеств личности. Ведущие корпорации мира в прошлом веке, как правило, располагались в крупных городах передовых держав. Это подтверждает мнение, что талантливому и социально активному человеку легче добиться признания и общественного успеха, если он работает в одном из ведущих производственных объединений.

Общественное признание получают лица, сумевшие в условиях жестокой конкуренции проявить свои индивидуальные качества и тем самым выделиться из миллионов жителей мегаполисов. Они являются притягательным символом личного успеха и воплощением потенциальных возможностей, которые предоставляет город каждому его жителю.

В рекламных обращениях в XX в. нередко популяризировались образы руководителей ведущих корпораций, представителей финансового бизнеса, добившихся признания в обществе благодаря своей энергии, таланту и высокой работоспособности, чтобы лишний раз утвердить в общественном сознании мысль, что любому человеку, проживающему в городской среде, доступны любые высоты в социальной иерархии.

Урбанизация в XX в. обусловила быструю смену идеалов и ориентиров в социально-экономической сфере деятельности человеческого общества. Концентрация в мегаполисах значительного количества лиц, склонных к творческой активности, нестандартно подходящих к возможным вариантам развития всех сфер общественного производства, культуры и социального образа жизни, привела к тому, что в относительно короткие промежутки времени создаются всё новые и новые образцы товаров и услуг, выдвигаются ранее не известные политические деятели, вызывающие общественный интерес. Это обуславливает постоянное возрастание числа возможных вариантов выбора у больших масс людей.

Город также способствовал появлению такого рекламного жанра, как витрина. Множество магазинов стали использовать фасады, чтобы привлечь внимание потенциальных покупателей. «Главная цель витринной экспозиции – дать информативное представление о товарах, которые предлагает тот или иной магазин. Однако это должно быть эстетизированное и декорированное, а не „протокольное” их представление» [9, с. 132]. В.А. Сачкова считает, что появятся «города-магазины». Центр такого города – «гипермаркет, прообраз разросшегося городского рынка» [10, с. 23].

В условиях высокой плотности населения в городах реклама является весьма эффективным социальным механизмом, который при умелом его использовании способен формировать взгляды и предпочтения как отдельных социальных групп и слоев, так и широких масс населения. Возникают новые каналы ее распространения. Коммуникация строится с учетом влияния городской среды на человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Агеева Е.Ю.** Город как социокультурное образование: функционально-типологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. арх.-строит. ун-та, 2005. 48 с.
2. **Вирт Л.** Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93–118.
3. **Камаева О.П.** Урбанизация и проблема общения по месту жительства в крупном городе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1990. 17 с.
4. **Парк Р.** Город как социальная лаборатория // Социол. обзор. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12
5. **Тыхеева Ю.Ц.** Человек в городском пространстве: философско-антропологические основания урбанизации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 35 с.
6. **Сивулка Дж.** Мыло, секс и сигареты. История американской рекламы. / пер. с англ. под ред. Л.А. Волковой. СПб.: Питер, 2002. 576 с.
7. **Савченкова В.М.** Концепции города и урбанизации в западной социологии: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2005. 27 с.
8. **Демиденко Э.С.** Урбанизация: концепция и политика городского развития: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1992. 46 с.
9. **Ученова В.В., Гринберг Т.Э., Конаныхин К.В. и др.** Реклама: палитра жанров. М.: Гелла-принт, 2004. 248 с.
10. **Сачкова В.А.** Урбанизация как социальный процесс: философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 2013. 24 с.

ДЕМИДОВА Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: elena_demidova@mail.ru

E.N. Demidova

URBANIZATION AS A PROCESS OF INFLUENCING ADVERTISING

Article is devoted to an urgent problem of determination of advertising by such sociocultural process as an urbanization. The complex of factors which promoted advertising development, emergence of different forms and types of this phenomenon is considered. The research is conducted by method of the philosophical and culturological analysis allowing to reveal the mechanism of impact of process of an urbanization on advertising development, and also increase of its role in culture. Advertising creates symbolical space for sociocultural educations, begins to participate in formation of valuable orientations of society. In article the moments of development of the city, an advertising response to these moments are traced. Difficult interlacings the cities, persons and advertising are in details shown round. Examples of how the city has own specifics are given, changes the person getting to the urban environment. It is shown a role in this process of advertising. Process division of the square of the cities into the certain zones differing in accommodation conditions is presented. It is considered as the place of residence, the real estate is got by additional symbolical characteristics that is formed by advertising. The interrelation of quality of advertising in various districts of the city and the requirement of prestige is analysed, and also that how this moment promotes its development. It is studied how emergence of a problem of availability in the city led to mass emergence of the car. It is shown how the car, being the vehicle, also receives the symbolical characteristics underlining

the status of the owner. Besides, transport becomes the advertizing carrier that became possible in large quantities in the city. Materials of article can be used when training students in discipline “Advertizing stories”, “Sociology of mass communications”.

CITY; URBANIZATION; ADVERTIZING; SOCIOCULTURAL PHENOMENON; URBANISM.

REFERENCES

1. Ageyeva Ye.Yu. *Gorod kak sotsiokul'turnoye obrazovaniye: funktsional'no-tipologicheskii analiz*. Avtoref. dokt. dis. [City as sociocultural education: Functional and typological analysis. Abstr. doct. diss.]. Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskiy gosudarstvennyy arkhitekturno-stroitel'nyy univ. Publ., 2005. 48 p. (In Russ.)
2. Virt L. *Izbrannyye raboty po sotsiologii*. Moscow, 2005. Pp. 93–118. (In Russ.)
3. Kamayeva O.P. *Urbanizatsiya i problema obshcheyeniya po mestu zhitelstva v krupnom gorode*. Avtoref. kand. dis. [Urbanization and problem of communication at the place of residence in the large city. Abstr. cand. diss.]. Sverdlovsk, 1990. 17 p. (In Russ.)
4. Park R. [City as social laboratory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2002, vol. 2, no. 3, pp. 3–12. (In Russ.)
5. Tykheyeva Yu.Ts. *Chelovek v gorodskom prostranstve: filosofsko-antropologicheskiye osnovaniya urbanizatsii*. Avtoref. dokt. dis. [The person in city space: Philosophical and anthropological bases of an urbanization. Abstr. doct. diss.]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2004. 35 p. (In Russ.)
6. Sivulka Dzh. *Mylo, seks i sigarety. Istoriya amerikanskoy reklamy* [Soap, sex and cigarettes. History of the American advertizing]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 576 p. (In Russ.)
7. Savchenkova V.M. *Kontseptsii goroda i urbanizatsii v zapadnoy sotsiologii: teoretiko-metodologicheskii analiz*. Avtoref. kand. dis. [Concepts of the city and urbanization in the western sociology: teoretiko-metodologicheskii analysis. Abstr. cand. diss.]. Moscow, MGU Publ., 2005. 27 p. (In Russ.)
8. Demidenko E.S. *Urbanizatsiya: kontseptsiya i politika gorodskogo razvitiya*. Abstr. doct. diss. Moscow, 1992. 46 p. (In Russ.)
9. Uchenova V.V., Grinberg T.E., Konanykhin K.V., Petrushko M.V., Shomova S.A. *Reklama: palitra zhanrov*. Moscow, Gella-print Publ., 2004. 248 p. (In Russ.)
10. Sachkova V.A. *Urbanizatsiya kak sotsialnyy protsess: filosofskiy analiz*. Avtoref. kand. dis. [Urbanization as social process: philosophical analysis. Abstr. cand. diss.]. Moscow, MGTU Publ., 2013. 24 p. (In Russ.)

DEMIDOVA Elena N. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: elena_demidova@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ СИСТЕМЫ
УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ПАМФЛЕТЕ Б. МАНДЕВИЛЯ
«РАССЛЕДОВАНИЕ ПРИЧИН УЧАСТИВШИХСЯ КАЗНЕЙ В ТАЙБЕРНЕ»**

Проанализированы композиция и идейное содержание малоизвестного произведения английского философа-моралиста первой четверти XVIII в. Бернарда Мандевилля (1670–1733) – памфлета «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне» (1725). Выявлено отношение его автора к современной ему системе английского уголовного правосудия. Рассмотрено целостное представление о преступнике и преступности в общественном сознании в то время. Б. Мандевиль в своем памфлете дал шокирующее описание шествия приговоренных к смертной казни к месту экзекуции и провел глубокий психологический анализ поведения толпы и преступников. Философ обосновывает предположение, что причины роста преступности сокрыты в особенностях общественного отношения к этому феномену, т. е. социально обусловлены. Он критикует представителей власти за «позорные переговоры» с преступниками, а современников – за «ложный гуманизм» и равнодушие по отношению к ним.

АНГЛИЯ; XVIII ВЕК; ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ; БЕРНАРД МАНДЕВИЛЬ; ПРЕСТУПНОСТЬ; НАКАЗАНИЕ.

Географическое название местечка Тайберн – в XVII–XVIII вв. деревушки в графстве Мидлсекс близ Лондона – стало в английском языке частью специфических идиом и пословиц, связанных со смертью. Еще со времен средневековья Тайберн был официальным местом проведения публичных казней, поэтому пожеланием идти «дорожкой до Тайберна» (*to take a ride to Tyburn*) прочили человеку незавидную участь, «властителем Тайберна» (*Lord of the Manor of Tyburn*) нарекали потенциальную жертву «тайбернского дерева» (*Tyburn Tree*) – трехногий виселицы, приспособленной для казни нескольких преступников одновременно.

На казни в Тайберне собирались рекордные толпы зрителей: так, в 1776 г. свидетелями исполнения приговора стали 30 тыс. человек, а в 1767 г. – 80 тыс. любопытных. Для желающих

увидеть казнь сооружались деревянные трибуны, некоторые гильдии в день экзекуции даже давали выходной мастерам и ученикам. Изначально публичность смертной казни предположительно несла дидактические функции, как бы напоминая собравшимся: за совершенное преступление неминуема виселица. В предвзятой работе палача пламенной проповеди пуританский священник, совмещая понятия земного правосудия и небесной кары за грех, пугал толпу «пучиной вечных страданий, в которую погружается душа грешника». В начале XVII в. лондонский купец завещал Церкви Святого Гроба Господня, находившейся напротив печально знаменитой лондонской тюрьмы Ньюгейт, колокол, чтобы он «звонил всякий раз, когда процессия осужденных к смертной казни направлялась в Тайберн, напоминая о

подготовке к вечности» [1, с. 1]. Однако столетие спустя устрашающий эффект виселицы и эшафота был окончательно утрачен, а «ярмарка Тайберна» (*Tyburn Fair*) превратилась в красочное шоу, своеобразный городской праздник-карнавал. Характеризуя нравы лондонцев XVIII в., крупнейший знаток социальной истории Англии Дж. Тревельян отмечал: «Англичане всё еще любили присутствовать при наказании тех, чьи действия они не одобряли» [2, с. 377].

В 1725 г. был напечатан памфлет английского философа-моралиста Бернарда Мандевилля (1670–1733) «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне» [3]. В отечественной научно-исследовательской практике идейное наследие одного из величайших мыслителей английского Просвещения Б. Мандевилля не удостоено должным вниманием. Между тем философские проблемы, которые публицист затрагивает в своих эссе, заслуживают глубокого интеллектуального анализа. Мандевиль — мыслитель, «остро чувствовавший пульс своего времени», — работал на стыке философии и художественной литературы и зарекомендовал себя не только как глубокий философ и экономист, но и как незаурядный психолог. Философско-этические и социально-политические взгляды Б. Мандевилля впервые «открыл» для советского читателя сотрудник Института философии АН СССР А.Л. Субботин в биографическом очерке из серии «Мыслители прошлого», вышедшем в 1986 г. [4]. Сам автор называл свою работу «книгой о книге» [5, с. 5], так как предложил детальный философский анализ главного сочинения Мандевилля — знаменитой «Басни о пчелах». Рассматриваемый нами памфлет упоминается в труде А.Л. Субботина всего один раз — в разделе «Даты жизни и деятельности» [Там же. С. 11].

Творчество великого просветителя получило высокую оценку в работах современного историка И.М. Эрлихсон, которая в серии статей провела серьезный социокультурный анализ взглядов Мандевилля и впервые ввела в научный оборот не переводившиеся ранее на русский язык его памфлеты и философские эссе [6, 7]. Однако памфлет «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне» Эрлихсон пока не рассматривала в своих трудах, из чего можно сделать предположение, что данный шедевр публицистической деятельности Мандевилля

еще не известен российскому исследователю. Этот памфлет сложился из серии писем, опубликованных на страницах «Британского журнала» в 1725–1726 гг. До 2010-х гг. он был практически не известен широкому кругу читателей и не переиздавался как отдельное произведение. В 2011 г. электронная версия памфлета была размещена в полнотекстовой базе архивных документов «Проект Гуттенберга» [3], а в 2015–2016 гг. несколько частных издательств выпустили его отдельным изданием, но ограниченным тиражом. Можно с уверенностью заявить, что данный трактат никогда не переводился на русский язык в отличие от других, более известных произведений писателя-философа. Попробуем провести анализ произведения в социально-культурном контексте эпохи и открыть российскому читателю еще одно уникальное произведение из богатого идейного наследия английского Просвещения.

Колоритное и «завораживающее до жути» описание «ярмарки Тайберна», приведенное Б. Мандевилем на страницах памфлета, шокировало даже современников, которые неоднократно становились невольными или намеренными участниками этого зрелища. Автор начинает с предположения, что грешника в день казни, казалось бы, должно постигнуть раскаяние: от преступников ожидаемы чувство глубокой печали, состояние замкнутости в себе, молчание, признаки совестных мук или вполне понятное тревожное беспокойство. Но налицо прямо противоположная картина: беспрестанный гомон голосов, брань, крики, часто громкий смех, выкрики проклятий доносятся из каждого угла тюрьмы Ньюгейт. Дорогу из Ньюгейта в Тайберн осужденные на смертную казнь преодолевали на повозках, ведомых волами. Мандевиль дает подробное описание первого появления повозок из ворот тюрьмы. Их встречает радостно возбужденная толпа, для которой «ярмарка Тайберна» — часть зрелищного шоу. Как бы между прочим, отмечает автор, в толпе своим ремеслом занимаются шлюхи, могут сцепиться и пустить в ход кулаки провокатор и спровоцированный, дешевое сомнительное пойло щедро предлагают на всем пути из Ньюгейта в Тайберн [Там же]. Обязательно найдется кто-то, кто будет расшвыривать трупы кошек, собак и прочую «грязно-пакостную мерзость», стараясь попасть в того зеваку, у которого пла-

тье почише и побогаче на вид, — это тоже часть ритуала дороги в Тайберн.

Памфлетист обращает особое внимание читателя на одно обстоятельство: заключенным на каждом шагу из толпы протягивают алкоголь, а те стараются выпить по возможности больше, чтобы заглушить свой страх, поэтому процессия останавливается несколько раз (в последующих главах памфлета Мандевиль еще вернется к разбору этого момента и даст тонкий психологический анализ ситуации). Если на казнь едет какой-нибудь особый «ветеран» преступного мира, продолжает автор, молодежь, рискуя порвать одежду и переломать кости, лезет через толпу, чтобы пожать руку «властелину Тайберна». С приближением к виселице экзальтация зрителей возрастает: бывали случаи, когда зеваки, затоптанные толпой, погибали раньше тех, кто по приговору едет навстречу своей смерти. Приговоренные к смертной казни стараются не обмануть ожидания толпы: последнее слово готовится тщательно и иногда даже зачитывается с листа. Содержание предсмертной речи варьирует от неистового раскаяния и покаяния в стремлении вымолить прощение перед Богом и людьми до откровенной дерзкой бравады и насмешки над властями, причем последнее случается гораздо чаще [3].

Четвертая глава памфлета Мандевиля содержит анализ «ложных суждений, возникающих от созерцания предсмертного поведения приговоренных к казни». Публицист высказал интересное предположение: причина участвовавших казней в Тайберне может быть сокрыта, в том числе, и в поведении толпы, которая побуждает преступника к проявлению смелости и аплодирует «хорошей смерти». Мандевиль назвал такое поведение «соучастием во Зле» (*an accessory Evil*). Для человека, осознающего ценность жизни, размышляет автор, нет страха, равного по могуществу страху смерти. Истории многих христианских мучеников, которые с готовностью и кротостью, сродни настоящему мужеству, принимали смерть в огне или других муках, сформировали отношение к проявлению твердости перед лицом смерти как к добродетели: «Таким образом, святые мученики страдали мужественно за веру и, обладая секретом пути к вечному счастью, поспешали к смерти с готовностью, и даже радовались разговаривавшемуся пламени» [Там же]. Ввиду этого укоренившегося

архетипа, считает автор, публика, с одной стороны, восхищается стойким принятием смерти преступником и восклицает: «Хорошо умер!», с другой — осыпает оскорблениями тех, кто цепляется за жизнь, приравнивая слезы к малодушию. В этом Мандевиль видел извращенность отношения толпы к принятию смерти: стоит ли рукоплескать негодяю, который, не раскаявшись, «смело погружается в пучину вечных страданий»? Страх смерти можно побороть не только благостью, как в случае принятия смерти святыми, но и гневом, гордыней и другими страстями. «Почему же тогда толпа радуется несокрушимости злодея в его бесчестии?» — недоумевает Мандевиль. В то же время, продолжает нить размышлений философ, публика осуждающе освистывает проявление скорби и слезы узника, которые как раз и могут быть признаками не малодушия, а истинного раскаяния.

Б. Мандевиль выказал уверенность в том, что страх смерти испытывает каждый, и даже тот, кто принимает смерть с бравадой, но страх быть трусом в глазах толпы заглушает робкие всплески совести и последний шанс подумать о приготовлении души к другой жизни. Именно в этом памфлетист видел объяснение жадной тяги преступников к алкоголю по пути в Тайберн — стремление утопить в нем свой страх и мысли о смерти. Психологию толпы, пришедшей на казнь, Мандевиль сравнивает с состоянием опасной экзальтации, в которую впадали первобытные люди во время массовых человеческих жертвоприношений. Самое ужасное, продолжает автор, что с окончанием работы палача зрелищное действие не заканчивается. Разворачивается новый акт — сцена перебранки за тела повешенных между гильдией врачей-хирургов, которые предъявляют право на анатомическое изучение тел казненных, и представителями родственников или «преступного клана» повешенного, требующими предать земле непоруганное тело [Там же].

Анализируемый памфлет открывался публике не сразу, а по частям. Это позволяло автору держать читателя в напряженном внимании к проблеме. Представив на суд просвещенной общественности описание шествия в Тайберн, памфлетист взял небольшую паузу перед репрезентацией своей оценки ситуации. В последующих главах Мандевиль пытался донести до общественности и представителей власти мысль о

том, что открытое зрелище «ярмарки Тайберна» и вызываемый ею ажиотаж как раз и способствуют учащению публичных казней. В то время как это последнее путешествие должно символизировать приготовление к другой жизни, в то время как зрители должны пораженно молчать перед торжественным ужасом вечности, шествие в Тайберн вызывает прямо противоположный эффект: пьяная разнузданная толпа предвкушает смачное зрелище. Всё это, на взгляд публициста, только развращает публику.

В своем трактате Б. МанDEVИЛЬ придерживался убеждения: наказание, особенно исполнение высшей меры, непременно должно стать закрытым процессом, так как от его публичности уже нет ожидаемого превентивного или дидактического эффекта. Впоследствии знаменитый французский философ-криминолог М. Фуко наречет вторую половину XVIII столетия «эрой карательной сдержанности», когда наказание постепенно станет наиболее скрытой частью уголовной процедуры [8]. Таким образом, можно предположить, что МанDEVИЛЬ в своей работе интуитивно почувствовал вектор развития системы исполнения наказаний в последующий период, не смотря на то что его время вошло в историю как «эпоха „Кровавых кодексов”» и публичных казней.

Бернарда МанDEVИЛЯ не без основания считают философом-моралистом, подчеркивая лейтмотив его произведений – скандальное и сатирическое осуждение общественных нравов, обличение всеобщей порочности и плутовства. А.Л. Субботин предложил следующую оценку взглядов просветителя: МанDEVИЛЬ был, наверное, первым из английских философов и моралистов, кто подверг это двуликое сознание своих соотечественников едкой и беспощадной критике и показал, с каким моральным отчуждением связаны их свобода, собственность и благополучие [5, с. 23]. Подтверждение суждения А.Л. Субботина мы находим на страницах памфлета «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне». Анализируя причины роста преступности в столице в начале XVIII в., МанDEVИЛЬ обращает внимание на порочную схему борьбы с этим социальным явлением. В главе «Возвращение воров по кражи¹ во избе-

жание наказания как порождение нового преступления» он изобличает причудливые формы расследования имущественных преступлений. В случае «громкого хищения» особо ценного ювелирного украшения, произведения искусства, иной материальной ценности всегда есть шанс возратить украденное, обратившись в «канцелярию Джонатана Уайлда²». Владелец, утративший драгоценную вещь, давал объявление о пропаже в газету с просьбой вернуть за вознаграждение, и тогда «контора Уайлда» возвращала ценность за «комиссионные» [3].

Безусловно, в обстоятельствах, порожденных разветвленным преступным миром столицы и практическим отсутствием полиции, последняя предпочитала сотрудничать с агентами такого рода, так как это гарантировало хоть какие-то шансы вернуть украденное. Комментируя состояние полиции и правосудия в XVIII в., Дж. Тревельян саркастически заметил: «Действительно является чудом, что наши предки вообще могли охранять общественный порядок и частную собственность» [2, с. 376–377].

МанDEVИЛЬ справедливо усмотрел в такой практике порочный круг: кража – посредничество мошенников – успешное возвращение через обогащение безнаказанных мошенников – соблазн последующей кражи. Эту цепочку он назвал «компоновкой нового преступления» (*Compounding of Felony*): побуждение нищих и карманников красть из чужих карманов и своеобразная гарантия безнаказанности за содеянное. Но вину за сложившуюся ситуацию памфлетист возлагал не на правоохранительные органы, а как раз на «двуликое сознание своих соотечественников». МанDEVИЛЬ подвергает разбору возможные мотивы тех, кто, по его мнению, косвенно способствовал росту мелкой преступности: «Я буду дураком, скажет некто, если не попытаюсь вернуть свою ценную вещь, пусть даже за вознаграждение... Лучше потерять

¹Перевод английского устоявшегося понятия Theftbote.

²Джонатан Уайлд – знаменитый английский преступник, «воролов». В истории криминального мира остался ярким примером «синтеза несочетаемого» – преступник и борец с преступностью. Руководил преступными бандами, занимавшимися кражами, а после возвращал краденое за крупное вознаграждение законным владельцам. Сотрудничал с полицией, попросту «сдавая» соперников и не подчинившихся его власти воров.

часть, чем всё... Я ничего не могу поделать с фактом существования воровства, подумает другой, так если мне хотя бы удастся вернуть свое, — это всё, что мне нужно. Что мне с того, что бедолагу повесят?... Третий сердобольно скажет, что готов был бы и в десяток раз больше потерять, лишь бы не быть причиной чьей-то смерти» [3]. Такое отношение можно счесть за «преступное бездействие», когда хозяин имущества, получив вещь обратно, на радостях стыдливо закрывает глаза на то, каким путем к нему вернулось это имущество.

Позицию полиции Мандевиль безусловно осуждал за «позорные переговоры с ворами», но позицию общества критиковал гораздо суровее за ложный гуманизм на грани безнравственности. Он подчеркивал свойственную высшему классу «моду на филантропию», в том числе по отношению к убогим, нищим, узникам и преступникам. Но, рассуждает философ, филантропия не будет иметь должного эффекта «на рыхлом фундаменте» общественного отношения к феномену преступности. Бернард Мандевиль происходил из семьи врачей, он даже защитил диссертацию по медицине, но в своих трудах задавался символической целью — препарировать человеческие пороки. Рассматривая «разрушительные последствия платы за покражу», автор обрушивает критику на тех, кто готов скорее вернуть свое за вознаграждение, поощрив тем самым дальнейший рост преступности, нежели придерживаться четкой позиции о неотвратимости наказания за преступление, пусть даже ценой утраты своего имущества безвозвратно. «Эта проблема, — рассуждает Мандевиль, — также заслуживает пристального внимания мудрецов, и мне хотелось бы, чтобы те, кто наделен излишним состраданием к мелким преступникам, задумались, не обернется ли их несвоевременная жалость еще большей жестокостью впоследствии» [Там же]. Памфлетист приводит пример малолетнего жулика, который рано вкусил ощущение безнаказанности за преступления. От раза к разу его злодеяния становились всё изощреннее, преступное ремесло затягивало, и шансов дожить до среднего возраста у него становилось всё меньше. Его судьба предначертана, и выбор невелик: делиться большей частью награбленного с «вышестоящими рангами» преступного мира и тем самым быть вы-

нужденным непрерывно грабить либо, дерзнув, проявить лидерство, быть преданным своими же «товарищами по цеху» и оказаться «властителем Тайнберна». В глазах Мандевиль общество косвенно виновно в том, что не предоставляет этому молодому человеку шанса и возможности вырваться из порочного круга преступления, проявляя к его судьбе смесь жалости и равнодушия.

На самом деле современная Мандевиллю система английского уголовного правосудия представляла собой «нелогичный хаос законов». С одной стороны, список преступлений, караемых смертной казнью, в течение XVIII в. постоянно пополнялся и достиг рекордных размеров — почти 200 видов, что послужило основой для выражения «эпоха „Кровавых кодексов”». С другой стороны, с учетом «моды на гуманизм и филантропию» присяжные часто отказывались признавать людей виновными в мелких преступлениях, понимая, что это может привести преступника на эшафот. Так, например, в период между 1780 и 1830 гг. к смертной казни в Англии были приговорены 35 тыс. человек, но фактически в исполнение была приведена только пятая часть приговоров [9, с. 9]. По замечанию Ч. Беккариа, известного пенитенциариста, наказание в восприятии преступника становилось «сродни азартной игре, в которой всегда есть шанс его избежать» [См.: 10, с. 26]. Во второй половине XVIII в. Беккариа обстоятельно обосновал фундаментальный закон уголовного правосудия: осознание преступником неотвратимости и незамедлительности даже незначительного наказания гораздо эффективнее, чем страх перед более суровым наказанием, которого можно избежать. Представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что Б. Мандевиль предвосхитил положения классической пенологии — науки об исполнении наказания. В своем памфлете он призывал общество оставить «ложную филантропию» и малодушное желание вернуть свое и, заняв твердую высоконравственную позицию, придерживаться принципа справедливого и неотвратимого наказания.

Таким образом, Б. Мандевиль, глубокий философ, грамотный экономист [11], тонкий психолог и талантливый публицист, может встать в один ряд с основателями гуманистического направления в пенологии. Предуга-

дав и даже обозначив направление эволюции уголовно-исполнительной политики Англии в XVIII в., философ, опередив С. Ромилли на полвека, практически подошел к обобщению важного положения о социальной обусловленности преступления и влиянии общественной среды на состояние и динамику преступности. В предисловии к памфлету он так обозначил свою задачу – выдвинуть на обсуждение просвещенной общественности вопрос о «корректировке» методов исполнения уголовных наказаний. Публицист несколько утопично грезил о заманчивой конечной цели своего труда – повышении эффективности наказания и сокращении числа потенциальных преступников.

Тем не менее Мандевиль самокритично признавал, что не тешит себя иллюзиями, что его работа кардинально изменит ситуацию и сможет предотвратить неуклонный рост преступности или способствовать удержанию «мелких ворюшек» от соблазна преступной жизни. Однако, представив анализ социально-психологической природы «ярмарки Тайберна» и сформулировав свои предложения по организации исполнения наказаний, просветитель поставил вопрос о гуманизации уголовного правосудия. Во второй половине XVIII в. Англии суждено было стать пионером, примером и даже учителем для других европейских стран в практике реформ уголовно-исполнительной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Throness L.** A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot: Ashgate, 2008. 379 p.
2. **Треvelyан Дж.М.** Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2002. 624 с.
3. **Mandeville B.** An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn (1725) // Free ebooks by Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt> (дата обращения: 01.07.2016).
4. **Субботин А.Л.** Бернард Мандевиль. М.: Мысль, 1986. 136 с.
5. **Субботин А.Л.** Бернард Мандевиль. М.: ИФРАН, 2013. 111 с.
6. **Эрлихсон И.М.** Памфлет Б. Мандевиля «Благоразумные аргументы в защиту государственных публичных домов»: к вопросу о цели написания и жанре // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 66–87.
7. **Эрлихсон И.М.** Проблема истинной веры и атеизма в английской публицистике первой половины XVIII в. («Свободные мысли о религии, церкви и национальном благоденствии» Б. Мандевиля, 1729) // История. 2014. № 10 (33). URL: <http://history.jes.su/s207987840000898-6-1>.
8. **Фуко М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
9. **Gatrell V.** The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford, 1994. 656 p.
10. **Maestro M.** Cesare Beccaria and the Origins of Penal Reforms. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1973. 179 p.
11. **Блауг М.** Мандевиль Бернард // 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономикс, 2008. С. 198–199.

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна — кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии права и управления ФСИИ России.

Россия, 390000, Рязань, ул. Сенная, 1
e-mail: VASI-SVETLANA@yandex.ru

S.A. Vasileva

THE PROBLEMATIC OF PENAL REFORMS IN ENGLAND IN A PAMPHLET "THE ENQUIRY INTO THE CAUSES OF THE FREQUENT EXECUTIONS AT TYBURN" (1725) BY B. MANDEVILLE

The article is focused on the less-known work "The Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn" by Bernard Mandeville, an early XVIIIth century English philosopher and moralist. The analysis of the pamphlet's style and ideological content reveals the author's attitude to the English system of criminal justice in the early XVIII century. The study tests a comprehensive author's view of the perception of the offender and crime in the public consciousness. The author of the pamphlet presented a shocking description of the procession of the condemned man to the place of execution at Tyburn and conducted in-depth psychological analysis of crowd behavior and criminal's conduct. Bernard Mandeville justified the assumption that the causes of crime are based in the peculiarities of social attitude to this phenomenon, i. e. socially determined. Mandeville criticized the authorities for "shameful negotiations" with thieves, and disapproved contemporaries for "the false compassion of the tender-hearted" and indifference towards felony.

ENGLAND; XVIII CENTURY; SOCIAL THOUGHT; BERNARD MANDEVILLE; FELONY; PUNISHMENT.

REFERENCES

1. Throness L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, Ashgate, 2008. 379 p.
2. Trevelyan D.M. *Sotsial'naya istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii* [English Social History: A Survey of Six Centuries, Chaucer to Queen Victoria]. Smolensk, Rusich Publ., 2002. 624 p. (In Russ.)
3. Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn (1725). Free ebooks by Project Gutenberg. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt> (accessed 01.07.2016).
4. Subbotin A.L. Bernard Mandevil [Bernard Mandeville]. Moscow, Mysl' Publ., 1986. 136 p. (In Russ.)
5. Subbotin A.L. Bernard Mandevil [Bernard Mandeville]. Moscow, IFRAN Publ., 2013. 111 p. (In Russ.)
6. Erlikhson I.M. [The pamphlet "A Modest defense of public stewes" by Bernard Mandeville: its aim and genre]. *Dialogue with Time*, 2011, no. 37, pp. 66–87. (In Russ.)
7. Erlikhson I.M. [True Faith and Atheism in British Social and Political Essays of the First Half of the 18th Century (B. Mandeville's "Free Thoughts on Religion, the Church and National Happiness", 1729)]. *Electronic scientific and educational journal "Istoriya"*, 2014, no. 10 (33). Available at: <http://history.jes.su/s207987840000898-6-1>.
8. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 479 p. (In Russ.)
9. Gatrell V. *The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868*. Oxford, 1994. 656 p.
10. Maestro M. *Cesare Beccaria and the Origins of Penal Reforms*. Philadelphia, Temple Univ. Press, 1973. 179 p.
11. Blaug M. [Mandeville Bernard]. *100 velikikh ekonomistov do Keynosa* [Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past]. St. Petersburg, Ekonomikus Publ., 2008. Pp. 198–199. (In Russ.)

VASILEVA Svetlana A. — *Academy of Penal Service of Russia*.

Sennaya ul., 1, Ryazan', 390000, Russia

e-mail: VASI-SVETLANA@yandex.ru

Философские и культурологические исследования

DOI 10.5862/JHSS.251.15
УДК 1:001

М.Л. Лезгина, В.Г. Иванов

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ИДЕИ В АНТИЧНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Математическая идея, возникнув в недрах допонятийного мышления, проходит ряд стадий своего развития, никогда не имея жестко фиксированного, неизменного содержания. Она разворачивается в ходе формирования и трансформации математического знания в истории человеческой мысли. Модусы становления математической идеи тесно связаны с изменением условий жизни общества, усложняющейся практикой и преобразованием характера математических проблем. Разворачивание математической идеи означает размножение проблем и формирование разветвленного дерева проблемных ситуаций. Показано, что математическая идея проявляет принципиально незавершенный характер.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ; ПРОТОНАУКА; ПРЕДМАТЕМАТИКА; ПИФАГОРЕИЗМ; ОБОСНОВАНИЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВО; БЫТИЕ И СУЩЕСТВОВАНИЕ.

Объединительный процесс в обществе, пройдя стадии формирования племен, союзов племен, полисов, в античности достигает наконец стадии становления держав, когда под властью одного из полисов на добровольно-принудительной основе создается государство, которое объединяет много городов и структурно делится на столицу и провинции. Этот объединительный процесс не заканчивается политическими и фискальными преобразованиями (налоги в пользу центральной власти), но требует для своего завершения и идеологического обеспечения. Подобное обеспечение разворачивается в двух направлениях, в своем начале взаимосвязанных и тем не менее разнонаправленных.

Во-первых, это становление державной религии. Уже переход от первобытной магии к религии был крупным переломным моментом в развитии сознания. Выход к совершенно новым формам хозяйственной жизнедеятельности и организации, общий отрыв от природы челове-

ка, перешедшего от собирательного к производящему хозяйствованию, становление городов и государственности инициируют неведомые прежде проблемы, которые выходят за пределы того, на что была рассчитана магия. Осознание такого бессилия магии вообще порождает чувство бессилия человека. Возникает представление о делении реальности на профанную и сакральную составляющие, притом что сакральное чуждо профанному, недостижимо для человека, и в то же время профанное *зависит* от сакрального и контролируется сакральным. Магический обряд и заклинание сменяются молитвой и службой. Человек более не полагается на свои собственные способности, а отдает себя во власть сакральных сил — подобно тому, как в своей повседневной жизни он подчиняется светской власти. Небесную «благодать» теперь он также получает не прямо, а через посредника — особое сословие жрецов, с их святилищами и обрядами. На стадии державной религии выделяется «главный» Бог, стоящий во главе

пантеона — богов отдельных провинций, олицетворяющих теперь ипостаси «главного» Бога. Происходит постепенный переход к единобожию («одна держава — один Бог»), а вместе с тем и к догмату, который отсутствовал на уровне родо-племенных богов. Формируется теология с ее «концепциями»: «один — много», «многое в едином», «многое едино», «единое во многом», «ипостаси — формы одного и того же» и т. д. Эти рассуждения требуют уже гибкости ума и абстрактности суждений, которые выходят за пределы доступного «профану». Выделяется «мудрец», способный на рассудочные спекуляции в границах догмата, «ученый», в смысле обученный и посвященный в тайны Слова.

Во-вторых, становление держав в аспекте идеологического обеспечения единства полусамостоятельных провинций вызывает к жизни мощный чиновничий аппарат, способный вести централизованный контроль и учет. Получив свое начало в «канцеляриях» и хранилищах дворцов, первоначальная математика в формах, развивающих и совершенствующих древнейшие «зарубки» и «узелки» в чисто фискальных целях (налог, кредит, долг и т. д.), сливается с формирующейся письменностью в одно «искусство» и становится предметом преподавания в школах писцов, а позже, при переводе богослужебных «знаний» в письменную форму фиксации, и в жреческих школах. Переход в первоначальной математике к письменности и превращение предметом математики в преподаваемый предмет дают начало протонауке, которая приходит на смену пранауке. Критерием скачка от протонауки к пранауке при этом служит переход от счета к решению задач, требующих вычислений.

К началу эпохи протонауки сложились четыре фундаментальных явления в жизни общества, которые имели переломный характер.

1) Сформировалось сообщество особо подготовленных людей, обладавших нужным складом мышления, способных быть критичными, точными, рассуждающими. Постепенно, на протяжении столетий, происходил процесс, который у современного школьника и студента занимает считанные годы, — процесс превращения непосредственно естественного человека в сознательную, свободно-разумную личность. На стадии протонауки, тем не менее, человек, пройдя школу или даже преподавая в ней, оставался во власти традиций. Такой человек нес

две функции — он был человеком обученным и вместе с тем живым хранителем знаний.

2) «Инкубатором» для подготовки людей такого рода служили *школы*: жреческие школы, школы писцов, мореходов, архитекторов-строителей и т. д. Одновременно такие школы играли роль аккумулятора имеющихся знаний и ретранслировали их в смене поколений.

3) Подобная многовековая подготовка обученных кадров вела к развитию и совершенствованию у человека способности к абстрактно-понятийному, логически упорядоченному мышлению. В общественном сознании сложился достаточно высокий уровень доверия к его результатам.

4) Внедрение в обучение письменности было целым переворотом. К этому времени произошел переход от конкретности зарубок к абстрактности цифр.

Цифра — это не просто замещающий знак. Использование цифр в письменности вызвало к жизни знаки, обозначающие *действия* над цифрами. Возникла возможность создавать знаковые системы и манипулировать знаками в самых разных целях — теологических, календарных, для гаданий или даже, как позже у пифагорейцев, для метафизических спекуляций над числами. Появились условия для того, чтобы математические сущности — числа, прямые, геометрические фигуры и прочее — рассматривались как своего рода вещи в себе. Переход к оперированию абстракциями в мышлении и *запись* — специфический квазиконспект мыслительной операции — позволили многократно возвращаться к одной и той же записи, обнаруживать в ней ошибки и в то же время алгоритмизировать операции, сводя их к стандартным. При этом даже конкретные задачи (расчета площадей, роста и погашения долгов, распределения налогов, объема планируемых и выполненных работ) обрели абстрактность, решались уже как отвлеченные идеализированные ситуации. Иначе говоря, дело состояло теперь не в том, задавался ли математик «заумными» вопросами, чтобы признать его мышление абстрактным. Дело было в том, что независимо от степени отвлеченности задач сама *форма* задачи уже была абстракцией, требовавшей абстрактного мышления, которое следовало *правилу*, а не здравому смыслу повседневного опыта.

Говоря об этом историческом этапе развития математической идеи, надо отметить и ее характеристики, указывающие на относительную незрелость этого процесса. Главной задачей протонауки выступало не развитие познания, а накопление и сохранение знаний. Термин «знание» означал «учиться», «выученный», «истинно известное». Произошло расщепление «знания» на умения, навыки и знания. Собственно знания сохраняли священный характер, в то время как умениям и навыкам приписывался низменный, профанный статус. Главной функцией было обучение, требовавшее передачи знаний в неискаженном, неизменном виде. Считалось, по преданию, что сами знания дарованы людям богами или иными небожителями. Поэтому знания почитались за высшие истины, не подлежащие сомнению, и как таковые они воспринимались как «тайное знание», нечто сакральное, закрытое для профанов. Какие-либо изменения, совершенствования в этом знании считались недопустимой ересью и вольномыслием, которые грозили бедствием всему народу. На протяжении целых столетий свод знаний оставался почти неизменным, *развитие* знаний отсутствовало. Если же некое изменение всё же случалось, то оно приписывалось внушению богами богоизбранному лицу (каковым, например, почитался Пифагор). Естественно, что знания, имевшие столь солидный источник, не требовали *обоснования* и *доказательства*. Последние не присутствовали в математической идее этого времени. Они еще даже не подозревались в качестве будущих важнейших математических феноменов.

Первыми на пути развития математики на доказательной основе были, по-видимому, софисты, начавшие рассматривать математические проблемы с целью уяснения их сути. Из них выделилась группа пифагорейцев (по имени их мифического основателя — Пифагора). Весь доевклидовский этап развития математики в истории этой науки часто именуют пифагорейской математикой.

Пифагорейцам, видимо, принадлежит и сам термин «математика». Хотя они подразделяли эту науку на четыре вида «знаний» — арифметику, геометрию, учение о гармонии и астрономии, основой же всей математики считали учение о числах, т. е. арифметику. Все другие разделы математики арифметизировались, по-

скольку больше всех других наук Пифагор почитал науку о числах. Он продвинул арифметику вперед, выведя ее за пределы практического употребления и сравнивая все вещи с числами. Торговля явилась одним из важнейших изменений условий использования математики на Востоке и в греческом Средиземноморье. На Востоке математика прежде всего обслуживала нужды землепользования и налоговой системы, т. е. наиболее консервативных сфер практики, которые жестко контролировались жречеством и государством. У греков же новая сфера применения математики — торговля и торговобанковское дело (т. е. наиболее динамичный и адекватный виды практики) — *de facto* оказалась слабо доступна централизованному контролю. Поэтому и гнет традиции перестал быть роковым, допуская сомнения там, где прежде царилла вера, не требовавшая доказательств тому, что было известно, по преданию, от богов.

Это и создает условия для кардинального открытия — обнаружения математической идеи. Она предстает не просто как еще одна область постигаемых объектов, природу которых надо понять, но как ключ ко всему мирозданию, фундаментальное начало мира. Математическая идея на уровне пифагорейской математики выступает как именно нечто фундаментальное, априорное и непогрешимое, которое опирается на интеллектуальную интуицию. Действительно, кажется самоочевидным рассматривать пространство как счетное множество точек, или единиц, каждая из которых есть точка, имеющая свои координаты в пространстве. Всякую фигуру и всякое тело можно представить как конкретное множество точек и отсюда легко сделать вывод, что всё состоит из точек, или единиц, а всякое множество есть сумма единиц. Обобщая далее, можно сказать, что единица является архэ (началом) не только числа, но и мира в целом, и, развивая зародившуюся на Востоке мистику чисел, прийти к модели мира, в котором всё исходит из числа и обращается в число. Подобный панарифметизм можно развить и дальше тем же умозрительным путем и распространить на область политики, искусства, морали, создавая всюду «непогрешимые» концепции нематематических объектов. Поэтому пифагореизм предписывал считать, что вся Вселенная и любые явления в ней имеют в основе числа и их гармонию.

Наиболее важным итогом для данного этапа трансформации математической идеи явилось следующее. Во-первых, в своем развертывании математическая идея, как и всякая иная научная идея, сколь угодно фундаментальная и переживающая революционный перелом, выступает в своем первом появлении как своего рода завершение содержания прошлого этапа, доведение его до состояния целостности и совершенства, в то же время снимая наметившийся, официально признанный или нет, кризис. Именно в таком амплуа математическая идея пифагореизма вбирает в снятом виде всю историю исчисления, взятую в ее высших достижениях.

Во-вторых, при знакомстве с математикой Востока у греков вызвали недоумение утверждения, признаваемые находящимися за пределами всех сомнений, но тем не менее для людей, не поработанных традицией или слепой верой в авторитет восточной мудрости, весьма неубедительные, требующие проверки. Новая математика имеет в своем начале *оправдание прежней* поисками доказательств истинности ее положений. Предполагалось, что эти доказательства есть или были у жречества, но их просто скрывают от непосвященных. Строго говоря, не сомнение, а *стремление преодолеть* сомнения движет умами математиков этого «поколения». Возникает парадоксальная ситуация: революцию в математике совершают не «оголтелые радикалы», а «ревнители старины», которые пытаются приспособить ее к новым условиям и защитить.

В-третьих, преемственность в развитии математической идеи с предыдущим периодом на этапе пифагореизма состоит также в том, что математический объект — число — наделяется не только преданием, связанным с основами мироздания, но и проявляет неразвитость идеи, неразделенность в ней абстрактного и реального, онтологического и гносеологического, сущности и явления. Число выступает как сущность самого себя и в то же время как интеллектуальное явление, т. е. случайное, сущность которого есть сумма единиц, порождающая своей структурой свойства числа. Однако здесь требовалось различение сущего самого по себе и его идеальных и реальных форм. Такого различения в учении пифагорейцев не было. Число было не только абстракцией, но и принципом

мироздания, законом гармонии, своего рода атомом нравственности и т. п. Пифагорейская математика, таким образом, обнаружила *связь* идеального и реального, но не сумела раскрыть, в чем она состоит.

В конечном счете пифагорейский этап развития математической идеи завершился кризисом, предвещавшим революцию в этой сфере. «В пифагорейской школе было сделано открытие, которое перевернуло все их взгляды, а именно было доказано, что отношение диагонали к стороне квадрата не может быть выражено отношением целых чисел. Это означало, что целых чисел и их отношений недостаточно для построения теории подобия и метрической геометрии» [1, с. 110].

Иначе говоря, единица как начало всего и разгадка всему утрачивала свой статус. Она даже не могла быть универсальной единицей измерения. Скандальным казалось уже одно то, что, хотя площадь квадрата, построенного на гипотенузе, была в точности равна сумме площадей квадратов, построенных на катетах (это считалось одним из важнейших доказательств соизмеримости), длина гипотенузы несоизмерима ни с отдельным катетом, ни с их суммой.

Кроме того, интеллектуальная интуиция, чистое умозрение, обнаруживает свою ограниченность, вынужденная потесниться и дальше в пользу сферы логического доказательства. Умозрительно-спекулятивная концепция космоса, идущая от орфиков и усовершенствованная пифагорейцами, терпит крах. Идея, которая, казалось, способна объяснить всё, вынужденно признает свою ограниченность. Дальнейшее развитие математической идеи выдвигает задачу вывести математическую мысль из тупика, преодолев проблему несоизмеримости.

Всё это ведет к существенной смене направления в развитии математики — от панарифметизма к геометризаци. Уже не геометрия интерпретируется в свете арифметики, а сама арифметика должна обратиться в «геометрическую алгебру». Перевод арифметики на язык геометрии характеризовал первую стадию революции в античной математике — отрыв от традиции, по крайней мере в одном из определяющих отношений, — счет утрачивает свой прежний фундаментальный характер, становясь частным случаем измерения, которое приобретает ведущий статус в математике этой эпохи.

Не менее острый кризис породили апории (парадоксы) Зенона. Они обнаружили две коренные трудности математического описания — в переходе от конечного к бесконечному и в математическом описании движения. Ни то, ни другое не представлялось теперь доступным описанию непротиворечивым образом и требовало отрыва от традиции и тут — отказа от понятия актуальной бесконечности и сосредоточения внимания на механике, статике, ограничиваясь в области динамики философскими домыслами.

Вторая стадия революции в математике — подготовка новой перспективы поступательного развития математической идеи (того, что Гегель позже характеризовал как «самопознание идеи») — относится к IV веку до н. э. Объектом обсуждения стала природа математического объекта и отношения этого объекта к реальности.

С V века до н. э. предметом научного дискурса в античности становится отношение бытия и существования, а в связи с этим и соотношенность понятия «реальность» с тем или другим. Под бытием понимается устойчивость, неизменность, вечность, а под существованием — изменчивость, преходящность, непостоянство. Сам спор, очевидно, был вызван непониманием природы языка и концептов вида и рода. Термин же «реальность» определенного смысла не имел и принимался в качестве интуитивно ясного по нормам обыденного разговорного языка. С точки зрения софистов, реальным является существование, надежным детектором которого служат наши органы чувств. Отсюда тезис о том, что «человек есть мера всех вещей». А с точки зрения элеатов, реально бытие. Но, естественно, детектором этой реальности является симпатическая либо интеллектуальная интуиция, прозрение или умозрение. Тогда *чем* — и в том, и в другом случае — является противоположность реального? Согласно элеатам, существование есть чистое ничто. Согласно софистам, общее — синоним бытия, сумма единичностей, каждая из которых обладает существованием.

Проблема определения природы математического объекта и состоит прежде всего в соотношении его с бытием. Значительный вклад в ее решение внес Платон. В развитии математической идеи он занимает промежуточ-

ное место, еще не оторвавшись от концепций предшествующего этапа и в то же время выходя за круг их представлений. Если не разделяя с пифагорейцами мистику чисел, то, по крайней мере, относясь к ней с высоким пиететом, в качестве основного математического объекта Платон рассматривает число. Наряду с числом математическими объектами являются также величины и фигуры. По мнению Платона, все математические объекты есть идеи, имеющие свое бытие в мире идей.

Уточняя статус математических объектов, Платон определяет их место в мире идей. Сами идеи он иерархизирует по уровню бытийности в них. Если Парменид знал только абсолютное бытие, антитезой которого может быть лишь ничто, то у Платона идеи — это материальные формы, и форма (вид) есть то, что роднит идею с материальным. Если доплатоновская традиция распадалась в дихотомии первичности *либо* бытия, *либо* существования, то Платон допускает градацию между бытием и существованием, которая разрушает эту антитезу, переводя ее в другую — противостояния материального мира и мира идей.

Двойственность концепции математических идей Платона и ее слишком большую привязанность к предшествовавшей эпохе преодолевает Аристотель. По его мнению, утверждать, что математические объекты существуют сами по себе, было бы противоположным истине, потому что в таком случае они должны были бы предшествовать чувственно воспринимаемым величинам, тогда как на самом деле они вторичны. Математика характеризуется Аристотелем как умозрительная наука, но ее объекты — не идеи, а абстракции (концепты, употребляя кантовскую терминологию). «Все тела имеют поверхности, объемы, длины и точки, которыми занимается математика. Но математика занимается ими не постольку, поскольку каждая есть граница природного тела, и их свойства изучает не как свойственные этим телам. Она отделяет их от природных тел, ибо *мысленно они отделимы, и такое мысленное отделение ничего не меняет и не порождает ошибок*. Геометрия рассматривает физическую линию, но не поскольку она физическая, подобно тому, как оптика рассматривает математическую линию, но не как математическую, а как физическую» [2, с. 85].

Таким образом, можно сказать, что Платон открывает этап подготовки новой перспективы для развертывания математической идеи, а Аристотель завершает этот этап. Дальнейшее развитие математики более не связано ни с какими традиционными толкованиями. Математике предоставлено развивать свои потаенные, еще никому не ведомые возможности. В силу этого математическое мышление выходит из-под контроля какого-либо внешнего ему догмата. Переход процесса развертывания математической идеи на свою собственную основу в варианте Платона (математический объект есть идея и постигается умозрительно) или Аристотеля (математический объект есть абстракция) открывает дорогу математическому творчеству, а парадоксы несоизмеримости, бесконечности и противоречивости движения (Зенон), т. е. проблемы радикальности, квадратичности и динамики, обращают математику в сферу интенсивного научного поиска.

Решающий этап в становлении математической идеи на уровне протонауки состоял в превращении всей суммы накопленных математических знаний в единое интегрированное целое – в теорию. Памятником достижения этого этапа стали «Начала» Евклида («александрийский этап» развития математики). Созданный Евклидом метод аксиом представил геометрию как единый теоретический фундамент всего свода математических знаний того времени. Именно в этом произведении математика предстает не только в форме теории, но и как оформившаяся наука – первая из наук в истории человечества. Лишь позднее, идя по ее стопам и опираясь на ее достижения, астрономия и механика достигают уровня науки. Впервые в эту же эпоху математическая мысль Греции превзошла высшие достижения восточной протонауки.

Самопостижение математической идеи в ее развертывании на этом этапе состоит в решительном повороте от прикладных задач, с которыми знакомятся в школах мореходов, строителей-архитекторов, алхимиков, агрономов и т. д., к задачам теоретическим. Этому способствует осознание того, что математика изучает отношения абстрактных сущностей, применимые к любым счетным множествам, принципиально не требуя обращения к чувственному опыту. Быстро нарастал отрыв теории от практики, «высокой», «академической» математики от

«низкой», ремесленно-прикладной. Требуя в принципе точности и строгости, греческие математики в своих трудах доказывали, что у самой замысловатой задачи есть решение, но поиск такого решения – удел ремесленника, а не прерогатива ученого.

Такой подход ведет к разграничению формального и содержательного. Акцент делается на развитии формальной стороны математического мышления, синтаксиса в противовес семантике. Отношение того и другого в математическом языке характеризуется тем, что семантика математических терминов подразумевается при построении как интуитивно ясная и потому допускающая интерпретацию в терминах разговорного языка или таких терминах, которые обозначают иные математические объекты. Что касается синтаксической, формальной, структуры математического языка, то обнаружилось, что он обладает следующими характеристиками. Во-первых, математический язык в силу собственной структуры позволяет отвлекаться от несущественного и сосредотачиваться на существенном для математической теории. Во-вторых, этот язык, будучи системой немотивированных знаков специального назначения, позволяет фиксировать ход и результаты математического мышления в чистом виде, не неся груза дополнительных значений. В-третьих, математический язык позволяет из известных утверждений выводить еще не известные.

Такой язык, вырабатывающийся в математике, обеспечивает прежде всего четкость и обозримость рассуждений (хотя Евклид явно не стремился ни к ясности, ни к легкой обозримости его теорем). Он способствует переходу от более очевидных истин к менее очевидным и даже к совершенно неочевидным. Логико-математическое оформление языка дает инструмент большой доказательной силы для проверки правильности рассуждений и выводов. Формализация рассуждений, в числовой или же в геометрической форме, открывает дорогу аксиоматизации. Под аксиоматическим методом построения определенной научной дисциплины понимается такое ее построение, когда ряд предложений данной области науки принимается без доказательства (входящие в них понятия являются неопределяемыми), а всё остальное знание выводится из этих пред-

ложений по заранее фиксированным логическим правилам.

Наличие исходных основ формализации и разработка логики Аристотелем и перипатетиками дают начало античному этапу аксиоматизации. Его характеризует известная незавершенность процесса абстрагирования в математике. Геометрия Евклида, в частности, строится для единственной системы математических объектов, предполагаемых притом уже известными до вводимой в «Началах» системы аксиом. Аксиоматизируется то, что уже готово, наличествует, накопленное тысячелетиями, но теперь сведенное вместе, взятое в единстве и целостности. Это была содержательная (или «интуитивная») аксиоматика, которой был присущ ряд слабостей. Например, отсутствовал список первоначальных неопределяемых понятий. Не было точного описания логического доказательства. Вообще, строгость доказательства не соответствовала нормам, принятым в наше время. В геометрических рассуждениях допускались обращения к наглядности и очевидности. Тем не менее содержательная аксиоматика позволяла достаточно надежно обеспечивать непротиворечивость математических рассуждений. Непротиворечивость, как известно, есть свойство аксиоматической теории, состоящее в том, что в ней нельзя получить противоречие, т. е. доказать некоторое положение и вместе с тем доказать его отрицание. Проблема упрощалась тем, что вообще в содержательных аксиоматиках, в которых значения исходных терминов считаются заданными с самого начала, вопрос о непротиворечивости остро не стоял.

Следует также особо отметить такую черту предматематики, как наличие асимметричного отношения между метрической и логической точностью. До Евдокса и Евклида преобладала ориентация на математическую точность, которая представляет метрическую информацию, получаемую посредством операции счета (реально или мысленно) в виде числовой характеристики, которую можно было интерпретиро-

вать в мистическом, эстетическом, этическом или практическом смысле. После «Начал» интерес сдвинулся в сторону *логической* точности, т. е. возможности вывода из небольшого числа исходных положений других положений с помощью строго фиксированных средств логического вывода.

Математическая идея, раскрываясь, развертывается в системе понятий, выступая сама как понятие понятий. Ее развертывание — это вместе с тем размножение теоретических проблем и формирование разветвленного «дерева» проблемных ситуаций. Для этого процесса умножения понятий и проблем характерно расщепление на пары предельных идеализаций, через которые происходит бифуркация идеи, где преимущество попеременно переходит к одному из двух направлений. Такое расщепление на уровне ранней математики проходит по нескольким направлениям. Это разделение математики на дискретную (счет, теория чисел) и континуальную (геометрия), методов ее построения «доказательства» (генетический и аксиоматический), «чистой» математики и «технэ» — прикладной математики и, наконец, просто противопоставление природы и мира идей, физики и математики.

Итак, в своем развертывании математическая идея, развиваясь сама, изменяет и свое определение как цели особой человеческой деятельности. Зародившись на стадии до-предматематики, выйдя из бездн допонятийного мышления, математическая идея высветилась как счет, имея лишь телеологическую природу. На стадии предматематики она поднимается до предпонятийно-понятийного статуса и находит свое новое определение в аксиоматизации. Каждая из этих стадий достигает своего акме, своей вершины совершенства, реализует ранее открытые ею перспективы и обнаруживает новые тупики и новые перспективы. Трансформация математической идеи тем самым доказывает свой принципиально незавершенный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башмакова И.Г., Смирнова Г.С. Возникновение и развитие алгебры // Очерки по истории математики. М., 1997. С. 94–244.

2. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.

ЛЕЗГИНА Марина Львовна — доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

e-mail: lezgina@mail.ru

ИВАНОВ Вячеслав Григорьевич — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: lezgina@mail.ru

M.L. Lezgina, V.G. Ivanov

TRANSFORMING OF MATHEMATICAL IDEA IN ANTIQUITY AS THE SUBJECT OF PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The mathematical idea emerging from the depths of preconceptual thinking, goes through series of development stages, without ever having rigidly fixed, unchanging content. It unfolds in the course of becoming and transforming of mathematical knowledge in the history of human thought. Moduses of development of mathematical ideas are closely tied with changes in the living conditions of society, permanently complicating practices and transforming the nature of mathematical problems. The deployment of mathematical idea means simultaneously multiplying of problems and the forming of the “branched tree” of problematic situations. All stages of transforming of mathematical idea realize perspectives (which it has opened) and discover their dead-ends and their new perspectives. Thus, mathematical idea manifests its essentially incomplete character.

MATHEMATICAL IDEA; PROTOSCIENCE; PREMATHEMATICS; PYTHAGOREISM; JUSTIFICATION AND PROOF; BEING AND EXISTENCE; EUCLID; PLATO; ARISTOTLE.

REFERENCES

1. Bashmakova I.G., Smirnova G.S. [The emergence and development of algebra]. *Ocherki po istorii matematiki* [Essays on the History of Mathematics]. Moscow, 1997. Pp. 94–244. (In Russ.)
2. Aristotel. *Sochineniya* [Works]. In 4 vol. Of vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1981. 613 p. (In Russ.)

LEZGINA Marina L. — *Herzen State Pedagogical University of Russia.*

Nab. Moyki, 48, St. Petersburg, 191186, Russia

e-mail: lezgina@mail.ru

IVANOV Vyacheslav G. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: lezgina@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.251.16
УДК 316.37

С.А. Мартынова

СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ТРАВМАТИЧНЫЙ ДРУГОЙ

Рассмотрена проблема отчуждения людей друг от друга в ситуации современности, ведущего к формированию специфической субъективности за границами экзистенциального взаимодействия. Определены причины изоляции. Дан анализ травматичного существования человека как субъекта общественных коммуникаций. Для репрезентации кризисной субъективности применен концепт социальной изоляции, который рассмотрен в контексте философии события. Методами аналитики трансгрессивного отчуждения человека в позициях изоляции выступили диалогическая герменевтика, структурный метод и стратегии философии события. Ограничение коммуникации или отказ субъекта от многообразной открытости мира представлены как реакция на травмирующее присутствие Другого. Показаны особенности формирования изоляции, а также названы причины отчужденного состояния в индивидуальном существовании и трансформационных процессах социокультурной реальности.

СУБЪЕКТИВНОСТЬ; СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ; ДРУГОЙ; МАССОВОЕ; ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ; КОММУНИКАЦИЯ; СОБЫТИЙНАЯ МЫСЛЬ.

Отчуждающие действия постсовременности, имеющие нарастающий характер, сопровождаются переприсвоением жизненного пространства – стремление субъекта обрести себя одновременно предстает как отдаление от другого человека. Если модерн с его принципиальной установкой на будущее как бы «промахивал» сквозь настоящее, то ситуация постсовременности еще более усложнена размещенностью в фантазматической ирреальности, где легитимные законы права, нравственности и жизненного поведения оказались во многом смещенными. Формируется пассивное поле социального поведения – субъективность реально формируется поверх легитимной нормологии. Отсюда, с одной стороны, интерес к трансгрессивному опыту, а с другой – всепоглощающая инертность и социальная изоляция субъектов.

В такой ситуации поиск оснований индивидуального существования, а также избегание травмирующего настоящего (террор, война, болезни) делают установление человеком социальных контактов ненужным – он адаптируется к миру за пределами личностных отношений и экзистенциальной коммуникации. Соответственно при изоляции усилия субъекта негативно ориентированы – они направлены на

сохранение привычных мест и ситуаций существования, стабилизацию повседневного опыта, что связано с радикальным ограничением многообразия человеческих отношений.

Рассмотрим травматичное существование человека как субъекта социальных отношений и попробуем выявить причины разобщения субъектов в сфере индивидуального существования и трансформационных процессах социокультурной реальности.

Проблема существования человека «в миру» и «за пределами мира», как отмечает В. Декомб, актуально была заявлена еще стоической школой в эллинистическую эпоху. Позиция вызывает удивление исследователя: «Каким образом стоики могли одновременно предлагать этику радикального отречения и мораль активного участия в мирских делах?» [6, с. 298]. Ответ на вопрос состоит в том, что стоики в условиях кризиса общества и распада ориентиров существования призывают человека действовать в согласии с интересами общества и при этом пребывать в уединении и стремиться к атараксии. Ограничение современным человеком межличностного взаимодействия противопоставлено позиции активного действия в обществе и в качестве причины имеет неудовлетво-

ренность жизнью в социуме, что понуждает к выходу из нее в состояние изоляции.

Важно отметить, что возникающая изоляция принципиальным образом отлична от «законной» изоляции человека социумом, который оценивает людей с позиций «нормологии» и определяет им в случае несовпадения с нормой специальное, обособленное от открытой общественной жизни *место*. Так, М. Фуко, разрабатывая мысль о принуждении человека обществом к ограничению социального взаимодействия, в работе «История безумия в классическую эпоху» говорит о положении людей, которые не совпадают с устанавливаемой нормой. Исключение человека из многообразия социальных контактов выступает как «строгая изоляция человека, когда он исключается из социума, но духовно реинтегрируется в него» [13, с. 28].

Избирательное стремление человека к социальной изоляции не может быть понятно исключительно с позиции общепринятой нормологии. По мысли А.А. Грякалова, «опыт субъективности „встроен“ в событие как его создание и освоение — в последующем субъективность воспроизводится, приобретая дискурсивно-архетипические свойства» [4, с. 35]. Иными словами, происходит скрытое производство специфической субъективности, где первичное экзистенциальное отчуждение способно приводить к радикальной изоляции членов социума.

Обращение к другому человеку выступает пространством опасности и непредвиденной травмирующей коммуникации. Ж. Лакан, выявляя сложность обращения к другому на «ты», объясняет ее тем, что «налицо искушение приручить Другого, Другого доисторического, того незабываемого Другого, который того и гляди застанет нас врасплох и сбросит нас с высоты своим появлением. В этом „ты“ чудится нам какая-то защита» [9, с. 75]. Обратим внимание, что Другой, с позиции Лакана, — фигура, вызывающая страх и обращающая к поиску спасения.

Как может спастись человек в ситуации чувства опасности перед встречей с неизведанным и непредсказуемым Другим? Практики аутистов, людей, подвергнувшихся депривации в детстве, и так называемых «диких детей», воспитывавшихся вдали от людей животными

(*маугли*), свидетельствуют о том, что изоляция является спасением от непонятого и чуждого мира, вызывающего непонимание, недоверие и пугающего многообразием непредсказуемых отношений.

Соответственно в исследованиях, которые обращены к опыту людей, предпочитающих изоляцию, подчеркивается значимость собственного пространства и собственной территории субъектов при уходе от многообразия социальных связей. Причиной этого выступает принципиальная невозможность создания в субъективном опыте оппозиции внутреннего/внешнего.

Так, Е. Остащенко, анализируя книгу Э. Лорана «Война аутизма», отмечает следующее: «В случае аутизма топология пространства влечений ограничена особым отношением с телом, ведь тело радикальным образом отброшено. *Реальное* задает топологию, которая не может быть основана на теле, имеющем границы, отделяющие внешнее от внутреннего, и по отношению к которому объект может стать экзистимным. <...> Но эту топологию можно сравнить с топологией тора (бублика). Она формирует отношение внешнего и внутреннего вокруг двух дыр — той, что вокруг внешней окружности, и той, куда вписана внутренняя, внутреннее и внешнее не отделены, одно перетекает в другое» [11, с. 183]. Именно с неумением воспринимать окружающий мир через оппозицию внутреннее/внешнее коррелирует потребность аутиста особым образом относиться к вещам и своему жизненному пространству. Вещь оказывается необходимой не в силу признанных за ней ценностных качеств, а в силу самой потребности аутиста упорядочивать действия при ее неизменном как символическом, так и внесимволическом присутствии.

Аутист создает шаблоны и ритуалы гештальт-поведения, чтобы чувствовать себя в безопасности. «Эти ритуалы могут казаться долгими и сложными для обычных людей. Однако для человека с аутизмом этот ритуал является одним действием, и без какой-либо его части (например, человеку не дали закончить ритуал) всё действие будет неоконченным, незнакомым и пугающим» [3, с. 10]. В восприятии аутистом окружающего мира ритуалы приносят покойствие и порядок в повседневную жизнь, которая иначе была бы непредсказуемой и пугающей. Именно поэтому возникает одержимость

существующим порядком, поскольку при изменении любой детали сцена-гештальт становится незнакомой и пугающей.

Такой способ ориентации в мире А. Беггс называет «пространственным мышлением» и подчеркивает, что оно не основано на визуальном восприятии: «Пространственное мышление – метод организации вещей в моем сознании. Он не визуальный (хотя многие люди думают, что визуальное и пространственное являются синонимами)... это другой способ мысли, который не ориентирован на представление чего-либо» [14, с. 279]. Следовательно, переживание вещей есть попытка сохранить их значение: аутист стремится к удержанию известного смысла и избеганию неизведанного Другого. Также надо иметь в виду то обстоятельство, что многие активно участвующие в выстраивании социальных отношений субъекты не в меньшей степени подвержены созданию собственной территории. Ярким примером подобного процесса выступают так называемые «личные страницы» с механизмами отбора допустимых социальных групп и контактов в глобальном пространстве Интернета. Таким образом, особая значимость при формировании собственной территории уходящим от социальных связей субъектом принадлежит сокращению *пространства воображаемого*, которое соотносится с непредсказуемым и пугающим Другим. Как следствие этого, при ограничении пространства воображаемого на его месте субъект создает собственный символический порядок.

Ограничение человеком пространства воображаемого характеризуется вполне определенной связью: при неподвластном для субъекта увеличении возможности коммуникации происходит уменьшение пространства воображаемого. Таким образом, ограничение воображаемого, свойственное при социальной изоляции, *в целом* выступает областью сдерживания непредвиденной коммуникации и создания субъектом собственного устойчивого символического порядка. Понимание и анализ факторов сдерживания и уменьшения коммуникации особенно значимы в ситуации глобального коммуникационного роста: именно глобальные коммуникационные технологии исследователи сравнивают с опытом возвышенного, интерпретируя его принципиально отличным образом от соответствующих идей И. Канта.

Кант говорил о том, что «нашему воображению присуще движение в бесконечность, а нашему разуму – притязание на абсолютную тотальность как на реальную идею, само несоответствие этой идее нашей способности оценивать величину вещей чувственного мира побуждает чувство нашей сверхчувственной способности» [8, с. 120]. В ситуации, когда чувственное восприятие безмерности природы подводит воображение к своему пределу, разумная способность схватывает то, что для чувств выступает безмерным.

Однако в ситуации постсовременности проблематика возвышенного раскрывается через его соотнесенность с такими явлениями, как невероятная сила и скорость технологий, глобальные коммуникационные процессы, террористическая угроза. Как отмечает С. Морли, в концепциях современных французских мыслителей Ж. Лиотара и Ф. Джеймисона жизнь представлена в терминах возвышенного как «экстремальное пространственно-временное сжатие, создаваемое глобальными коммуникационными технологиями и приводящее к ежедневному дестабилизирующему и чрезмерному восприятию» [16, с. 12]. Чрезмерность восприятия выступает как явленная чуждость, не контролируемая человеком. Восприятию возвышенного сопутствуют чувства страха, угнетения, которые оказывают дестабилизирующее воздействие на человека. Воображение подходит к своему пределу – более не спасаемое *классическим* разумом, оно приводит субъекта к травмирующей трансгрессии.

В опыте социальной изоляции личность оказывается в условиях отчуждения от общества. Отстранение вызвано стремлением образовать субъективный мир, когда человек частично или полностью исключает себя из общественных отношений, сокращает межличностные контакты и взаимоотношения. А погружение во внутренний мир сопровождается отчуждением от привходящего опыта открытия жизни. Феномен аутизма, разворачивающийся как социальная изоляция, заставляет обратиться к болевым точкам социальной реальности: «Теперь вещи как знаки не устремляются к своему означаемому, а пребывают в бесконечной игре смещения смысла» [7, с. 22]. Необходимо только отметить, что опыт индивидуального аутизма не тождествен ситуации так называемого «социального

аутизма», при котором человек или целое общество замыкаются на собственных ценностях, целях и оказываются невосприимчивы ко всему тому, что отлично от них.

Вслед за американским психиатром С. Барон-Коэном, который определяет аутизм как систематический сбой навыка коммуникаций, А.К. Секацкий настаивает на том, что этот феномен выражает неприятие социальных стратегий лжи, в том числе и таких, как притворство, вежливость, тактичность [1]. Аутисту требуется искренность и неподдельность чувств. Воспринимая всё сильнее, чем обычный человек, он оказывается «человеком без кожи»: страдает от аффектов, но при неподдельном чувстве к нему идет на контакт. В противном случае невозможность овладения социальными стратегиями приводит аутиста к исключительному погружению в свой внутренний опыт.

Совершенно справедливо в исследованиях, посвященных социальной изоляции, указывается, что даже не-встреча субъекта с тем, что является неопределенным, оказывает деструктивное действие на субъекта. «Опыт, который разворачивается при феномене социальной изоляции как страх столкновения с неопределенным, устремлен не к своему утверждающему проявлению, а в большей степени к эмоциональной и коммуникационной скованности» [10, с. 44]. Именно поэтому избегание пространства воображаемого выступает для человека уменьшением травматичного опыта при встрече с непредсказуемым Другим. Но в этой ситуации воображение остается в невыраженном состоянии и впоследствии возникает риск его проявления в спонтанных и опасных для социума формах.

При травматичной встрече с Другим человеку сопутствует страх столкновения с неопределенным. Этот страх из скованности в коммуникации переходит в отрицание общения с другим человеком. Если требуется принять решение, у находящегося в недоверии к социуму субъекта могут преобладать насильственные способы решения конфликтов.

Аналитика травматичного Другого в качестве причины социальной изоляции требует дополнительного исследования социокультурного фона, на котором возникает отчуждение людей друг от друга. Ключевым в этом отношении выступает изначально противоположный

отчуждению процесс — именно формирование массовой культуры, которой, по мысли Д. Белла и Ж. Фридмана, сопутствуют увеличение и упрощение взаимодействия между людьми. Распространение массовой культуры приводит к тому, что характер отношения людей друг к другу становится поверхностным и совмещен с усредненным уровнем восприятия. Тем самым открываются условия для осуществления тотальной манипуляционной власти в обществе (Т. Адорно, М. Хоркхаймер).

Трансформации массовой культуры сопутствует изменение статуса элитарной культуры. Оно происходит в ситуации противостояния локальных сообществ процессам глобализации. Элитарное выступает не оппозицией усредненному восприятию, а оказывается объектом присвоения разьединенных сообществ, входит в зону политического противостояния, идеологического утверждения и манипулирования. Массовое / не массовое начинает утрачивать демаркацию в силу изменения социальной организации. Локальные сообщества могут использовать так называемое элитарное, превращенное в маргинальное, в качестве активной идеологии для самоопределения и массового распространения идей отдельных доминирующих сообществ.

При этом в идеологической направленности массового и элитарного проступают черты «общества спектакля». Г. Дебор писал: «Спектакль — это идеология *par excellence*, так как она выражает и проявляет в своей полноте сущность любой идеологической системы: обеднение, подчинение и отрицание действительной жизни» [5, с. 112–113]. «Общество спектакля» подразумевает ложное сознание встречи, «иллюзию встречи» — в таких условиях нет и не может быть искренности.

«Маргинальный» характер элитарной культуры обнаруживает необходимость поиска того, что противоположно как массовому, так и идеологически выстраиваемому элитарному. В обеих позициях присутствует раздел между тем, что содержат в себе личностное сознание и переживание, с одной стороны, и тем, где работа мысли и процесс чувствования осуществляются в безличном «общем потоке» смыслов, идей и образов, — с другой. В культуре и организации социальной жизни именно экзистенциальное выступает их противоположностью.

Чем характеризуется оппозиция массовое / экзистенциальное?

Экзистенциальное свидетельствует о внимании человека к собственному существованию и существованию *Другого*. В этом внимании *Другой* может вызывать как радость, так мучение («Ад — это другие»). Актуализированы вопросы жизни, свободы, творчества, несогласия, ответственности, переживания. Именно необходимость внимательного соотнесения личностного жизненного топоса и присутствия другого человека подразумевает со-переживание (М. Бахтин), создание исключительной работы воображения (С. Сонтаг: «Смотрим на чужие страдания»). В экзистенциальном отношении возникают понимание и сострадание к человеку, что совсем не свойственно массовой культуре и ее проявлениям в стереотипном и «усредненном» восприятии. В пределе в массовом сознании совершенно утрачивается человеческое «я».

Экзистенция подразумевает сосредоточенное внимание ко всему личностному — такое внимание свидетельствует о том, что удерживается в качестве внутреннего напряжения поиск смыслов существования. Экзистенциальное внимание близко к позиции художника, учителя, врача или даже психоаналитика, который следит не только за ярко выраженным состоянием человека, но вглядывается в причину этого состояния, смотрит, например, на оговорки и прерывание речи.

Напротив, отношение человека, находящегося в плену массового восприятия, лишено уникального видения. Такое восприятие формируется в общем потоке смыслов-штампов и обезличенных переживаний, лишено различимости места, в котором возникает. Как раз в такой ситуации возникает «социальный аутизм». В отличие от аутистической субъективности, поведение которой во многом задано изначально и соответствует сенсорной специфике восприятия мира, социальный аутизм в большей степени есть результат неудовлетворенного присутствия человека в социуме и отказа от социальных отношений.

Феномен массового / неразличимого может быть метафорично представлен в образе *проспекта*. В петербургском тексте как городе проспектов, по мысли В.Н. Топорова, возникают типично петербургские ситуации: «с одной

стороны, темно-призрачный хаос, в котором ничего с определенностью не видно, кроме мороков и размытости, предательского двоения, где сущее и не-сущее меняются местами, притворяются одно другим, смешиваются, сливаются... с другой стороны, светло-прозрачный космос как идеальное единство природы и культуры» [12, с. 294]. Неразличимость, неясность проспекта для смотрящего есть прежде всего неразличимость того, что располагается в доверительности и близости.

На проспекте возникает антропологическая оптика, в которой утрачена экзистенциальная компонента человека как видение ближнего, что показывает А. Белый в романе «Петербург». Призрачное пространство города (туман Петербурга) — пространство неразличимости. Оно стирает ориентиры, отдаляет близких людей друг от друга и сближает неизвестных и незнакомых в чистой случайности встреч на проспекте.

Город порождает феномен фрагментарной речи. Скученность людей соединяется с тем, что никого в действительности оказывается не видно — невидимым становится тот, кто говорит. «Не было на Невском людей; но — ползучая, голосящая многоножка была там; сырое пространство ссыпало многообразие голосов — в многообразие слов; все слова, перепутавшись, вновь сплетались во фразу; и фраза казалась бессмысленной; повисла над Невским; стоял черный дым небылиц» [2, с. 56]. Голоса и звуки уходят в неразличимость — остаются принципиально незавершенными. Мысли отделяются от субъектов, слова отделяются от тел — утрачивают свое место, разлетаются по проспекту и наполняются бессмыслицей, именно бессмыслица — *небылица* — то, чего нет, становится очевидной.

Революционная идеология-оптика, представленная в романе, оказывается безразличной к тому, что находится вблизи, а то, что все-таки пребывает вблизи, в равной мере предстает как отдаленное. Чувства близости, родства оказываются подавленными идеологическими схемами. Проброшенная в будущее мыслительная конструкция допускает подмену родственного переживания скептической мыслью по отношению к существующим семейным и родовым человеческим ценностям. Вместе с тем лишенность переживания ближнего выступает как отсутствие мысли и сознания — становятся допу-

стимы «немыслимые вещи», таковы отношения между отцом и сыном, время и напряжение которых определяются идеологической матрицей и заложены в доме *бомбой*.

Оппозицией массовому восприятию являются экзистенциальное переживание и внимание к другому человеку — выход из состояния дальней, общей цели, а тем более ситуации «оправданных целью средств». Через феномен полагания дальней цели трансформируется само элитарное восприятие, приобретает черты массового. Именно в этом ключе соединения массового и элитарного при отсутствии экзистенциальной компоненты может быть представлена и проблема памяти/забвения, т. е. определения присутствия другого человека в настоящем.

Отказ от внимания к ближнему и приоритет представления дальнего приводят к тому, что другой человек оказывается за пределами жизненного внимания субъекта. Но в практическом и этическом представлении самопознание не есть то, что может быть обнаружено в изоляции от других [15, с. 7]. В этом смысле важно обратить внимание на то, что кризис массового восприятия выражается не столько в невозможности выработать «общий язык» с другим человеком, сколько в непонимании необходимости найти человека в родовом этосе существования.

В зависимости от реальных мест присутствия философии и мест обитания философов создаются разные типы и режимы действия субъективности. Различие происходит оттого, что разные типы философии ориентированы на специфические типы понимания реального: если для академического типа философии более значим рационально определяемый и постигаемый мир, то для *событийной* мысли маргинальных сообществ значимы мир выпадающих данностей, маргинальные стратегии социализации.

В этом смысле аналитика причин и процессов социальной изоляции оказывается именно

тем местом, на котором проверяется действенность событийной мысли. Социальная изоляция требует соответствующих форм рефлексии, учитывающей пространственную и личностную взаимосотнесенность.

Анализ травматичного существования человека как субъекта социальных отношений показывает, что формами такого существования выступают избегание Другого и образование социальной изоляции. Причинами разобщения субъектов являются как индивидуальные особенности (аутизм), так и трансформационные процессы социокультурной реальности, при которых происходит отчуждение людей друг от друга и становится невозможным доверительное социальное взаимодействие.

Неустойчивость границы между массовым и элитарным актуализирует проблему экзистенции в социокультурной реальности. Осознание того, что важно не пройти мимо мира другого человека, пережить его присутствие, находиться с ним рядом, становится ключом к восприятию, внимательному к окружающим людям. В отчуждении к близкому находится человек, пребывающий во власти общей идеи. Тем самым в изолированного индивида превращается непонятый близкий человек, особенности и жизненные смыслы существования которого оказывается сложно разглядеть.

При расширении области фантазмов в постсовременности, а также недейственности существующих норм и ценностей отчуждение одного человека от другого становится основанием индивидуального существования. Субъект создает свой собственный порядок, исключает себя из рискованного взаимодействия с Другим. Тем не менее адаптация человека к миру за пределами доверительной коммуникации не может быть признана в качестве положительного решения проблемы травматичного существования. Субъективность формируется в пространстве взаимодействий — так восстанавливает себя субъект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аутисты** и общество: аутизм как болезнь XXI века. URL: <http://www.svoboda.mobi/a/2193315.html> (дата обращения: 09.03.2016).
2. **Белый А.** Петербург. СПб.: Азбука, 2011. 448 с.

3. **Богдашина О.** Особенности сенсорного восприятия при аутизме: введение в проблему // Сиб. вестн. спец. образования. 2012. № 2 (6). URL: <http://sibsedu.kspu.ru/upl/6/bogdashina.pdf> (дата обращения: 09.03.2016).

4. **Грякалов А.А.** Субъективность и топос (к определению современности) // Вестн. Рус. христианской гуманитарной акад. 2007. № 2 (8). С. 33–46.
5. **Дебор Г.** Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.
6. **Декомб В.** Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица / пер. с фр. М. Голованивской. М.: Новое лит. обозр., 2011. 576 с.
7. **Иваненко Е.А., Корецкая М.А., Савенкова Е.В.** Созвездие Горгоны (эссе об эффектах медиа). СПб.: Алетейя, 2012. 328 с.
8. **Кант И.** Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
9. **Лакан Ж.** Этика психоанализа (семинары: книга VII (1959–1960)) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис : Логос, 2006. 416 с.
10. **Мартынова С.А.** Топология образования и феномен социальной изоляции // Философия образования. 2014. № 2 (53). С. 36–48.
11. **Осташенко Е.** Краткий обзор книги Эрика Лорана «Война аутизма» // Междунар. психоаналит. журн. 2013. № 3. С. 177–187.
12. **Топоров В.Н.** Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исслед. в обл. мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. 624 с.
13. **Фуко М.** История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
14. **Beggs A.** Being a spatial thinker // Stone F. Autism: The Eighth Colour of the Rainbow. London, Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2004. 298 p.
15. **Gallagher S., Watson S. (eds)** Ipseity and alterity: interdisciplinary approaches to intersubjectivity. Rouen: Publications de l'Université de Rouen, 2004. 380 p.
16. **Morley S.** The Sublime. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2010. 238 p.

МАРТЫНОВА Светлана Александровна – аспирант *Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.*

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
e-mail: svetlanus.martynova@yandex.ru

S.A. Martynova

SUBJECTIVITY AND THE TRAUMATIC OTHER

This article discusses the problem of alienation in contemporary and subjectivity beyond existential interaction. The purposes of the research consist in analytics of traumatic human experience in interpersonal relations and identification of reasons for the subject's suspicion by public. Due to representation of subjectivity beyond interpersonal relations the author uses the concept of social exclusion, which is wider than that in the M. Foucault's conception. In this article this concept has event-based interpretation. The methods of human alienation analytics are psychoanalytic, hermeneutical, structural approaches and the method of event reflection. In social exclusion human restriction of interpersonal relations is the response against the traumatic Other. The article concludes that social exclusion takes place in the spheres of individual existence and the transformation of socio-cultural reality.

SUBJECTIVITY; SOCIAL EXCLUSION; THE OTHER; MASS; EXISTENTIAL; COMMUNICATION; EVENT REFLECTION.

REFERENCES

1. [Autists and Society: Autism as an XXI century's Illness]. Available at: <http://www.svoboda.mobi/a/2193315.html> (accessed 09.03.2016).
2. Belyy A. *Peterburg* [Petersburg]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2011. 448 p. (In Russ.)
3. Bogdashina O. [Characters of Sensory Perception in Autism: Introduction to the Question]. *Sibirskiy vestnik spetsial'nogo obrazovaniya* [Siberian Herald of Special Education], 2012, no. 2 (6). Available at: <http://sibsedu.kspu.ru/upl/6/bogdashina.pdf> (accessed: 09.03.2016).
4. Gryakalov A.A. [Subjectivity and Topos (Intro for Definition of Modernity)]. *Herald of Russian Christian Humanities' Academy*, 2007, no. 2 (8), pp. 33–46. (In Russ.)
5. Debord G. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Moscow, Logos Publ., 2000. 184 p. (In Russ.)
6. Dekomb V. *Dopolneniye k subyektu: issledovaniye fenomena deystviya ot sobstvennogo litsa* [Addition to the Subject Researching the Phenomenon of Action on its behalf]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2011. 576 p. (In Russ.)
7. Ivanenko Ye.A., Koretskaya M.A., Savenkova Ye.V. *Sozvezdiye Gorgony (esse ob effektakh media)* [Constellation of Gorgon (Essay about Media's Effects)]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2012. 328 p. (In Russ.)
8. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgment]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. 367 p. (In Russ.)
9. Lakan Zh. *Etika psikhoanaliza* (seminary: kniga VII (1959–1960)) [Ethics of Psychoanalysis (Seminars: the Book VII (1959–1960))]. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2006. 416 p. (In Russ.)
10. Martynova S.A. [The Topological Problems of Education and the Phenomenon of Social Exclusion]. *Philosophy of Education*, 2014, no. 2 (53), pp. 36–48. (In Russ.)
11. Ostashchenko Ye. [A brief review of the book by Erik Laurent “The war of autism”]. *International journal of psychoanalytic*, 2013, no. 3, pp. 177–187. (In Russ.)
12. Toporov V.N. [Petersburg and “The Petersburg text of Russian Literature” (Introduction to The Question)]. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoye*. Moscow, Progress – Kul'tura Publ, 1995. 624 p. (In Russ.)
13. Fuko M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [History of Madness in the Classic Era]. St. Petersburg, The University book Publ., 1997. 576 p. (In Russ.)
14. Beggs A. Being a spatial thinker / Stone F. Autism: The Eighth Colour of the Rainbow. London, Philadelphia, Jessica Kingsley Publishers, 2004. 298 p.
15. Gallagher S., Watson S. (eds). *Ipseity and alterity: interdisciplinary approaches to intersubjectivity*. Rouen, Publications de l'Université de Rouen, 2004. 380 p.
16. Morley S. *The Sublime*. Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 2010. 238 p.

MARTYNOVA Svetlana A. – *Herzen State Pedagogical University of Russia.*

Nab. Moyki, 48, St. Petersburg, 191186, Russia

e-mail: svetlanus.martinova@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.251.17
УДК 1(=161.1)(091);130.2

К.С. Пигров, Е.А. Трофимова

К ИССЛЕДОВАНИЮ КОНЦЕПТА ВРЕМЕНИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО МОДЕРНА: ПАФОС И ИРОНИЯ

Статья посвящена актуальной проблеме историософского и аксиологического осмысления генезиса восточноевропейского модерна в соотнесенности с Серебряным веком русской культуры, а также философско-культурологической аналитике феноменов мифа, религии, искусства, космизма, достоинства и самоопределения человека в культурно-историческом дискурсе. Показана глубокая связь масштабных научно-технических, социокультурных и институциональных изменений («сдвигов») с духовно-онтологическими устоями существования человека. Прослежен сдвиг от рационального, дискурсивного к сенсорному, чувственному, материально-телесному. Особо отмечена происходящая в эпоху модерна переоценка соотношений интимного и публичного. Показаны формирующиеся технологии общения, способы раскрытия новых ассоциативно-смысловых пространств культуры. Выявлен генезис понимания фигуры провинциала, модели вождя и др. Эти сдвиги проявились как в философии, так и в многообразных социальных практиках, включая и художественные искания (синтез, синестезия, «вселенское чувство»). В статье предлагается историософское осмысление восточноевропейского модерна в столкновении двух тенденций его развития: с одной стороны, проектов вселенского величия, опирающихся на возможности переопределения самого центра новоевропейской цивилизации, гипотетически смещающегося в Восточную Европу (Н. Рерих, М. Чюрленис, А. Скрябин, К. Циолковский и др.), с другой – иронической улыбки над модернистским пафосом гигантизма (Б. Шульц, Б. Кустодиев, В. Розанов и др.). Подчеркивается новая роль института книги в соотношении интимного и публичного, где само массовое тиражирование оказывается либо на стороне прагматически-эффективного цинизма власти, либо на стороне защиты индивидуации, позволяющей публично защитить самое интимное. На материале углубленного анализа произведений и модернистской поэтики Бруно Шульца (прием элоквенции) намечена модель существования человека в эпоху модерна: люди присутствуют в параллельных потоках времени по отношению к паноптикуму всемирной истории. Сосредоточенные в индивидуальности, они концентрированы на книге в широком смысле слова. Некоторым из них удастся отстоять свою подлинность и не позволить затянуть себя в игры паноптикума. Метафора Шульца («двухпутность времени») привлекает внимание к частной жизни «незаметного» человека с его стремлением к духовному самоосуществлению. Статья расширяет представление о духовных исканиях творцов и мастеров эпохи модерна и может быть использована в практике музейной и образовательно-воспитательной работы.

СТИЛЬ И ЭПОХА МОДЕРН; СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК; МИФ; КОНЦЕПТ ВРЕМЕНИ; КОСМИЗМ; СИНТЕЗ; ГИГАНТИЗМ; ПАФОС; ИРОНИЯ; АЛОКВЕНЦИЯ.

Задача нашей статьи состоит в том, чтобы отметить некоторые возможности историософского осмысления модерна, опираясь на сопоставление имен, которые по тем или иным причинам оказались на обочине мыслящего рассмотрения.

Модерн расценивается нами как констелляция альтернативных практик «эпохи людей» конца XIX – начала XX в. На просторах Восточ-

ной Европы это было время взлета культуры – взлета, породившего несбыточные ожидания радикального переопределения центра и периферии в новоевропейской цивилизации, – преодоления вековой «провинциальности» по отношению к Западной Европе.

Мы акцентируем «встречные» моменты генезиса модерна. Речь пойдет о глубинной про-

тивоположности творчества Николая Рериха и Бруно Шульца. Если Н. Рерих (так же как и К. Циолковский, В. Иванов, А. Скрябин и др.) напряженно грезит о вселенском величии, то Б. Шульц нежно, но беспощадно иронизирует над модернистским пафосом гигантизма (так же как иронически улыбаются Б. Кустодиев в «Русских красавицах», «Купчихах», «Ярмарках» и «Шалыпине» и В.В. Розанов в «Уединенном» и «Опавших листьях»). Потаенный мазохизм в ироническом восхищении «большими прекрасными женщинами» у Кустодиева рифмуется с мазохистскими мотивами у Шульца.

Модерн – это трагическая эпоха, когда новоевропейская цивилизация воочию прозрела свой неотвратимый конец. В модерне переплелись взлет и декаданс – величие, сплошь и рядом переходящее в демагогическое самовозвеличивание, и в то же время потаенная самоирония, коренящаяся в напряженном переживании конечности этой эпохи.

В разных сферах культуры модерн развивался не синхронно. Философия первой уловила сдвиги грядущего сознания – примерно на сто лет раньше, чем они проявились в искусстве (импрессионизм, авангард, футуризм) и политике (социалистические и националистические движения, социалистические и консервативные революции «нового типа»). Началом новейшей философии – по существу первой констелляцией философии модерна – обозначают 23 марта 1820 г., когда А. Шопенгауэр прочел в большом зале заседаний Берлинского университета свою пробную лекцию. Среди слушателей был весь философский факультет во главе с Г.В.Ф. Гегелем.

Начавшаяся с Шопенгауэра новейшая философия оказалась реакцией на своеобразную «сенсорную депривацию» классической немецкой философии, где вербально-смысловые пространства подавляли поля сенсорные – поля чувственности. Модерн – это поворот от гегелевского панлогизма к материально-телесному бытию. Философию Л. Фейербаха и философию К. Маркса, вышедшие из Гегеля, можно понять в их инновационности только в контексте модерна. Далее, через экзистенциализм и феноменологию, происходит сдвиг к «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггера с ключевым экзистенциалом «Dasein». Соответственно в художественных практиках

модерна происходит трансформация от рационального и дискурсивного к сенсорному, чувственному, эмоциональному, интуитивному, иррациональному.

Представлявшийся парадоксальным и неожиданным сдвиг к материально-телесному – эмоциональному, бессознательному, архаическому, детскому – предстает как более или менее сознательное «возвращение» на ином уровне от религии к мифу.

Это неминуемо означает отход от традиционных социального (например, сословность) и политического (например, монархия) порядков, базирующихся на всепроникающей религиозности. Тысячелетняя религиозная культура, которая ранее «отделила» Небо и Землю, Небесное и Земное, была подвергнута суровому испытанию. В повороте к мифу Горнее и Дольнее, разведенные в религии, как будто снова соединяются. «Возвращение» к мифу принимает не только атеистические, «естественно-научные», осознанно богоборческие формы, как у Н. Чернышевского и Д. Писарева, но также и формы поисков новых форм религиозности. Поэтому-то против Н. Рериха, который пытался дерзко экспериментировать в этой области, до сих пор выступают некоторые деятели современной Русской православной церкви.

В русском модерне этому хайдеггеровскому философскому нововведению в известном смысле сродно всеединство В.С. Соловьёва, которое конкретизировалось как «вселенское чувство». Последнее представляет собой до-рефлексивную данность, «гештальт», а также – инсайт, «озарение» творческой личности, соединяющее эстетическую артикуляцию в культуре и нравственное самоопределение индивидуальности.

Итог классического периода новоевропейской цивилизации характеризуется значительным увеличением народонаселения в Западной и Восточной Европе, Северной Америке. Продвинутыми технологиями общения (прежде всего индустриальной техникой как таковой) модерн отвечает на вызов «восстания масс».

Самой существенной формой общения («формой СМК») становится индустриальная техника, активно вторгшаяся начиная со второй половины XIX в. во все сферы бытия общества. Романтический вкус модерна к фантастике находит свое неожиданное подтверждение в

отчаянном футуризме технических инноваций. При кажущейся нацеленности только на утилитарную полезность новая техника заставляет людей чувствовать и мыслить иначе; она потребовала иного человека, переживающего себя как творца сущего. С новыми технологиями связаны многообразные изменения повседневной жизни. Производство массы товаров и производство для массы народа, дешевые товары, впоследствии – массовый автомобиль («форд», «фольксваген»), массовая, пошитая на конвейере одежда, фабрики-кухни – всё это определило новый менталитет урбанизирующегося населения в Западной и Восточной Европе, Северной Америке.

Таким образом реализовалось «восстание масс» в повседневной жизни. Развернувшееся во второй половине XIX в. многообразное социалистическое движение дает социально-философское обоснование для архитектурных революций Ле Корбюзье и Гауди, для Баухауза и обоснование для изменения образа жизни формирующегося «среднего класса».

Возникает новый этап в развитии книги и в «срочной словесности». Происходит переоценка соотношений интимного и публичного:

1) с одной стороны, в условиях, когда Бог мертв, беззащитный, но прагматически эффективный цинизм власти по отношению к индивидуальности;

2) с другой стороны, всплеск индивидуации, раскрывающей возможности публично обратиться к самому интимному.

В связи с изменением роли тиражирования в модерне необходимо особо напомнить древний (из «осевого времени») социокультурный феномен, который часто оставляют в тени. Этот феномен по ряду причин в модерне звучит особенно ярко. Речь идет о некоем культурном инварианте, который заключается в ритуале восхищения/восхваления – восхищения миром, Богом, самим бытием. В сущности культура восхищения/восхваления лежит в основе самого принципа и культуры любви, а также достижения сплоченности.

Как раз в модерне книга как артефакт достигла пика своего значения. Вокруг нее сконцентрировались традиционные ритуалы восхищения/восхваления.

Книга показала способность соединять огромные массы единой волей, в то же время

опора на заветную книгу могла обеспечить невиданный ранее уровень индивидуации – достижение независимости «маленького человека» от любых напастей мира.

По какому-то мистико-ироническому совпадению в знаковом для восточноевропейского мира 1937 г. были опубликованы две книги: «Напутствие вождю» [1], связанное с духовной традицией, изложенной в серии книг учения Живой Этики Рерихов, и «Санатория под Клепсидрой» Б. Шульца [2].

«Напутствие вождю» напечатали в Риге в 50 экземплярах. Эту брошюру последователи учения Н. Рериха рассматривали как эзотерическое послание, ее давали читать лишь ближайшим единомышленникам. В таком способе распространения таились утопические надежды на то, что сокровенный смысл книги будет доступен лишь достойным избранным.

История холодно посмеялась над этими упованиями. «Напутствие вождю» не оказало никакого – ни положительного, ни отрицательного – воздействия на реальные технологии политической жизни эпохи модерна в XX в., которые нашли свое завершение в формах тоталитаризма.

У Б. Шульца книга выступает как способ индивида отстоять свою индивидуальность перед лицом агрессивного социума. Герой Шульца сопротивляется Библии (которая, с точки зрения героя, предстает всего лишь как «апокриф»).

Его заветная «Книга», чуть ли не в туалете висящая для употребления, представляет собой пародийным образом обрывки рекламных объявлений массовой печати. Но индивид с ее помощью может, как «меловым кругом», отграничить свою неповторимую и автономную индивидуальность ото всех чужих ему стихий. Иронический панегирик «Книге» у Шульца в «Санатории под Клепсидрой»: «Я называю ее просто Книга, безо всяких определений и эпитетов, и в воздержанности этой, в самоограничении присутствует беспомощный вздох, тихая капитуляция перед необъятностью трансцендента, ибо никакое слово, никакая аллюзия не способны просиять, заблагоухать, охватить тем ознобом испуга, предчувствием той ненареченной субстанции, первое ощущение от которой на кончике языка не вмещается в наш восторг. Что добавит пафос прилагательных и велеречивость эпитетов этой вещи безмерной, этому

великолепию беспримерному? Но читатель, читатель истинный, на какого рассчитывает эта повесть, поймет и так, если заглянуть ему в глаза и на донышке самом просиять тем блеском. В быстром и пристальном взгляде, в мимолетном пожатии руки он уловит, переймет, распознает — и зажмурится в восторге от столь глубокой рецепции. Ибо разве под столом, разделяющим нас, не держимся все мы тайно за руки?» [2, с. 135].

Таковы две показательные книги модерна.

Перед элитами модерна возникает вопрос: как заново овладеть этим невиданным и страшным миллионголовым чудовищем — массой? Н.К. Рерих строит «модель вождя», в которой он как будто пытается противостоять вульгарной идее «фюрерства».

В основе философских предпосылок новой «модели вождя» лежит «всеединство», «вселенское чувство» русского космизма как модернистская попытка преодоления экзистенциальной дистанции с миром. В ключе модерна такое соотнесение снова пытаются прочувствовать Н.К. Рерих, М.К. Чюрлёнис, А.Н. Скрябин.

Рерих серьезнейшим образом был озабочен поиском «могучих, сверхчеловеческих, влекуще-меняющих загадок бытия» — через архаическое к вечному. В связи с этим ищутся не традиционные для новоевропейской рациональности формы его постижения, а альтернативное рационализму самоуглубление, выявление потаенного, интерес к сновидениям, архетипам, общеродовой памяти человечества, экзистенциальным состояниям, творческим «озарениям», древним символам, знаменаниям.

От концепта «всеединства» через «вселенское чувство» мысль русских философов модерна ведет в сферу глубинного опыта.

Чувствознание помогало Рериху, как он полагал, найти и провозгласить в своем творчестве особые, магнетически притягательные места планеты, услышать «струны земли», приблизиться к «сердцу Азии», получить весть из Шамбалы, почувствовать незримое касание крыла универсальной Культуры.

Творчество Н. Рериха, развивающее понимание глубинного смысла природы, близко прозрениям М. Чюрлёниса. Мир — это музыкальное произведение, где «всё движется единым общим импульсом жизни и где из самого этого движения создаются формы бытия, под-

чиненные единому, основному закону гармонии творческого Принципа» [3]. Всеобщий синопсис Рериха и Чюрлёниса позволяет им уловить Единый Ритм Вселенной — подключиться к универсальному творческому полю мироздания.

В целом модерн акцентировал принципы соотносимости музыкальных звуков, а также вкусов, запахов, с одной стороны, с визуальными, цветовыми, пластическими и, наконец, вербальными формами выражения чувств и эмоций — с другой. И музыка, и слово способны вызвать не только пространственные, но и светоцветовые образы. Мысль также соотносится с определенным родом музыкальности. Гармония, ритм, пропорция, мусическое вдохновение проникают в сердечное чувство, придавая процессам труда и творчества особую ауру.

«Вселенское чувство» являет себя не только как синопсис, но и как синестезис, в котором ставится проблема мультисенсорных переживаний. Синестезия в качестве культурного феномена выходит на авансцену в транзитивные эпохи, в культурах «переходного типа», чертами которых обладает и модерн. Модерн снимает догматизм в трактовке границы нормы и патологии — раскрывает синестезию не только в процессе создания произведения, но и в процессе его активного восприятия — не только у творца, но и у зрителя, который сам оказывается творцом.

Концепт синестезии является взаимно усиленным взаимодействием чувств — своеобразным резонансом мыслей, чувств и эмоций. Синестезия не только указывает на возможности расширения видения и сознания, но и представляет собой способ открытия новых ассоциативно-смысловых пространств культуры — особый эвристический прием. Феномен синестезии выступает здесь как фундаментальный для процессов (а точнее, эксцессов) художественного, технического и научного творчества.

Идея живого одухотворенного Космоса является фундаментальной идеей в модернистской философии космизма в целом. Последняя видит Космос живым, одушевленным организмом. Органика тела и органическая стихийная душа, симпатические узы, силы-стихии, энергии, пробуждающие в нас жизнь, — все эти связи-сопряжения наполняют Космос трепетным дыханием и живой пульсацией.

Подводя предварительные итоги, фиксируя сокрушительные поражения мечтаний модерна об устройстве мира и человека, их надежд на возможность слияния жизни человечества в едином порыве, мы в то же время видим, что этот пафос гениев модерна требует философски осмысленного терпения, «*hostinato rigore*» (упорной строгости), как учил Леонардо. И на нынешнем своем уровне развития этот пафос не напрасен — он обозначает некий отчетливый горизонт человеческих ценностей, который, даже не будучи осуществленным, тем не менее совершенно необходим для достойного человеческого бытия.

Концепт синтеза выходит у Н.К. Рериха на первое место в географическом плане. Рерих-путешественник, мысливший себя в координатах сакрального странничества, убежден в наличии внутреннего географического единства человечества.

Должна существовать общая, ныне забытая, колыбель всех культур. Ее необходимо открыть заново. Рерих стремится в понятие «вождь» вложить не новоевропейский смысл — это не «модель Наполеона». Он ориентируется на традицию духовных вождей в индийской цивилизации, которые дали миру впоследствии такие фигуры, как Махатма Ганди, Джавахарлал Неру и др. Главное для так понимаемого вождя — идея космической самоотверженной самоотдачи, мистического единства с универсумом. Вождь — это человек, сознательно возложивший на себя тяготы служения не только людям, но и вселенскому порядку и не требующий за это служение ничего для себя.

О духовном овладении массами, о своей способности решать вопрос о жизни и смерти всего человечества среди деятелей культуры модерна грезил не только Рерих. А.Н. Скрябин полагал, что в его силах написать такое музыкальное произведение, которое, будучи исполнено в специально построенном для этого храме, приведет — буквально! — к концу существующего мира [4, с. 133]. Аналогичным образом Э.В. Ильенков видел высшую миссию будущего человечества в том, чтобы, спасая высший порядок во Вселенной (именно — «преодолевая» Второй закон термодинамики!), в едином танатическом порыве сгореть в огне глобального научно-технического прогресса [5, с. 415–437] (ср.: «Лунная бомба» А. Платонова).

Однако история пошла совсем не так, как мыслилось. Ирония в том, что вселенские мечтания К. Циолковского реализовались. Но как?! — В напряженном космическом противостоянии ядерно-ракетных комплексов!

Фактически вопрос о «центре» и «периферии» современного мира решается на грани ракетно-ядерной войны. Вопреки прекраснотушным замыслам модерна, реальные практики вождизма XX в. породили нечто прямо противоположное.

Концепт вождя претерпел в эпоху модерна глубокую деграцию. Ни о каком благородном величии духа и речи нет. Эту деграцию выразил У. Черчилль, сравнивая элиты после наполеоновских войн и элиты, сложившиеся после Первой мировой войны: «В 1814 г. победоносные союзники фактически владели всей Европой. Они имели полную физическую возможность навязать свою волю всему миру. В 1919 г. опасности были гораздо больше и союзники гораздо более истощены; обширные области и чрезвычайно важные факторы оставались вне их контроля. В 1814 г. в изящной и церемонной обстановке частных совещаний собралась группа аристократов, всю жизнь обучавшихся ведению государственных дел и дипломатии, до последней степени уставших от войны и ненавидевших перемены; целью их было восстановить и укрепить традиционный общественный порядок после двадцатилетних смятений. В 1919 г. вопросы решали народные трибуны и лидеры народных масс, добравшиеся в грубой сумятице партийной борьбы до головокружительных высот власти и победы и с опаской балансировавшие на ненадежном и изменчивом основании, которое представляет собой сила общественного мнения. <...> В 1814 г. происходили спокойные, обдуманые совещания уверенных в себе и прочно сидевших на своих постах людей; в 1919 г. происходили шумные столкновения сбитых с толку демагогов... каждый должен был обеспечить победу за собой и за своей партией и дать удовлетворение национальным опасениям и страстям независимо от того, были ли они основательны или нет» [6, с. 175–176]. В целом модернистская «модель вождя» потерпела поражение не только в своем прекраснотушном варианте, как у Рериха и Махатмы Ганди, но также и в своем цинично-прагматическом варианте, как у Гитлера, Ленина и Сталина.

Налицо корреляция краха «модели вождя», с одной стороны, и глубинная деградация стиля — с другой. Живопись и скульптура модерна напоминают «варваризацию» художественного стиля в Позднем Риме. Показательно пренебрежение художественной техникой. Расцветает искусство примитива (А. Руссо, Н. Пиромани, М. Примаченко и др.). М. Чюрленис и Н. Рерих как будто намеренно не придают значения живописной технике. Чюрленис, по мнению Н.А. Бердяева, «красочно беспомощен, живописно недостаточно одарен» [7, с. 5].

Минимализм актуализирует воображение, фантастику, которая, в частности, реализуется как изменение масштабов предметов мира. Космический гигантизм выражает массовость общества (триптих Чюрлениса «Рекс»: статуя исчезающе мала по отношению к Океану, но в сравнении с человеком она непомерно огромна).

Фантастическое и минималистское предполагают недосказанность и демагогический призыв к зрителю («Соучаствуй в творчестве!», «Это может сделать каждый!»). Под видом соучастия — новая форма порабощения (все «демократические» игры и ритуалы!).

«Встречное движение» модерна, представленное творчеством Б. Шульца, выражает не заботу элиты о величии и общем космическом мироустройстве, а, напротив, стремление «маленького», но отважно чувствующего и мыслящего «микрокосма» духовно осуществиться в условиях, когда реализация вселенских планов оборачивается тотальным господством над индивидуальностью.

Бруно Шульц выразил одну из важнейших своих мыслей в метафоре «двухпутного времени» примерно так. Время имеет две колеи. Есть главная колея, это, так сказать, «всемирная история». Но есть и «боковые ветки времени», проблематичные и «не совсем легальные». — Не надо бояться! [2, с. 13–14].

В чем смысл «двухпутности» времени?

С одной стороны, жизнь империй, глобальные процессы «всемирно-исторической» значимости, а с другой — «незаметная» жизнь отдельных людей. («Частная жизнь превыше всего!» — В. Розанов.)

Нам такого рода «встречные движения» модерна известны в формулировке Э. Соловьёва, который противопоставил у М. Хайдеггера «историзм» и «историцизм» [8]. Подлинный

историзм — это частная жизнь человека. Историцизм — это пустой грохот так называемой «мировой истории».

«Двухпутность» наблюдается, когда мы пытаемся осмыслить, с одной стороны, например, последние годы Дунайской империи и, с другой стороны, частную жизнь тех, с кем эти последние страницы истории будто бы должны отождествляться. Так не определена ли жалкая жизнь Франца-Иосифа «как императора» тем, что его мать ненавидела свою невестку? Здесь разворачивались микроскопические трагедии не меньшей экзистенциальной значимости, чем имперская катастрофа.

В столкновении/сопоставлении этих двух путей времени и строится модернистская поэтика Б. Шульца, основывающаяся на иронии.

Ирония — это «возвышенное наизнанку, это бесконечное отрицание, приравнивающее мудрость к неразумию, а неразумие к мудрости» [9, с. 13].

Ключевая «рифма» Н. Рериха и Б. Шульца в пространстве модерна состоит в том, что если Рерих истово воплощал идею возвышенного, то Шульц показывает нам его оборотную сторону, которая при этом не перестает быть возвышенной. Если Рерих переживал себя как существующего в Центре Мира и стремился в высочайшие горы, к вершинам всей космической Вселенной, то Шульц чувствовал себя глубоко погруженным в болото своего галицийского захолустья, что не отменяло, а, напротив, усиливало сияние всеобщего звездного неба над его головой.

Каким образом осуществлялась «выдвинутость Бруно Шульца в Ничто», как осуществилась его смерть?

Смерть Бруно Шульца — ироническая смерть. Существующие биографии Шульца обычно представляют его как жертву — некое заклятие «невинного агнца» нацистом. Шульц оказывается всего лишь одним из бесчисленных кровавых следов Холокоста.

Но дело совсем не в том, что Бруно Шульц — «жертва Холокоста». Его ироническая смерть того же типа, что и смерть главного героя в фильме Р. Бенини «Жизнь прекрасна».

Бруно Шульц вообще не жертва, и уж тем более не «жертва Холокоста». Да, нацистский офицер в своем жалком безумии призрачного господства — своей подсознательной вины и свирепой скуки бездуховности — застрелил его.

Но трагическая ирония Шульца состоит в том, что этого ничтожного, никчемного человека — Карла Гюнтера он своей смертью поднял до некоего, пусть отрицательного, но значения в действительной истории.

Благодаря Б. Шульцу само это одноклеточное из гестаповского планктона — Карл Гюнтер, некий «микроскопический Герострат», сыграл в массовке модерна свою роль, мелкую, хотя и запоминающуюся.

Бруно Шульц как персонификация фундаментальной иронии в общей ткани модерна — это такое событие духовной жизни человечества, где вопрос о жизни и смерти ставится по другую сторону принесения в жертву «невинных агнцев».

Подобно Христу и Сократу, Бруно Шульц бессознательно хотел «быть виновным», и его жизнь по самому высшему критерию подлинно состоялась.

Бруно Шульц «не жертва» потому, что он создал великий Гимн, восхваление Бытию во всей его дионисийности.

Шульц всю жизнь прожил не так, как просто пить стакан воды, а «как с напряженным вниманием дегустируют сложнейший букет неповторимо богатого вина...» [10, с. 7–8].

Могут ли быть у Бруно Шульца какие-то «безобразные» детали в пейзаже, в бытии вообще? — Нет!

У него даже клопы дрогобычского захолустья, поскольку они стали предметом его литературного мимесиса, — прекрасны.

Тема «двухпутности» времени обнаруживается в отношениях провинции и столицы. Провинция катится по «тупииковому пути» — «не вполне легальному». (Ведь «обыватель всегда в чем-нибудь виноват»!)

Модерн начинает дерзко экспериментировать с перемещением культурных центров.

Бруно Шульц, с одной стороны, томится проклятьем провинции. Дрогобыч, ни разу не называемый в его произведениях, для Шульца «далекий и печальный городишка с белым, как бумага, небом, оцепеневший от прозы и повседневноности», некий польский Окуров или — город Глухов.

В свой «звездный час» Шульц пытается жить в Париже, но, в противоположность Д'Артаньяну и Сирану, завоевать Париж ему не удалось.

Провинциал модерна — это совершенно особая фигура! Оказывается, что именно провинция предлагает для развертывания духа особые возможности, которых в столице нет. Прелесть, опасность и соблазн модернистского захолустья в том, что именно в нем «ослабляется жизненная настоятельность и необходимость», где и становятся возможны подлинные «и искусство, и комическое, и ирония».

Отношение «историцизма», с одной стороны, и подлинной истории — подлинного Dasein, с другой, в отношениях центра и периферии обнаруживается в творчестве гениев модерна. Ван Гог и Гоген выбирают провинцию, Циолковский горит неистовым творческим огнем в своей Калуге, Шульц в Дрогобыче создает мировые шедевры, до поры потаенные.

Захолустье и ирония оказываются эквивалентными. Благо тем, кто не живет в столице!

Бруно Шульц, напряженно переживая себя существующим в эпоху массовой фабрикации, преодолевает ее прорывом к шопенгауэровской «истинной созерцательности».

Центр и периферия приходят в движение — они как будто готовы поменяться местами. Поэтому модерн делает переживание провинциализма совершенно непереносимым. Люди модерна в провинции («провинциальные» Достоевский и Толстой; Габриэль Маркес — вся, формально говоря, «провинциальная» латиноамериканская литература «магического реализма») вдруг значимо заявляют о себе.

«Побывать в Париже и умереть!» — человеку классики и, еще острее, человеку модерна, будь то Тамбов или Аризона, такое переживание понятно. Но модерн порождает иронический призыв: «Побывать в Дрогобыче и умереть!»

Вульгарная культура XX в. становится предметом иронического восхищения. Модерн предстает как возникший из эклектизма. Он несет на себе каинову печать «дурного вкуса», которую брезгливо усмотрел уже Гегель в Шопенгауэре. И этот дурной вкус оказался массово растиражированным! Массовая культура в начале XX в. нагло заявляет о себе.

Лукавство и отвага Бруно Шульца состоит в готовности всё время идти по грани вульгарности и пошлости, играя в сумерках этой опасной области. В книге «Санатория под Клепсидрой», передразнивающей бульварную литературу и «популярную историю», налицо вставки в духе

массовой культуры начала XX в., иронические, псевдосерьезные «повествования» про Максимилиана, Наполеона III, Франца Иосифа I.

В мечтах о Бианке у Бруно Шульца мы чувствуем дыхание и Александра Грина, и Николая Гумилева, а также Осипа Мандельштама, эпатирующе «пересказывающего» содержание немых кинофильмов.

Ирония Шульца принимает специфическую форму, она предстает как элоквенция – введение в дискурс специальных научных терминов, которые в обычной речи неуместны, но создают особое стилистическое напряжение. Аналогичный иронизирующий прием элоквенции применялся в американском модерне, например у О. Генри в «Городе без происшествий» [11].

Бруно Шульц всюду в окружающем его убогом мире видит «выразительную элоквенцию». Бесконечно скучные галицийские обыденности оживляются элоквенцией, как крепким вином, – и жить на этом свете становится можно: «Солнце неспешно двигалось к экваториальным точкам, медлило в движении, достигало образцовой позиции, в каковой должно было замереть в безупречном равновесии, исторгая поток за потоком ручки огня на пустую и поглощающую землю» [2, с. 26].

Безутешной провинциальности затерянного где-то на земле Дрогобыча с помощью элоквенции придается космический смысл. Так бесконечно прекрасные звездные спектакли в живописи Ван Гога «компенсируют» обыденность сельских пейзажей Южной Франции. Элоквенция Бруно Шульца – это витийство от отчаяния. – Как еще преодолеть бесконечную скуку маленького галицийского городка?!

Весь мир Шульца – тот мир, которым он восхищается и которому поет неустанную ироническую хвалу, – предстает как космический паноптикум. В нем мифология осуществляется иронически, при сохраненности сакральности.

Социальный институт паноптикума – концепт весьма серьезный. Он связан с именами Иеремии Бентама и Мишеля Фуко. Но у Бруно Шульца он являет собой некоторую пародию, выражающую самую суть общества.

В гастроллирующем паноптикуме обнаруживаются механические куклы, изображающие некие, как сказали бы сегодня, «медийные персоны». Тема «манекенов» вообще принци-

пиальна для новоевропейской цивилизации. О возможности мыслить самую сущность человека как «куклы» поставила вопрос не только М. Шелли, написавшая в 1816 г. свой роман «Франкенштейн, или Современный Прометей», но уже Р. Декарт.

Все люди – манекены, и ничем от манекенов внешне не отличаются. «Великие люди», «известные люди», водители человечества – вот они-то манекены в первую очередь!

«У каждого свисал изо рта мертвый, точно язык удавленника, последний вопль той минуты, когда покидали они дом скорбных главою...».

В паноптикуме представлен ряд манекенов: Эдисоны, Дрейфусы и... Лукени!

Эдисон – великий гений технического прогресса, на котором стоит эра электричества, и рядом с ним Дрейфус, который в своей безупречной порядочности, тем не менее, совершенно не интересен. И он ставится в один ряд с Эдисоном!

Но самая страшная, смешная, нелепая в этом ряду фигура Л. Лукени, убийцы по званию, драпировавшегося под «террориста», который тоже, оказывается, как будто «имеет право» быть представленным в паноптикуме только потому, что его имя без конца мелькает в прессе. Террорист Лукени рифмуется с убийцей самого Бруно Шульца, с гестаповцем Карлом Гюнтером.

Кто организовал паноптикум? Здесь должен быть упомянут ныне забытый, но важный для модерна деятель – Финеас Барнум, американский антрепренер, крупнейшая фигура американского шоу-бизнеса XIX в.

Ф. Барнум напоминает нашего С.П. Дягилева. Но если Дягилев глубинным образом культурно-аристократичен, то Барнум в американском духе намеренно и вызывающе вульгарен. Одна затея с цирковой демонстрацией (!) «няни самого Джорджа Вашингтона» чего стоит!

Весь мир Бруно Шульца предстает как паноптикум, но, благодаря способности Шульца к безудержно восторженно-ироническому восхищению, в этом мире можно жить!

«Умер» ли Бруно Шульц? Вспомним диалог с врачом в «Санатории под Клепсидрой». Молодой человек, приехавший в санаторию к умирающему отцу, обращается к врачу: «Отец жив?» «Конечно жив, – сказал доктор, спокойно выдержав мой горячий взгляд. – Разумеется, в

пределах, обусловленных ситуацией... Вам, как и мне, хорошо известно, что с точки зрения вашей семьи, с позиций вашей страны, — он умер. Этого полностью исправить не удастся. Так что смерть наложила определенный отпечаток на его здешнее бытование» [2, с. 300–301].

Абсурдный диалог с врачом у Б. Шульца напоминает столь же абсурдный диалог о смерти главного героя с врачом в финале «Зеркала» Андрея Тарковского: «Неужели ангина могла дать такие последствия?!» «Причем тут ангина?! — неожиданно отвечает доктор. — Есть ведь совесть, память...»

Но в высшем смысле слова отец героя «Коричных лавок», этот дрогобычский Циолковский, — не умер!

Повесть «Санатория под Клепсидрой» — это, в сущности, история любви — история любви к отцу. Она как будто проникнута безоглядным оптимизмом Циолковского в «Монизме Вселенной».

Любовь к отцу предстает как осуществление вселенского принципа приятия этого мира. Отец — этот предмет беззаветной и никак рационально не мотивированной любви мальчика — прекрасен тем, что преодолевал как умел дрогобычское оцепенение «от прозы и повседневности». Без такого отца не было бы такого

сына. В этом «метафизический смысл» умирающего под Клепсидрой отца.

Итак, общая картина мира модерна такова. На «историческом» фоне, в пыльных исторических декорациях, живут отдельные одинокие люди — такие как Николай Рерих и Бруно Шульц. Они присутствуют при «грандиозных политических свершениях». Но эти «грандиозные политические свершения» всего лишь несущественный фон для подлинно человеческих занятий — для «Книги», для «Альбома с марками», для созерцания, чтобы просто сидеть на стуле и смотреть вдаль.

Эти люди вместе с Бруно Шульцем существуют в параллельных потоках времени по отношению к паноптикуму всемирной истории. Одинокие, сосредоточенные в своей индивидуальности люди «не отвлекаются» — они сосредоточены на «Книге». Их втягивают в суету, но некоторым удается сохраниться в своей подлинности — не быть втянутыми в игры паноптикума.

Так, это удалось сегодня, например, поразившему воображение россиян Г. Перельману. Пронзительная ирония родом из модерна — ирония уже XXI в. — в том, что он, Григорий Перельман, стал «известен», обеспечил себе место в современном паноптикуме рядом с «восковыми персонами», совершенно его недостойными...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рерих Н. Напутствие вождю. URL: http://agniyoga.sibro.ru/living-ethics/naputstvie_vozhdu/?PAGEN_1=6 (дата обращения: 29.07.2014).
2. Шульц Б. Коричные лавки. Санатория под Клепсидрой / пер. с польск. А. Эппель. М.: Иностранка; Б.С.Г.-Пресс, 2000.
3. Леман Б.А. Чурлянис. Пг.: Изд-во Бутковской, 1916.
4. Юрман И.А. К патографии Скрябина // Клинический архив гениальности и одаренности / под ред. Г.В. Сегалина. Свердловск, 1926. Т. 2, вып. 2.
5. Ильенков Э.В. Космология духа // Философия и культура. М., 1991.
6. Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. М.: Эксмо. 2003.
7. Бердяев Н.А. Кризис искусства. М.: Интерпринт, 1990. 48 с.
8. Соловьёв Э.В. Попытка обоснования новой философии истории в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера // Новые тенденции в западной социальной философии. М.: Изд-во ИФАН, 1988.
9. Янкевич В. Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004.
10. Луначарский А.В. Предисловие // Пруст М. В поисках утраченного времени. Б. м., 1934.
11. Генри О. Город без происшествий. М.: Моск. рабочий, 1981.

ПИГРОВ Константин Семёнович – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: kspigrov@yandex.ru

ТРОФИМОВА Елена Александровна – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

e-mail: trele@mail.ru

K.S. Pigrov, E.A. Trofimova

TO STUDY THE CONCEPT OF TIME IN EAST EUROPEAN MODERN ERA: THE PATHOS AND IRONY

The article is devoted to historiosophical and axiological understanding the Genesis of Eastern European Modern era in relation to the “Silver age” of Russian culture, as well as philosophical and cultural dimension of the phenomena of myth, religion, art, cosmism, dignity and human self-determination in cultural-historical discourse. The article shows the deep connection of large-scale scientific-technical, socio-cultural and institutional changes (“shifts”) with the spiritual and ontological foundations of human existence. In the article the Modern era is considered as a significant shift in the various fields of culture: from rational discourse to sensual, material and corporal, highlighted what is happening in the modern era a reassessment of the relationships of intimate and public, shows the emerging technologies of communication, new ways of disclosing associative-semantic spaces of culture, identified the Genesis of the understanding of the figure of the provincial and the model of leader. These changes are manifested both in philosophy and in diverse social practices, including artistic quest (synthesis, synesthesia, universal sense). The paper proposes historiosophical understanding of Eastern Europe Modern era in the collision of two development trends: on the one hand, the project of universal greatness, based on the possibility of redefining the very center of modern European civilization, hypothetically displaced in Eastern Europe (N. Roerich, M. Chiurlionis, A. Scriabin, K. Ziolkowski and others), and on the other hand – an ironic smile on modernist pathos of gigantism (B. Schulz, B. Kustodiev, V. Rozanov and others). Highlights the new role of the institution of the book in relation intimate and public, where the very mass reproduction is either on the side of a pragmatic cynicism of power-efficient, or on the defense of individuation, which allows public to protect the most intimate. On the material in-depth analysis of the works and the modernist poetics of Bruno Schulz (reception eloquentia) planned model of human existence in the modern era: the people present in the parallel flow of time in relation to the freak show of world history. Concentrated in personality, they concentrated on the books in the broadest sense. Some of them manage to defend its identity and not allow yourself to tighten the game panopticon. The metaphor of Bruno Schulz (“double-track time”) attracts the attention to the “invisible” man with his desire for spiritual fulfillment. The article

expands understanding of the spiritual quest of the creators and masters of the modern era and can be used in the practice of Museum and educational work.

STYLE AND THE MODERN ERA; THE SILVER AGE; MYTH; CONCEPT OF TIME; COSMISM; GIGANTISM; PATHOS; IRONY; ELOQUENCE.

REFERENCES

1. Rerikh N. *Naputstviye vozhdyu* [Parting words to the leader]. Available at: http://agniyoga.sibro.ru/living-ethics/naputstvie_vozhdu/?PAGEN_1=6 (accessed 29.07.2014).
2. Shults B. *Korichnyye lavki. Sanatoriya pod Klepsidroy* [Cinnamon shops. Sanatorium under Klepsidra. Coll.]. Moscow, Inostranka; B.S.G.-Press Publ., 2000. (In Russ.)
3. Leman B.A. *Churlyanis* [Churljanis]. Petrograd, Publ. Butkovskoy, 1916. (In Russ.)
4. Yurman I.A. [To fotografie Scriabin]. *Klinicheskiy arkhiv genial'nosti i odarennosti*. Sverdlovsk, 1926. Of vol. 2, pt. 2. (In Russ.)
5. Ilyenkov E.V. [The cosmology of the spirit]. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture]. Moscow, 1991. (In Russ.)
6. Cherrhill U. *Mirovoy krizis. Avtobiografiya. Rechi* [The global crisis. The autobiography. Speech]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. (In Russ.)
7. Berdyayev N.A. *Krizis iskusstva* [The crisis of art]. Moscow, Interprint Publ., 1990. 48 p. (In Russ.)
8. Solovyev E.V. [Attempt to ground a new philosophy of history in the fundamental ontology of M. Heidegger]. *Novyye tendentsii v zapadnoy sotsialnoy filosofii*. Moscow, IFAN Publ., 1988. (In Russ.)
9. Yankelevich V. *Ironiya. Proshcheniye* [The irony. Forgiveness]. Moscow, Respublika Publ., 2004. (In Russ.)
10. Lunacharskiy A.V. The Preface to the book: *Marcel Proust. V poiskakh utrachennogo vremeni* [In search for lost time]. Without publ., 1934. (In Russ.)
11. Genri O. *Gorod bez proisshestviy* [The city without incident. Collection of stories]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1981. (In Russ.)

PIGROV Konstantin S. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: kspigrov@yandex.ru

TROFIMOVA Elena A. — *St. Petersburg State University of Economics.*

Sadovaya ul., 21, St. Petersburg, 191023, Russia

e-mail: trele@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.251.18
УДК 1(091)+113/119+130.2

В.А. Серкова

ИДЕАЛ «СТРОГОЙ НАУКИ» В ФИЛОСОФИИ

В статье анализируется программа реформирования философии по принципу «строгой науки» в феноменологическом учении Э. Гуссерля (1859–1938). Отмечено значение логики в этом процессе. Дан сравнительный анализ логических исследований Г. Фреге и Э. Гуссерля. Показано, как повлияла феноменология на формирование смыслов «реального» и «объективного» в трудах эпистемологов XX столетия. Объективизм, или материалистический натурализм, как форма соединения двух отдельно сложившихся областей знания – эмпирического опыта и логических взаимосвязей, – с точки зрения Гуссерля, показывает свою несостоятельность, поскольку эмпирия ориентирована на спонтанную форму сознания, в то время как классическая формальная логика представляет собой отвлеченную от реальности нормативную конструкцию. В этой связи Гуссерль, аналитически описывая спонтанную работу сознания, настаивает на реформировании логики и приведении ее в соответствие с многообразием восприятия мира в сознании. Развитие неклассических логик в XX столетии подтвердило правоту философа.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ; ИДЕАЛ «СТРОГОЙ НАУКИ»; НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ЛОГИКИ; ПРИНЦИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ; СИМВОЛИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ.

В XX столетии одной из самых уважаемых философских школ становится феноменология. С одной стороны, она наследует немецкой классической философии, в частности трансцендентальной аналитике И. Канта, с другой стороны, Э. Гуссерль, родоначальник феноменологии как последовательного учения, стремится поставить феноменологическую философию на одну ступень со «строгими науками».

Эдмунд Гуссерль (1859–1938) прошел сложный путь духовного развития. Он изучал математику, физику и философию сначала в университете Лейпцига, затем в Берлине. Среди учителей Гуссерля был основатель «критической математики» К. Вейерштрасс. В 1882 г. Гуссерль защищает диссертацию по математике «О теории вариативного счета» и в качестве приват-ассистента при Вейерштрассе остается преподавать в Берлине. В 1891 г. выходит в свет его работа «Философия арифметики». За несколько лет до Гуссерля, в 1884 г., австрийский логик Готлоб Фреге опубликовал свой труд «Основания арифметики». Фреге и Гуссерль вступают в продуктивную критическую переписку вокруг общего для них предмета исследования – базо-

вых оснований арифметики, или теории счета. В дальнейшем они стали продвигаться в разных направлениях. Фреге создал специальный раздел математики – символическую несодержательную логику, повлиявшую на формирование языка искусственного интеллекта.

Развитие логики в пределах исчисляемых понятий и символических содержаний по образцу фрегеевской не привлекало Э. Гуссерля, тем не менее логика занимает особое место в его феноменологической теории. Двадцатый век ознаменовался невиданным со времен Аристотеля расцветом логических учений. Эта наука оставалась предметом интереса Гуссерля на всех этапах его философской деятельности. На формирование концепции Гуссерля повлияли такие логики, как Д. Гильберт, К. Гедель, Ф. Ланге, Г. Лотце, К. Твардовский, Б. Рассел, Г. Фреге. Сам Гуссерль обращается к проблемам логики в специальных работах – «Логических исследованиях» (1900–1901), «Формальной и трансцендентальной логике» (1929), «Опыте и суждении» (1939). Он читает курсы, посвященные общим и специальным вопросам логики. Так, в зимний семестр 1910/11 г. в Геттингене он ведет курс по общей логике, в 1925–1926 гг.

читает лекции, посвященные анализу пассивного синтеза. В таких работах, как «Философия арифметики» (1891), «Идеи к чистой феноменологии» (1913) и «Картезианские размышления» (1929), Гуссерль органично вплетает логическую проблематику в общую ткань своих феноменологических исследований.

С конца XIX в., в третий раз после расцвета аристотелевской и схоластической теорий, логика вновь возрождается. Именно в логических исследованиях математики и философы пытаются переосмыслить результаты достижения двух наук – математики и психологии, во многом определивших дальнейшее направление развития философской проблематики. С логикой обычно связывалась и проблематика «философии как строгой науки». Расцвет неклассических геометрий, а также другие математические открытия второй половины XIX – первой трети XX в. привели к переосмыслению принципов и законов классической логики.

В узкой среде специалистов-логиков сложилось различное отношение к гуссерлевым усилиям подвергнуть логику критическому анализу с позиции формирующейся феноменологии. Так, Г.Х. фон Вригт даже не упоминает имени Гуссерля в своем критическом обзоре важнейших этапов развития логики в XIX и XX вв., обходит его молчанием и в своих собственных логических штудиях [1].

Но в случае с Гуссерлем, по-видимому, следует оценивать не только конкретные результаты его логических занятий, но и общий, во многом нереализованный потенциал его феноменологических исследований, которые в общем радикальном реформировании основ европейской рациональности не могут не задевать проблем классической логики. Не случайно, что те логики, с которыми Гуссерль общался при жизни или состоял в переписке, свидетельствуют, что очень часто те или иные их логические достижения были инспирированы гуссерлевыми исследованиями. Так, Б. Рассел в письме к Гуссерлю пишет, что его «Логические исследования» были в числе тех книг, которые Рассел прихватил с собой в тюрьму, куда был заключен за свои пацифистские настроения во время Первой мировой войны [2, с. 367].

Особого внимания заслуживают отношения Гуссерля и Фреге, которые скреплялись

их общим интересом к логике и математике. Ученые вели переписку, наиболее активно с 1981 по 1906 г. Переписка оживлялась, когда выходили из печати их очередные работы. Взаимное влияние двух философов основательно проанализировано такими исследователями феноменологии, как Д.Н. Моханти, М. Даммит, Д. Фёллесдаль, Я. Хинтиikka, посвятившими этому вопросу специальные работы. Ученые по-разному оценивают результаты такого обоюдного воздействия. Так, Я. Хинтиikka полагал, что фрегеевская логическая теория – плохой предмет для сравнения с гуссерлевской феноменологией, поскольку в учении первого не содержится и намек на те методологические процедуры, которые у Гуссерля являются необходимыми и предваряющими всякое исследование. В частности, это касается вопроса относительно редукций, формирующих структуру феноменологической аналитики и определяющих в целом характер анализируемых предметностей в феноменологии [3, с. 93].

Другие исследователи полагают, что именно благодаря различным подходам Фреге и Гуссерля в решении схожих проблем взгляд одного подчас с неожиданной стороны проясняет позицию другого. Р. Соломон в исследовании, посвященном Фреге и Гуссерлю, полагает, что взгляды Фреге позволяют «прояснить некоторые наиболее загадочные пассажи у Гуссерля» [4, с. 40].

При сравнении взглядов Г. Фреге и Э. Гуссерля бросается в глаза их негативизм в отношении к языку как основе логической конструкции, что сближает воззрения двух философов. В 1906 г. Фреге в письме Гуссерлю пишет следующее: «Логика, как мне кажется, еще слишком часто липнут к языку и грамматике... Задача логики не может состоять в том, чтобы следовать языку и выяснять, что заключено в языковых выражениях. Каждый, кто хочет научиться логике из языка, подобен взрослому, который хочет научиться мыслить у ребенка. Когда люди создавали язык, они находились на уровне детского образного мышления. Языки не создавались по логической линейке. И логическое в языке сокрыто за образами, которые не всегда верны. Во время образования языков, по-видимому, имело место чрезмерное разрастание языковых форм. Позднее многое должно было исчезнуть и упроститься. Главная задача логики

состоит в освобождении от языка и в упрощении. Логика должна стать судьей языка. Следовало бы покончить с субъектом и предикатом в логике; или эти два слова следовало бы ограничить отношением подпадания предмета под понятие (субсумпцией). Отношение подчинения одного понятия другому настолько отлично от этого отношения, что при этом не может быть и речи о субъекте и предикате» [5, с. 156].

Сходные по духу высказывания Гуссерля, касающиеся «искушения языком», можно найти в «Начале геометрии».

Фреге склонен отдать язык на откуп исторической лингвистике, как логик он готов ограничиться сферой символических высказываний, поддающихся формальному исчислению. Для Фреге (как для профессионального логика) символическое описание является всегда самым предпочтительным способом логического выражения, хотя и не всегда достижимым. Для Гуссерля такой способ абсолютно неприемлем именно потому, что он носит нормативный характер и никак не выражает конкретного содержания сознания.

В своих «Логических исследованиях» Фреге показывает, как осуществляется переход от чувственной формы к языковой, когда «образность языка создает некоторые затруднения. Чувственность неизменно вторгается в область внечувственного, сообщая выражениям образность и, следовательно, неточность. Так возникает борьба с языком, вынуждающая меня заниматься лингвистическими проблемами, хотя это, вообще говоря, не входит в мою непосредственную задачу» [6, с. 60–61].

Недоверие к языку заставляет Фреге сосредоточиться на области формальных символических структур и разрабатывать свою классификацию суждений, существенно отличающуюся от традиционной. Он анализирует логику предикатов и преимущества формализованного языка. Такая тенденция была абсолютно чуждой Гуссерлю, поскольку он в своих примерах предпочитал обращаться скорее к «экземплификациям» конкретных случаев и очень редко демонстрировал то или иное положение своей теории посредством символических формул или схем. Однако и чувственные содержания опыта проходят процедуру феноменологической редукции и не могут использоваться как «очевидностный фактологический материал».

М. Мерло-Понти, французский последователь Гуссерля, объясняет причину того, почему ощущения и основанные на них так называемые первичные качества не могут рассматриваться как базовые структуры феноменологического анализа. В «Феноменологии восприятия» он пишет: «Так называемая очевидность чувствования основана не на свидетельстве сознания, но на наивной вере в мир. <...> Мы вовлечены в мир, и нам никак от него не оторваться, чтобы перейти к осознанию мира. <...> В отношении качества можно дважды ошибаться: во-первых, мы ошибаемся, когда делаем из него элемент сознания, тогда как для сознания оно объект, когда относимся к нему как к ни о чем не говорящему впечатлению, хотя оно всегда имеет какой-то смысл; с другой стороны, когда полагаем, что этот смысл и этот объект являются и определенными, и самодостаточными. И первая, и вторая ошибка исходят из наивной веры в окружающий мир» [7, с. 27–28].

Проблема отношения единичного «теоретического факта» к системной полноте теории, которую развивал Гуссерль в своей феноменологической дескриптивной философии, позже была подхвачена П. Дюэмом, впоследствии уточнена У. Куайном и вошла в эпистемологию как тезис Дюэма – Куайна. Я. Хинтиikka в теории глубинной и поверхностной информации, выделяя два уровня реальности, утверждает, что «глубинная информация – это информация о реальности, о которой говорит рассматриваемое высказывание, а поверхностная информация – это в определенном смысле информация о самом концептуале, с помощью которого мы отражаем реальность (или какой-то ее аспект)» [8, с. 221]. В этом свете логика, как один из концептов, является всего лишь последовательным и непротиворечивым связыванием некоторых предметных содержаний, в силу этого она остается ограниченным (поверхностным), как у Хинтиikka, или нормативным, как у Гуссерля, способом интерпретации, который является только фрагментом возможного понимания, только одним из многих коррелятивных отношений. Реальное же означает всю совокупную систему возможных высказываний, что близко по смыслу «полной ноэме» Гуссерля.

Итак, анализ сознания не ограничивается для Гуссерля пределами чистого формального (математического) знания, так же как и грани-

цами индивидуальных содержаний сознания, или конкретного психологического опыта. Именно поэтому в своем знаменитом произведении «Логические исследования», которое принесло ему славу оригинального философа, Гуссерль критикует как символическую теорию, так и обратную практику «подкладки» чувственных образов под такого рода конструкции. В первую очередь он имеет в виду неокантианскую теорию символических форм и эмпирическую психологию. Ориентация на психологию, имеющую эмпирическую базу исследований, согласно Гуссерлю, приведет философию к квазинаучности.

Два тома «Логических исследований», появившиеся в 1900–1901 гг., — это итог чрезвычайно плодотворного развития Гуссерля-философа. В последнем, шестом, исследовании второго тома Гуссерль формулирует и исследует принцип интенциональности, который и будет определять основу его феноменологического метода. Между 1901 г., годом окончания работы над «Логическими исследованиями», и 1911 г., годом появления его программной статьи «Философия как строгая наука», лежит целенаправленная работа по формированию феноменологической философии, которая только и могла, с точки зрения Гуссерля, претендовать на статус «строгой философии». В чем же заключается смысл обновления философии? Если в целом характеризовать значение этой статьи, то, по-видимому, следует признать, что в ней еще не определен способ преобразования философии, это скорее «академический плач» по поводу несостоявшейся науки с весьма длительной историей, чем четкий и конструктивный план ее реформирования. Согласно Гуссерлю, философия как «строгая наука» «еще и не начиналась», поскольку в ней не выработан метод исследования. Метод понимается Гуссерлем не как стиль, индивидуальный и уникальный авторский почерк. Философский метод, полагает Гуссерль, это последовательно проявляющаяся рефлексивная воля, нацеленная на «очищенные во всесторонней критике и устоявшие перед всякой критикой результаты» [9, с. 54]. Также бесперспективны, с точки зрения Гуссерля, попытки создания научной философии с ориентацией на ее мировоззренческую миссию. Мировоззрение всегда уникально, философия же может быть универсальной только благодаря единству

метода, конкретно — феноменологического метода, который дает возможность пробиться к философскому пониманию реальности.

В статье «Философия как строгая наука» Гуссерль подступает к анализу одной из главных проблем всей его философии — проблемы реальности. Он критикует поверхностный объективизм (натурализм, материализм), который основан на принципе тождества бытия и мышления, когда ощущения расцениваются как определенно адекватный и непротиворечивый слепок с действительности. Мы заранее аксиоматически предполагаем, что та картинка, которая является результатом слаженной работы наших органов чувств, отражает («копирует, фотографирует») мир в его определенности и самоданности «как таковой». Вся дальнейшая философия Гуссерля по большому счету — это описание (дескрипция) *производящего реальность* сознания, производящего при этом не копии-слепки чего-то внешне данного, но «феномены» — продукты его конституирующей деятельности. Смысл философской аналитики Гуссерля заключается в том, что он принципиально упраздняет в качестве коррелята работы сознания то, что принято противопоставлять сознанию, поскольку именно «реальность» и является тотальным производением сознания. «Реальность» — это то, что находится не «по ту сторону» его самого, она и есть главный итог и смысл работы сознания. Вместо раздвоения реальности на явление и «вещь в себе», что Гуссерль рассматривал как крайне непоследовательный и ничего не проясняющий компромисс, он оставляет «явление» как единственно возможное и чрезвычайно богатое произведение умственной деятельности. Мир, природа, действительность, реальность, объективность — это разной степени упорядоченные конструкции явления, нагруженные смыслом или пониманием того, чем они на деле являются.

Это гуссерлево тотальное последовательное и бескомпромиссное решение вопроса о смысле объективности составляет главное стратегическое направление его феноменологической философии. В статье «Философия как строгая наука» эта линия представляется еще смутной, трудной, но уже определенной линией обороны против поверхностного объективизма. Гуссерль предлагает для, так сказать, отрезвления от легковесного гносеологического оптимизма

радикальное средство – феноменологическую установку, значение которой состоит в последовательном методологическом упорстве в понимании конституирующей деятельности сознания. Понять, как объективируются в сознании вещи, – это значит восстановить процесс производства объективного в сознании. Мы видим, можем, если зададим себе такой труд, увидеть, как разрывающаяся на гносеологию и онтологию философия у Гуссерля воссоединяется в своей целостности посредством последовательного феноменологического реализма. Суть его заключается в том, что «быть» в феноменологии значит «быть представленным в сознании». Философия, стремящаяся стать «строгой наукой», должна отслеживать строго установленные границы смысла «реального». Другими словами, философия должна быть последовательной и систематически (а не только в счастливые мгновения философской «трезвости») культивировать принцип феноменологической редукции, понимать, какую именно работу сознание выполняет, когда реализует все подробности «объективной реальности» в феноменологической практике.

Что касается последователей Гуссерля или тех, кого к ним можно с полным основанием причислить, то к ним относятся не те, кто хотел бы разделить *некоторые* принципы феноменологии, а только те, кто последовательно и бескомпромиссно применяет редуктивистскую стратегию его аналитики. И в этом состоит основная сложность признания или непризнания того или иного философа феноменологом.

Гуссерля интересует проблема нейтрализации ассоциативных флуктуаций смысла. В описании интенциональных предметов он стремится к языковой прозрачности, интуитивной определенности, логической однозначности, и всё это фундировано в феноменологическом смысле очевидности.

Логика Гуссерля – это логика очевидности, но очевидности, как постоянно оговаривается сам философ, не в наивном выражении прямого непосредственного интуитивного схватывания чего-либо, лежащего в сенситивной либо в рефлексивной области, а очевидности как постепенно структурированной данности опыта, как наслаивающегося конституируемого описания явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вригт Г.Х. фон. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 80–92.
2. Husserl E. Briefwechsel. Bd. VI. Dordrecht; Boston; L., 1994. 408 p.
3. Hintikka J. The phenomenological dimension // The Cambridge Companion to Husserl. Cambridge, 1998. Pp. 78–105.
4. Solomon R.S. Sense and Essence: Frege and Husserl // Analytic Philosophy and Phenomenology. The Hague, 1976. Pp. 32–53.
5. Фреге Г. Избранные работы. М., 1997. 160 с.
6. Фреге Г. Логические исследования. Томск, 1997. 210 с.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М.; СПб., 1999. 608 с.
8. Хинтиikka Я. Поверхностная информация и глубинная информация: логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 448 с.
9. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука : Ювента, 1998. 315 с.

СЕРКОВА Вера Анатольевна – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: henrypooshel@rambler.ru

THE IDEAL OF A "STRICT SCIENCE" IN PHILOSOPHY

The article analyzes the reform program philosophy on the principle of "strict science" in the phenomenological teachings of Edmund Husserl. Shows the importance of logic in the process. A comparative analysis of the logical investigations Frege and G.E. Husserl. Shows how influenced by phenomenology on the formation of the meanings of "real" and "objective" in the writings of epistemologies of the twentieth century. The objectivist, or materialist naturalism as a form of connect two separately established areas of knowledge, empirical experience and logical relations, from the point of view of Husserl, shows its failure, because the empirical is focused on the spontaneous form of consciousness, whereas classical formal logic is an abstract from the reality of regulatory design. In this regard, Husserl, analytically describing the spontaneous work of consciousness, insisting on the reform of logic and bring it into line with the variety of perception of the world in consciousness. The development of non-classical logics in the twentieth century, a vindication of Husserl.

PHENOMENOLOGY; THE IDEAL OF A "STRICT SCIENCE"; NON-CLASSICAL LOGIC; RATIONALITY; SYMBOLIC STRUCTURE.

REFERENCES

1. Vriht G.X. fon. [Logic and philosophy in the twentieth century]. *Voprosy filosofii*, 1992, no. 8, pp. 80–92. (In Russ.)
2. Husserl E. Briefwechsel. Bd. VI. Dordrecht, Boston, London, 1994. 408 p.
3. Hintikka J. The phenomenological dimension. *The Cambridge Companion to Husserl*. Cambridge, 1998. Pp. 78–105.
4. Solomon R.S. Sense and Essence: Frege and Husserl. *Analytic Philosophy and Phenomenology*. The Hague, 1976. Pp. 32–53.
5. Frege G. [Selected works]. Moscow, 1997. 160 p. (In Russ.)
6. Frege G. *Logicheskie issledovaniya* [Logical studies]. Tomsk, 1997. 210 p. (In Russ.)
7. Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [The phenomenology of perception]. Moscow, St. Petersburg, 1999. 608 p. (In Russ.)
8. Hintikka J. *Poverkhnostnaya informatsiya i glubinnaya informatsiya: logiko-epistemologicheskiye issledovaniya* [Surface information and deep information: Logical and epistemological studies]. Moscow, Progress Publ., 1980. 448 p. (In Russ.)
9. Husserl E. *Kartesianskiye rasmysleniya* [Cartesian meditations]. St. Petersburg, Nauka, Uventa Publ., 1998. 315 p. (In Russ.)

SERKOVA Vera A. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*.

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 191023, Russia

e-mail: henrypooshel@rambler.ru

DOI 10.5862/JHSS.251.19
УДК 378.12

Т.В. Гуськова, Ю.А. Дианова

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Статья посвящена актуальной проблеме качества образования, в частности оценке эффективности деятельности педагогических работников высшей школы. Рассмотрены инструменты организации и проведения оценки педагогической деятельности на примере Пензенского государственного технологического университета. Основными методами исследования являются анализ и обобщение нормативно-правовой документации по оценке компетентности и результатов труда педагогических работников, а также сравнительный анализ результатов педагогического мониторинга. Представлена специфика организационной работы вуза по оценке эффективности деятельности педагогических работников. Показан опыт разработки нормативно-правовой документации, осуществления мониторинга деятельности педагогических работников, действия автоматизированной информационной системы университета. Рассмотрено портфолио как элемент мотивации и форма документального подтверждения достижений педагогических работников в процессе их профессионального становления. Анализ результатов мониторинга выявил положительную динамику результативных показателей эффективности каждого педагога и в достижении стратегических целей вуза. Материалы статьи имеют практическую ценность для специалистов, работающих в системе управления образовательными организациями.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ; МОНИТОРИНГ; МОТИВАЦИЯ; ПОРТФОЛИО; ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ; РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ; КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ.

В настоящее время в России внедряются инновационные системы менеджмента в образовании, обеспечивающие эффективное управление инновационной деятельностью, направленные на повышение качества образования [8, 12]. Важнейшими элементами в системе менеджмента качества вуза являются мотивация работников на реализацию стратегии, целей, задач и планов организации в области гарантии качества образования, согласование целей и интересов каждого работника с целями и задачами вуза, регулярная оценка компетентности и результатов труда научных и педагогических работников [6, 9]. Особую зна-

чимость побуждение работников к достижению целей организации при соблюдении своих интересов приобретает в связи с введением в образовательных организациях эффективных контрактов. Установление баланса между целями организации и работника необходимо для наиболее полного удовлетворения потребностей обеих сторон [10]. Нужно создать условия отождествления интересов организации и работника, при которых то, что выгодно и необходимо одному, становится столь же выгодно и необходимо другому [4, 11]. Данному вопросу посвящены работы В.Н. Аниськина, В.А. Житковой, Н.Н. Кисловой, А.К. Ключко-

ва, А.И. Королёва, Е.В. Мялкиной, Е.П. Седых, О.Н. Шалифовой и др. А.К. Ключков, например, отмечает, что прибыль организации является источником выплаты дополнительного вознаграждения работникам и может быть частично использована на его выплату, а если прибыль не получена, то ничьи интересы не будут достигнуты. Таким образом, баланс интересов – основа положительного развития организации [5].

Очень важно, чтобы все работники организации понимали, что только при достижении целей организации могут быть достигнуты цели каждого работника.

Для решения вышеуказанных задач и во исполнение Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 26.11.2012 г. № 2190-р, в вузах осуществляется постоянный мониторинг эффективности деятельности педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу (ППС).

В настоящей статье представлен опыт Пензенского государственного технологического университета (далее – ПензГТУ) по осуществлению мониторинга и оценки эффективности деятельности педагогических работников, относящихся к ППС.

В ходе исследования проводились анализ и обобщение нормативно-правовой документации, в частности упомянутой выше Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы, письма Министерства образования и науки РФ № АП-1073 от 20 июня 2013 года «Примерные направления для разработки показателей эффективности деятельности педагогических работников общеобразовательных учреждений», положения ПензГТУ «Рейтинг преподавателей». Проводилось сравнение полученных результатов мониторинга эффективности деятельности ППС за 2014 и 2015 годы.

В ПензГТУ были разработаны положение «Мониторинг эффективности деятельности педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу вуза» и план мероприятий по организации работ в вузе в соответствии с требованиями этого положения.

Мониторинг эффективности деятельности ППС рассматривается в вузе как сбор и обработка информации об исполнении педагогическими работниками должностных обязанностей и показателей эффективности деятельности. Мониторинг осуществляется в отношении педагогических работников, выполняющих обязанности по обучению, воспитанию студентов и/или организации образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования и замещающих одну из следующих должностей ППС:

- ассистент,
- преподаватель,
- старший преподаватель,
- доцент,
- профессор,
- заведующий кафедрой,
- декан факультета.

Под показателем эффективности деятельности понимается обобщенная характеристика всех направлений деятельности для количественной и качественной оценки результативности выполнения педагогическим работником своих должностных обязанностей.

Показатели эффективности деятельности, разработанные в ПензГТУ, отражают реально выполняемые виды работ ППС, характеризующие процесс формирования и постановки, контроля, а также анализа достижения целей каждого работника. Все показатели сгруппированы по направлениям: «Научно-педагогическая квалификация», «Профориентационная работа», «Учебная и учебно-методическая работа», «Научно-методическая работа», «Подготовка научно-педагогических кадров», «Научные публикации», «Изобретательская деятельность», «Организация научно-исследовательской работы студентов», «Научно-исследовательская работа», «Академическая мобильность», «Воспитательная и внеаудиторная работа», «Награды», «Прочее» (в том числе дисциплинарные взыскания, наложенные на педагогических работников в связи с невыполнением или ненадлежащим выполнением должностных обязанностей, правил внутреннего трудового распорядка, требований устава вуза, а также локальных нормативных актов и распорядительных документов руководства вуза; постановление/судебный акт о привлечении работника к административной и/или уголовной ответственности за проти-

воправные деяния в связи с выполнением им должностных обязанностей).

Например, по направлению «Учебная и учебно-методическая работа» сформированы показатели:

- средний показатель успеваемости студентов за два семестра по дисциплинам ППС;
- соответствие учебных достижений студентов, обучаемых ППС, требованиям образовательных стандартов (результаты федерального интернет-экзамена в сфере профессионального образования или тестирования студентов через образовательный портал ПензГТУ) в отчетном году;
- учебники и учебные пособия (пропорционально количеству авторов);
- разработка и обновление рабочих программ дисциплин (пропорционально количеству авторов);
- активность работы на образовательном портале ППС и студентов ППС;
- подготовка студентов/аспирантов, студенческих/аспирантских команд победителей и призеров студенческих олимпиад;
- победитель и призер методических конкурсов (в том числе конкурсов на лучшую учебную книгу) и др.

Для упрощения процедуры мониторинга в информационную систему ПензГТУ внедрена специально разработанная подсистема «Мониторинг эффективности деятельности педагогических работников», охватывающая такие направления работы, как планирование, мотивация, стимулирование, оценка. По результатам работы ППС в подсистеме осуществляется оценка эффективности деятельности педагогических работников, которая позволяет руководству университета принимать решения о назначении выплат стимулирующего характера. Кроме того, определяется эффективность работы ППС, т. е. соответствие исполнения должностных обязанностей педагогического работника занимаемой должности. Такой подход направлен на повышение эффективности управления и помогает ППС понять и осознать связь между собственными обязанностями и целями стратегии развития университета. Внедрение подсистемы определяет зависимость стратегического и операционного уровней управления, а также областей индивидуальной и коллективной ответственности работников.

В основу работы указанной подсистемы положены принципы, рассмотренные в работе Е.В. Мялкиной.

1. *Принцип ориентации на стратегию.* Все показатели эффективности сопряжены с факторами, необходимыми для формирования долгосрочного успеха, ключевыми движущими факторами развития деятельности университета.

2. *Принцип объективности.* Все показатели и критерии определяются, исходя из объективной реальности, на основе анализа развития образовательной организации, с учетом интересов участников образовательного процесса и партнеров.

3. *Принцип гибкости.* Показатели эффективности являются мобильными, т. е. могут быть заменены, исходя из потребностей внешней среды и стратегии развития образовательной организации.

4. *Принцип системности.* Критерии и показатели охватывают различные аспекты функционирования организации, которые формируют адекватную картину для дальнейшего планирования, а также обеспечивают взаимосвязанность и сбалансированность показателей.

5. *Принцип достижимости.* Утвержденные показатели и нормативы должны быть достижимы, хотя и связаны с приложением значительных усилий. Реализация данного принципа является важным элементом мотивации работников организации [7].

Обязанность по сбору и обработке информации, расчету показателей и их представлению по установленной форме, контролю над своевременностью, полнотой и объективностью исходной информации и рассчитанных показателей возложена на ППС, заведующих кафедрами, деканов факультетов, руководителей вузовских структурных подразделений, иных работников вуза в соответствии с их должностными обязанностями и компетенциями.

Все показатели для мониторинга эффективности деятельности педагогических работников ПензГТУ в зависимости от источника и способа внесения в течение календарного года результативных значений в подсистему подразделяются на три группы:

1. *Показатели, результативные значения которых формируются из информационных систем вуза «Galatea» (ИС «Galatea») и «Парус».* Источником информации для расчета результатив-

ных значений данных показателей служат сведения, имеющиеся в базах данных ИС «Galatea» и «Парус». Способ формирования показателей – автоматический. Участие педагогических работников и руководителя структурного подразделения в формировании этих показателей не требуется.

2. *Показатели, результативные значения которых формируются должностными лицами, ответственными за работу в подсистеме «Мониторинг эффективности деятельности педагогических работников» информационной системы вуза.* Источником информации служат данные, аккумулируемые в соответствующих структурных подразделениях. Участие педагогических работников в расчете результативных значений этих показателей может осуществляться в форме предоставления подтверждающих документов в структурные подразделения.

3. *Показатели, результативные значения которых формируются педагогическими работниками.* Источником информации служат данные, собираемые и вносимые в ИС «Galatea» самим педагогическим работником в различных подсистемах информационной системы вуза. Расчет результативных значений показателей – автоматический.

Выполнение показателей эффективности деятельности ППС подтверждается на основании документов, представленных руководителями соответствующих структурных подразделений вуза:

- управления кадровой и правовой работы (отдела кадров),
- приемной комиссии,
- отдела менеджмента качества,
- управления информатизации,
- учебного управления,
- отдела научных исследований,
- отдела подготовки научных кадров,
- центра учебно-научно-инновационной деятельности,
- отдела международных связей,
- факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки,
- учебных факультетов,
- управления воспитательной работы,
- планово-экономического управления,
- бухгалтерии.

В случае согласия должностного лица, ответственного за достоверность сведений по по-

казателям, с представленными данными ППС в подсистеме «Мониторинг эффективности деятельности педагогических работников» оно подтверждает результативные значения, в случае несогласия оформляется протокол разногласий.

Сформированный из подсистемы отчет по результатам мониторинга эффективности деятельности ППС и подтверждающие документы оформляются педагогическими работниками в виде портфолио педагогического работника. Портфолио позволяет накопить и сохранить документальное подтверждение собственных достижений педагогического работника в процессе его профессионального становления [2]. Создание портфолио является творческой работой, позволяющей педагогу реально представить свой образовательный и культурный уровень, увидеть резервы, определить модель создания собственного имиджа для успешного построения карьеры, что является залогом профессионального самосовершенствования [3].

Документы портфолио подтверждают результаты и качество работы, итоги деятельности работников по занимаемым должностям и их личные достижения, служащие основанием для стимулирующих выплат.

Учитывая особенности педагогического труда и личностную основу комплектования портфолио, к основным функциям комплексного портфолио педагогических работников вуза можно отнести:

- *аналитическую функцию*, позволяющую обобщать и анализировать деятельностные показатели педагогических работников по должности;
- *накопительную функцию*, отражающую творческие и иные служебные и внеслужебные достижения и раскрывающую их суть;
- *моделирующую функцию*, отображающую динамику профессионального развития педагогических работников и их стиль образовательно-воспитательной деятельности, а также способствующую правильному планированию этой деятельности;
- *развивающую функцию*, обеспечивающую непрерывный процесс самообразования, самосовершенствования и саморазвития личности педагога;
- *мотивационную функцию*, определяющую механизмы морального поощрения и назначе-

ния выплат стимулирующего характера педагогических работников;

- *рекомендательную функцию*, характеризующую педагогических работников работодателем при их трудоустройстве [1].

Приведенные функции были учтены в ПензГТУ при моделировании индивидуально-портфолио педагогических работников для оценки эффективности их деятельности. Оно осуществлялось с учетом необходимости сочетания специфичных педагогических и научно-творческих составляющих портфолио ППС (ассистента, преподавателя, старшего преподавателя, доцента, профессора, заведующего кафедрой, декана факультета, ответственных по направлениям деятельности учебных факультетов) с приведенными выше требованиями положения «Мониторинг эффективности деятельности педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу вуза» к его структуре. Структура портфолио педагогического работника определяет обязательные блоки. В частности, выделяется *персональный блок*, т. е. раздел, в котором презентуется личность владельца портфолио (в нем размещаются фотографии, резюме, оглавление, раскрывающее содержание всего портфолио и его предназначение).

Также в портфолио определяется *результативный блок*. В этом разделе собираются все подтверждающие документы в соответствии с методическими указаниями положения «Мониторинг эффективности деятельности педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу вуза». Например, по направлению «Научно-методическая работа» подтверждением результативных значений по показателю «Участие в работе диссертационного совета» является служебная записка с указанием местонахождения диссертационного совета (город, вуз, шифр и номер) и занимаемой должности в диссертационном совете. По направлению «Воспитательная и внеаудиторная работа» подтверждением результативных значений показателя «Руководство постоянными творческими и спортивными объединениями студентов» являются положения, распоряжения об организации студенческих объединений, программы деятельности, календарно-тематические планы студенческих объединений, расписание занятий, списки студентов.

Еще один блок портфолио – *рабочие материалы*. Он содержит комплект материалов для подтверждения результативных значений, вводимых ППС в подсистему «Мониторинг эффективности деятельности педагогических работников». Примером таких материалов могут являться конспекты «открытых» занятий, отчеты о воспитательных мероприятиях, публикации преподавателя, тезисы научно-практических конференций и др.

Оценка эффективности деятельности педагогических работников, относящихся к ППС, осуществляется на основании достижения ими установленных в вузе пороговых значений. Ежегодно по каждой должности педагогических работников устанавливаются:

- пороговое значение, определяющее соответствие исполнения должностных обязанностей педагогическим работником занимаемой должности (достижение его позволяет признать деятельность педагогического работника эффективной);

- пороговое значение для установления педагогическим работникам выплат стимулирующего характера.

Для принятия решений по оценке эффективности деятельности ППС в вузе создается комиссия, которая рассматривает автоматически рассчитанные в подсистеме результаты мониторинга. Комиссия оформляет протокол, в котором фиксируются результаты оценки эффективности деятельности педагогических работников и рекомендации руководству ПензГТУ для принятия решений.

Оценка эффективности деятельности ППС по результатам заполнения подсистемы «Мониторинг эффективности деятельности педагогических работников» позволяет повысить объективность суждений руководства университета об эффективности деятельности педагогических работников, обеспечить контроль соответствия занимаемым должностям, а также способствует формированию профессионального кадрового состава.

В подсистеме «Мониторинг эффективности деятельности педагогических работников» информационной системы вуза имеются следующие возможности:

- в течение календарного года можно проводить предварительную оценку эффективности деятельности ППС для получения про-

межуточных результатов и анализа степени достижения целей;

- сроки осуществления такого оценивания могут устанавливаться в автоматизированной подсистеме на этапе планирования;

- на этапе предварительной оценки возможны удаление утративших актуальность задач и корректировка ранее согласованных целей, т. е. осуществление актуализации системы;

- результативные значения по некоторым показателям можно транспортировать из других подсистем информационной системы вуза в подсистему «Мониторинг эффективности деятельности педагогических работников» (например, показатели по научной деятельности, зафиксированные в подсистеме «Наука»).

Опыт внедрения мониторинга и оценки эффективности деятельности ППС в ПензГТУ доказывает значимость их применения в высшей школе.

Общее количество педагогических работников, относящихся к ППС и принявших участие в мониторинге эффективности своей деятельности за 2015 год, по сравнению с оценочным периодом 2014 года практически не изменилось (226 человек). Вместе с тем если посмотреть на численность работников, которые преодолели пороговые значения для установления выплат стимулирующего характера, то очевидна значительная динамика, причем наибольший рост отмечается в разделах «Профориентационная работа» (на 51,6 %), «Организация научно-исследовательской работы студентов» (на 30,2 %) и «Научные публикации» (на 20,8 %). Значительно возросло число работников ППС, деятельность которых признана эффективной. Осуществление мониторинга и оценки эффективности деятельности ППС отразило

значимость механизма управления профессиональным и личностным развитием педагогических работников. Оно обеспечивает признание деятельности ППС в соответствии с персональными достижениями, стимулирование к выполнению целей стратегии развития вуза, а также мотивирует педагогических работников к совершенствованию своей деятельности, показывает итоговые характеристики деятельности каждого работника и обеспечивает целенаправленную активность и творческую инициативу ППС. Каждый педагогический работник расставляет приоритеты своей деятельности, оптимально расходуя индивидуальные ресурсы, определяя вектор своего профессионального развития.

Анализ нормативно-правовой документации по вопросу перехода образовательных организаций на эффективный контракт и обобщение информации о мониторинге эффективности деятельности педагогических работников свидетельствуют об актуальности его использования в современной системе образования. Данный мониторинг направлен на повышение качества работы конкретных специалистов и качества предоставляемых образовательных услуг.

Наряду с положительными результатами оценки эффективности деятельности ППС выявлены и вопросы, требующие дальнейшего изучения и корректировки. Так, опыт ПензГТУ по проведению мониторинга эффективности деятельности педагогических работников, относящихся к ППС, показывает необходимость определения оптимального количества показателей эффективности, совершенствования системы критериев эффективности деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анишкин В.Н., Кислова Н.Н., Королёв А.И., Шалифова О.Н. Моделирование и конструирование комплексного портфолио педагогических работников вуза для оценки эффективности их работы // Азимут науч. исслед.: педагогика и психология. 2015. № 4 (13). С. 11–14.

2. Дианова Ю.А. Практика использования портфолио-технологии в образовательном процессе вуза // Пед. образование и наука. 2012. № 1. С. 76–78.

3. Дианова Ю.А., Назаренко А.В. Формирование имиджа будущего педагога профессионального обу-

чения средствами портфолио-технологии // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 3, № 6 (28). С. 79–84.

4. Ефимова Д.В., Белолыпецкий В.В. Диалогическое взаимодействие в педагогической среде как показатель профессиональной компетентности педагога // Социосфера. 2010. № 1. С. 51–55.

5. Клочков А.К. КРП и мотивация персонала. Полный сборник практических инструментов. М.: Эксмо, 2010. 160 с.

6. **Моисеев В.Б., Гуськова Т.В.** Концептуальный подход к внедрению системы менеджмента качества вуза в условиях непрерывного профессионального образования // Пед. образование и наука. 2012. № 1. С. 62–64.

7. **Мялкина Е.В., Седых Е.П., Житкова В.А.** Моделирование системы управления развитием персонала на основе показателей КРІ в педагогическом вузе // Соврем. проблемы науки и образования. 2015. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20199> (дата обращения: 19.02.2016).

8. **Найденова Л.И., Бармин М.А.** Формирование интеллектуального капитала технического вуза // Матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. «Проф. образование: истор. традиции и современность». Пенза, 2015. С. 3–6.

9. **Осипова Н.В.** Проблемы определения уровня сформированности информационной компетентности у работников бюджетной сферы Пензенской

области // Матер. IX Всерос. науч.-практ. конф. «Науч.-образоват. информ. среда XXI века». Петрозаводск, 2015. С. 141–145.

10. **Плахина Л.Н., Соломатин М.В.** Профессиональная деформация педагогов // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2014. № 4. С. 235–238.

11. **Хрусталькова Н.А., Штыренкова О.В.** Теория и практика организации повышения квалификации и переподготовки научно-педагогических работников технического вуза в условиях модернизации высшего профессионального образования // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2012. № 3 (7). С. 193–197.

12. **Худяков В.А., Гуськова Т.В.** Обеспечение гарантии качества в системе высшего образования // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 1, № 6 (28). С. 163–169.

ГУСЬКОВА Татьяна Валентиновна – кандидат педагогических наук, доцент Пензенского государственного технологического университета.

Россия, 440039, Пенза, пр. Байдукова / ул. Гагарина, 1а / 11
e-mail: tvgl20@penzgtu.ru

ДИАНОВА Юлия Александровна – старший преподаватель Пензенского государственного технологического университета.

Россия, 440039, Пенза, пр. Байдукова / ул. Гагарина, 1а / 11
e-mail: dianova87@bk.ru

T.V. Guskova, Yu.A. Dianova

THE ASSESSMENT OF ACTIVITY EFFECTIVENESS OF HIGHER SCHOOL TEACHING EMPLOYEES

The article is devoted to an urgent problem of quality of education, in particular, of an efficiency evaluation of activities of pedagogical employees of the higher school. Tools of the organization and evaluating pedagogical activities on the example of the Penza state technological university are considered. The main methods to a research of this problem are the analysis and generalization of the standard legal documentation on competency evaluation and results of work of pedagogical workers, and also the comparative analysis of results of monitoring of pedagogical workers. In article specifics of organizational work of higher education institution on an efficiency evaluation of activities of pedagogical workers are provided. Experience of development of the standard legal documentation, implementation of monitoring of efficiency of activities of pedagogical workers, actions of the automated information system of university is shown. The portfolio as

an element of motivation and a form of documentary confirmation of achievements of pedagogical workers in the course of their professional formation is considered. The analysis of results of monitoring of activities of pedagogical workers revealed positive dynamics of accomplishment of productive performance indicators of each teacher and strategic objectives of higher education institution. Materials of article are of practical value in a management system the educational organizations.

ASSESSMENT OF ACTIVITY EFFECTIVENESS; MONITORING; MOTIVATION; PORTFOLIO; EFFECTIVENESS INDICATOR; PRODUCTIVE VALUES; QUALITY OF EDUCATION.

REFERENCES

1. Aniskin V.N., Kislova N.N., Korolev A.I., Shalifova O.N. [Modelling of faculty member comprehensive portfolio for efficiency assessment]. *The Azimuth of scientific research: pedagogics and psychology*, 2015, no. 4 (13), pp. 11–14. (In Russ.)
2. Dianova Yu.A. [Practice of Using Portfolio Technology in Educational Process of Higher School]. *Pedagogical education and science*, 2012, no. 1, pp. 76–78. (In Russ.)
3. Dianova Yu.A., Nazarenko A.V. [Image formation of a future teacher of professional education by means of portfolio technology]. *XXI century: resumes of the past and challenges of the present plus*, 2015, of vol. 1, no. 6 (28), pp. 79–84. (In Russ.)
4. Yefimova D.V., Belolipetskiy V.V. [Dialogic interaction in the pedagogical environment as an indicator of professional competence of a teacher]. *Sociosphere*, 2010, no. 1, pp. 51–55. (In Russ.)
5. Klochkov A.K. *KPI i motivatsiya personala* [KPI and personnel motivation]. Full collection of practical tools. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 160 p. (In Russ.)
6. Moiseyev V.B., Guskova T.V. [Conceptual Approach to Implementation of Quality Management System of University in Conditions of Continuing Professional Education]. *Pedagogical education and science*, 2012, no. 1, pp. 62–64. (In Russ.)
7. Myalkina Ye.V., Sedykh Ye.P., Zhitkova V.A. [Simulation of a control system of personnel development on the basis of KPI indicators in a pedagogical university]. *Modern problems of science and education*, 2015, no. 3, Available at: <http://www.science-education.ru> (accessed 19.02.2016).
8. Naydenova L.I., Barmin M.A. [The formation of technical intellectual capital of the university]. *Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Professionalnoye obrazovaniye: istoricheskiye traditsii i sovremennost"* ["Professional education: historical traditions and the present". Proc. of the Int. research and practice conference]. Penza, 2015. Pp. 3–6. (In Russ.)
9. Osipova N.V. [The problem of determining the level of formation of information competence among public sector employees Penza region]. *Materialy IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Nauchno-obrazovatel'naya informatsionnaya sreda XXI veka"* ["Research and Education Information Environment of the XXI century". Proc. of the Int. research and practice conference]. Petrozavodsk, 2015. Pp. 141–145. (In Russ.)
10. Plakhina L.N., Solomatin M.V. [Professional deformation teachers]. *XXI century: resumes of the past and challenges of the present plus*, 2014, no. 4, pp. 235–238. (In Russ.)
11. Khrustalkova N.A., Shtyrenkova O.V. [The theory and practice of organization of training and retraining courses of the academic staff of the technical university in terms of higher professional education]. *XXI century: resumes of the past and challenges of the present plus*, 2012, no. 3 (7), pp. 193–197. (In Russ.)
12. Khudyakov V.A., Guskova T.V. [Quality assurance in higher education]. *XXI century: resumes of the past and challenges of the present plus*, 2015, of vol. 1, no. 6 (28), pp. 163–169. (In Russ.)

GUSKOVA Tatyana V. — *Penza State Technological University.*

Pr. Baydukova / ul. Gagarina, 1a / 11, Penza, 440039, Russia

e-mail: tvgl20@penzgtu.ru

DIANOVA Yuliya A. — *Penza State Technological University.*

Pr. Baydukova / ul. Gagarina, 1a / 11, Penza, 440039, Russia

e-mail: dianova87@bk.ru

DOI 10.5862/JHSS.251.20
УДК 372.881.111.1

А.И. Дашкина, Р.Ш. Абдуллахитов

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СТУДЕНТОВ В КОМПЬЮТЕРНОЙ ОБУЧАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Рассмотрена сформированность переводческой компетенции у студентов неязыковых вузов, намечены шаги для ее дальнейшего формирования в компьютерной обучающей среде с применением технологии обучения в сотрудничестве. Авторы статьи вступают в полемику с исследователями, которые отрицают применение перевода в процессе коммуникативного обучения иностранному языку. По их мнению, выполнение упражнений на перевод помогает студентам развить аналитические навыки и лучше запомнить терминологическую и общенаучную лексику. Необходимость формирования основ переводческой компетенции с использованием электронных ресурсов, в частности машинного перевода, вызвана потребностью реагировать на растущие объемы информации во всех областях знаний. Предлагается обучение студентов постредактированию машинного перевода профессионально ориентированного текста с английского языка на русский. Проведенное анкетирование студентов технических направлений двух отечественных вузов выявило положительное отношение учащихся к использованию электронных ресурсов и обучению в сотрудничестве.

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ; ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ; ОБУЧЕНИЕ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ; АНКЕТИРОВАНИЕ; КОМПЬЮТЕРНАЯ ОБУЧАЮЩАЯ СРЕДА; ПЕРЕВОД; МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД; ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЕ.

Вопрос о необходимости формирования переводческой компетенции у студентов неязыкового вуза вызывает большое количество разногласий. По мнению многих педагогов-методистов, обучающимся достаточно овладеть навыками просмотрового чтения и научиться понимать общее содержание текста или извлекать специфическую информацию. Так, Л.М. Камышева полагает, что перевод не должен использоваться как средство обучения или как навык в рамках системы коммуникативного обучения иностранному языку (ИЯ), поскольку тем самым нарушается сама суть коммуникативного подхода, заключающаяся в системной организации коммуникативных актов непо-

средственно на изучаемом языке [1]. Е.И. Пасов пишет о необходимости использования только одноязычных упражнений и недопустимости перевода в процессе обучения ИЯ [См.: 2, с. 90]. Г.Е. Ведель также считает, что перевод на занятиях по ИЯ неизбежен только в отдельных случаях: «при семантизации абстрактных слов или при контроле понимания, если все другие средства менее эффективны» [Там же]. С этими утверждениями можно согласиться, поскольку преимущественное использование перевода на занятиях по ИЯ может привести к тому, что родной язык будет являться помехой в общении на нем. Учащийся будет постоянно переводить свои мысли с одного языка на другой, что су-

шественно замедлит процесс коммуникации. Кроме того, перевод неприменим в ситуации реального общения с носителями языка.

Отметим, что на экзамене по ИЯ в неязыковом вузе студенты не сталкиваются с необходимостью переводить текст. Они должны продемонстрировать понимание содержания текста, изложив его на ИЯ. Исходя из экзаменационных требований, многие методисты утверждают, что нет необходимости формировать переводческую компетенцию, поскольку все усилия должны быть направлены на подготовку к экзамену в существующем формате.

Перевод на родной язык редко рекомендуется педагогами-методистами из стран изучаемого языка. Это объясняется тем, что при разработке методики они основываются на своем опыте преподавания в интернациональных группах, в которых перевод на родной язык каждого из учащихся невозможен. Кроме того, при изучении разговорного варианта ИЯ иногда допустимо неполное понимание лексики, если оно не препятствует успешной иноязычной коммуникации.

Однако опыт показывает, что большинство российских педагогов и даже некоторые зарубежные специалисты в той или иной степени используют перевод на занятиях по ИЯ. Так, Д. Салуок считает, что «углубляться в тонкости перевода – прямая задача образования, которое ставит своей целью расширение кругозора и развитие аналитических навыков» [3]. Конечно, невозможно уделять слишком большое внимание тонкостям перевода на занятиях по ИЯ в технических вузах, но следует согласиться с автором в том, что перевод сам по себе может способствовать развитию аналитического мышления.

Значение перевода при обучении ИЯ в техническом вузе. Помимо того, что перевод помогает студенту при работе с профессионально ориентированным текстом, он обеспечивает «использование имеющихся и приобретение студентом новых знаний, умений и навыков для выполнения коммуникативно и социально значимой работы» [4, с. 338]. Учащиеся смогут применить перевод, например, в будущей профессиональной деятельности при работе с текстом по своей специальности или при участии в международных симпозиумах и конференциях.

Применение перевода в подобном контексте указывает на то, что «перевод – самое прочное связующее звено между языками и культурами» [5, с. 9]. Специалист, владеющий навыками перевода, может быть эффективным участником межкультурного профессионального общения.

Исследователи считают, что «накопление языковых фактов, опыта работы с ними, без использования перевода оказывается весьма затруднительным или гораздо более длительным процессом» [См., например: 6, с. 15]. По мнению М.Е. Пахомкиной, «в процессе обучения переводу и при его использовании как средства обучения иностранному языку происходит систематическое накопление количественных факторов (знаний, умений), которые постепенно приведут к качественному скачку – восприятию содержания текста одновременно со зрительным восприятием» [7, с. 102]. Действительно, в некоторых случаях применение перевода при изучении ИЯ способствует постепенному и систематическому накоплению языковых навыков, хотя очевидно, что перевод не должен использоваться как основное средство обучения. Он незаменим как дополнение к коммуникативным упражнениям по ИЯ, особенно при работе с научным текстом и в форме тренировочных заданий, поскольку «способствует повышению интереса к тренировочным упражнениям, развивает внимание и лингвистическую память студентов» [8, с. 97]. Опыт показывает, что, благодаря выполнению упражнений на перевод, студенты лучше запоминают как терминологическую, так и общенаучную лексику.

Перевод необходим обучающимся не только в будущей профессиональной деятельности, но и в процессе обучения ИЯ в вузе. Например, при сдаче нормативов по чтению профессионально ориентированных текстов студенты должны не только изложить их содержание, но и перевести несколько отрывков. Это помогает педагогу проконтролировать тщательность подготовки домашнего задания, которая состоит главным образом в использовании словаря для проверки значений слов, в выборе правильного значения многозначной лексической единицы, а также в объединении отдельных слов в предложения.

Наряду с этим перевод часто применяется на аудиторных занятиях для того, чтобы все учащиеся, вне зависимости от их уровня владения ИЯ, могли как можно быстрее понять содержа-

ние текста и перейти к его обсуждению и работе над представленным в нем лексико-грамматическим материалом. Если аудиторное занятие не направлено на практику просмотрового чтения и профессионально ориентированный текст используется в качестве основы для овладения другими видами речевой деятельности, то перевод, выполняемый студентами по очереди во фронтальном режиме, является самым быстрым способом проверки понимания текста.

Таким образом, хотя требование к формированию переводческой компетенции у студентов неязыковых вузов не заявлено в нормативных документах, формирование элементов переводческой компетенции всё же представляется необходимым. Прежде всего, при изучении ИЯ для специальных целей и при его дальнейшем использовании в профессиональной карьере специалист должен овладеть как терминологическими соответствиями, так и навыками перевода общенаучной лексики. Лексические ошибки приводят к искажению смысла оригинала, поэтому, для того чтобы избежать неполного понимания текста на ИЯ, необходимо выполнить его перевод под руководством педагога, обращая особое внимание на перевод терминов и общенаучных слов.

Еще одним фактором, который оправдывает и стимулирует наш интерес к формированию основ переводческой компетенции в бакалавриате и магистратуре, является то, что именно перевод профессионального текста является основным заданием на вступительном экзамене в аспирантуру и на экзамене на кандидатский минимум по ИЯ. Хотя регламентирующего документа по требованиям к указанным экзаменам по ИЯ для аспирантов не существует, во многих известных нам вузах качество перевода профессионального текста считается основным требованием при сдаче указанных экзаменов. Этой практики придерживаются, например, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова и др. В связи с этим возникает резонный вопрос: если игнорировать обучение переводу на первом и втором этапах обучения в вузе, то как у аспирантов появится переводческая компе-

тенция, которая так востребована на экзаменах аспирантского уровня высшего образования?

Таким образом, мы подходим к логичному выводу: основы переводческой компетенции обязательно должны формироваться на всех этапах обучения в вузе. Именно постепенное их формирование может обеспечить необходимую преемственность для подготовки к обучению ИЯ в аспирантуре, что сейчас обязательно. Конечно, мы понимаем, что при обучении ИЯ в техническом вузе, при недостаточном количестве учебных часов, речь может идти только о базовых элементах переводческих навыков, но даже это является важным компонентом формирования профессиональной компетентности специалиста.

Использование электронных ресурсов при обучении переводу. Осознавая, что аудиторного времени для полноценного формирования переводческой компетенции у студентов технического вуза недостаточно, а также учитывая возрастающие объемы информации в любой отрасли знаний, в настоящее время можно и нужно принимать в расчет все имеющиеся возможности применения различных электронных ресурсов для обучения студентов. Существуют, например, такие ресурсы, как электронные словари, базы данных, онлайн-словари сочетаемости и программы языкового корпуса, которые общедоступны и создают равные возможности для студентов с разным уровнем владения ИЯ. Любой учащийся может ввести в компьютер текстовый материал и применить компьютерные ресурсы для его перевода. Именно поэтому многие педагоги считают, что использование переводческого программного обеспечения недопустимо при изучении ИЯ. Однако, поскольку указанные программы общедоступны на различных электронных носителях и позволяют значительно сократить время, затрачиваемое на выполнение переводческих заданий, пока не представляется возможным запретить учащимся их использование.

Понятно, что обучающиеся в той или иной степени будут обращаться при переводе к электронным ресурсам, в частности к машинному переводу (МП), поэтому надо обучать студентов их правильному использованию для профессиональных целей. Нужно признать, что МП значительно облегчает процесс перевода с

ИЯ на родной язык. Следовательно, к студентам необходимо предъявить новые требования, заключающиеся в постредактировании русскоязычного текста, получившегося в результате применения программ МП.

Таким образом, программы МП должны рассматриваться педагогом как инструмент, неизбежно применяемый современными пользователями, поэтому возможности компьютерных ресурсов должны использоваться в дидактических целях. Это означает, что педагог должен четко осознать, какая часть работы выполняется программой, а какие функции отводятся студенту. Необходимо принять во внимание, что поиск значений слов и словосочетаний по словарю в бумажном формате, запись вручную результатов перевода, равно как и определенная часть работы по применению переводческих приемов (например, калькирования, эмпазы, переноса семантических компонентов), будут осуществляться и программой МП. Частичная или полная автоматизация указанных операций должна рассматриваться педагогом как возможность сосредоточиться на обучении студентов другим аспектам перевода, основным из которых является постредактирование.

Качество постредактирования автоматически сгенерированного перевода позволяет оценить степень сформированности основ переводческой компетенции у студентов. Существует большое количество научных исследований, посвященных переводческой компетенции. В них приводятся ее определения и описываются ее компоненты. В качестве рабочего определения мы выбрали трактовку О.А. Артеменко, которая рассматривает переводческую компетенцию как «способность успешно осуществлять языковое посредничество в процессе опосредованной двуязычной коммуникации в профессиональной сфере деятельности посредством преобразования текста (письменного или устного) на одном языке в текст на другом языке при сохранении неизменным плана содержания» [9, с. 11]. Это определение фокусируется на переводе в профессиональной сфере деятельности, что соответствует предмету данного исследования. В данном определении также подчеркивается необходимость сохранения неизменным плана содержания, что особенно важно при переводе научного текста. Любое отклонение от содержания оригинала при переводе такого текста может

повлечь за собой серьезные последствия на этапе практического применения научных знаний. При использовании программ МП план содержания часто не сохраняется, поскольку программа не всегда выбирает правильные значения многозначных слов, а также может допустить грамматические ошибки при переводе сложных по структуре предложений.

На основании приведенного выше определения переводческой компетенции и с учетом неизбежности использования студентами переводческих компьютерных ресурсов можно сделать вывод, что одной из задач современного преподавателя ИЯ при обучении студентов неязыковым направлениям основам профессионально ориентированного перевода является обучение их постредактированию текстов, переведенных с помощью компьютерных программ. Учитывая, что при применении программ МП в некоторой мере уравниваются возможности студентов, в разной степени владеющих ИЯ, это самый проблемный этап. Именно на этапе постредактирования текста, переведенного с помощью компьютера, наиболее целесообразно взаимодействие учащихся для выбора наиболее приемлемого варианта перевода на русский язык.

Рассмотрим взаимодействие студентов на примере редактирования – исправления влияющей на план содержания грамматической ошибки в предложении из текста по специальности «Атомная и тепловая энергетика»:

Исходное предложение: *Published data are used by the two control center applications included in the project.*

Перевод на русский язык с помощью программы МП с выделением учащимся с высоким уровнем языковой подготовки неправильной грамматической формы: *Данные устройств-источников используют два главных элемента управления.*

В указанном примере мы видим допущенную программой МП ошибку в переводе страдательного залога, которая привела к неправильному пониманию субъекта и объекта действия. Учащиеся обсудили ошибку в парах и отредактировали предложение следующим образом:

Данные устройств-источников используются двумя главными элементами управления.

Взаимодействие учащихся при обсуждении вариантов перевода, которое, исходя из наше-

го опыта, протекает в форме равноправного сотрудничества или перерастает во взаимопомощь, может экстраполироваться на постредактирование профессионально ориентированных текстов по разным направлениям подготовки, переведенных с помощью программ МП на любые изучаемые студентами языки. В данном случае сотрудничество учащихся может протекать в Интернете, поэтому их совместная работа над постредактированием текста должна выполняться самостоятельно, что позволит педагогу высвободить время на аудиторном занятии для других видов деятельности.

Анкетирование студентов технического профиля для выявления их оценки своих знаний иностранной и русскоязычной лексики информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и отношения к использованию электронных ресурсов и сотрудничеству при изучении ИЯ. Рассматривая возможности повышения эффективности формирования основ переводческой компетенции у студентов начальных курсов, мы предположили, что этому будет способствовать их совместная учебно-познавательная аналитическая деятельность при переводе профессионально ориентированных текстов с применением электронных ресурсов. С целью проверки данной гипотезы в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого и Чеченском государственном университете было проведено анкетирование студентов, обучающихся по специальности «Информационные технологии». Его цель – выявление их общей оценки своих знаний лексики ИКТ, отношения к использованию электронных ресурсов и сотрудничеству при изучении ИЯ. В опросе приняли участие 108 студентов (80 респондентов из СПбПУ и 28 из ЧГУ). Учащимся было предложено ответить на следующие вопросы:

1. На каком уровне Вы владеете лексикой ИКТ (ИТ) на английском языке?
2. На каком уровне Вы владеете лексикой ИКТ (ИТ) на русском языке?
3. На каком уровне Вы владеете грамматикой английского языка?
4. Пользуетесь ли Вы следующими компьютерными ресурсами:
 - а) электронные словари – ABBYY Lingvo, Multitex, Multitran, Polyglossum;
 - б) программы МП – Google translate, Promt;

в) корпуса иноязычной лексики (British National Corpus...)?

5. Сравните ли Вы возможности различных программ МП?

6. Следите ли Вы за появлением усовершенствованных версий компьютерных переводческих ресурсов?

7. Готовы ли Вы оказывать помощь в переводе студентам с более низким уровнем владения ИЯ?

8. Хотели бы Вы получать помощь от студентов, владеющих ИЯ на более высоком уровне?

9. Заинтересованы ли Вы в сотрудничестве с учащимися, владеющими ИЯ на одном уровне с Вами?

10. Нравится ли Вам объяснять учебный материал другим студентам?

Полученные результаты анкетирования представлены на диаграмме (см. рисунок):

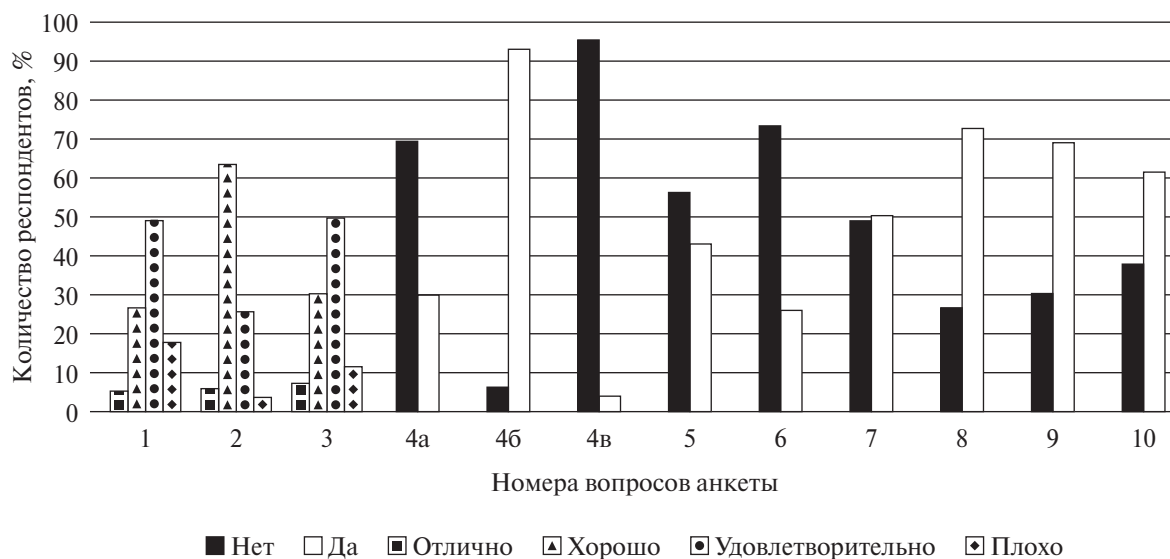
Проанализировав ответы студентов на вопросы анкеты (1–10), можно сделать следующие выводы:

1. Почти половина респондентов оценили свое знание лексики ИКТ на английском языке как удовлетворительное, 27 % – как хорошее, и только 5,6 % участников анкетирования считают, что их знание заслуживает оценки «отлично». Необходимо отметить, что значительное количество опрошенных студентов (18,5 %) утверждают, что их знание англоязычной лексики ИКТ неудовлетворительное.

2. По сравнению со знанием иноязычной профессионально ориентированной лексики, учащиеся на достаточно высоком уровне владеют лексикой ИКТ на родном языке. Большая часть респондентов (70 %) указали на хороший или отличный уровень знания такой лексики.

3. Результаты анкетирования указывают на недостаточную сформированность грамматического компонента переводческой компетенции. Более половины (62 %) респондентов оценили свое знание грамматики английского языка как удовлетворительное (50 %) или плохое (12 %).

4. Большая часть респондентов (69,5 %) не используют электронные словари при переводе с английского языка. Всего 4,6 % участников анкетирования применяют программы языкового корпуса, которые предоставляют предложения, демонстрирующие сочетаемость ключевого слова. Это объясняется тем, что большинство

Общие результаты анкетирования студентов для выявления их знаний лексики ИКТ и отношения к использованию электронных ресурсов и сотрудничеству при изучении ИЯ

опрошенных учащихся (93,5 %) предпочитают применять программы МП, поскольку в этом случае у них не возникает необходимости связывать отдельные слова в предложения и прилагать усилия к пониманию содержания.

5. Более половины (56,5 %) респондентов не сравнивают возможности различных программ МП.

6. Менее трети (28 %) респондентов следят за появлением усовершенствованных версий компьютерных переводческих ресурсов. При совместном выполнении заданий учащиеся могут обмениваться опытом работы с различными ресурсами и осуществлять их выбор методом коллективного обсуждения.

7. Несмотря на явные преимущества взаимодействия и взаимопомощи студентов при переводе с использованием элементов компьютерной обучающей среды, далеко не все учащиеся сознают практическую полезность указанной формы организации учебного процесса. Только 51 % респондентов заявили о своей готовности оказывать помощь в переводе студентам с более низким уровнем владения ИЯ.

8. Анкетирование показало, что 73,1 % респондентов хотели бы получать помощь от студентов, владеющих ИЯ на более высоком уровне.

9. Согласно результатам опроса, 69,5 % респондентов заинтересованы в сотрудничестве с учащимися, владеющими ИЯ на одном уровне с

ними. Указанное процентное соотношение недостаточно показательное и ненамного превышает процент учащихся, готовых оказывать помощь студентам с более низким уровнем знаний.

10. Что касается склонности студентов к объяснению учебного материала сокурсникам, то 62 % опрошенных изъявили желание делиться своими знаниями. Это объясняется, по-видимому, тем, что при необходимости передавать свои знания студенты с более высоким уровнем владения ИЯ повышают свою самооценку и находят практическое применение своим переводческим навыкам.

Итак, согласно результатам анкетирования, студенты невысоко оценивают свои знания профессионально ориентированной лексики английского языка и положительно относятся к использованию электронных ресурсов при ее изучении. Системы МП являются наиболее востребованными в студенческой среде: ими пользуются более 90 % респондентов. Именно поэтому представляется, что принятый нами курс на обучение студентов постредактированию профессионального текста, переведенного с помощью программ МП с ИЯ на русский, оправдан.

Наша гипотеза о благотворном влиянии сотрудничества на обучение ИЯ в неязыковом вузе частично подтверждается. Самыми заинтересованными в сотрудничестве оказались

студенты с более низким уровнем владения ИЯ (свыше 70 %). К сотрудничеству со студентами, владеющими ИЯ на одном уровне с ними, стремятся около 70 % респондентов. Что касается желания сильных студентов оказывать помощь своим сокурсникам, то только чуть более 60 % из них готовы это делать исходя из альтруистических побуждений. Этот показатель является поводом для педагогических раздумий насчет воспитания молодого поколения.

В целом результаты анкетирования позволили дать первоначальную оценку сфор-

мированности переводческой компетенции у студентов, а также наметить шаги для ее дальнейшего формирования. На данный момент уровень сформированности переводческой компетенции в исследуемых группах низок. Недостаточная подготовленность учащихся по ИЯ, непродуктивное использование ими переводческого программного обеспечения, непонимание многими учащимися преимуществ учебного сотрудничества затрудняют формирование основ переводческой компетенции у студентов неязыковых вузов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камышева Л.М. Коммуникативная направленность и перевод: антагонизм или совместимость? URL: <http://pandia.ru/text/78/181/18953.php> (дата обращения: 18.05.2016).
2. Ведель Г.Е. Методы обучения иностранным языкам и их методологическая основа // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Волгоград. 2001. № 1. С. 85–91.
3. Salwak D. Translation is a powerful teaching tool. URL: <https://www.timeshighereducation.com/features/translation-is-a-powerful-teaching-tool?nopaging=1> (дата обращения: 21.10.2015).
4. Лещёва Л.М. Есть ли место переводу в коммуникативном методе обучения? // Управление в социальных и эконом. системах: матер. XX Междунар. науч.-практ. конф. Мн., 2011. С. 338–340.
5. Тер-Минасова С.Г. Проблемы перевода: mission impossible? // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 9–18.
6. Чеботарёв П.Г. Перевод как средство и предмет обучения: науч.-метод. пособие. М.: Высш. шк., 2006. 320 с.
7. Пахомкина М.Е. Роль перевода в преподавании иностранного языка в магистратуре // Изв. Южн. федер. ун-та. Технические науки. 2013. № 10. С. 99–103.
8. Дидактика перевода. Хрестоматия и учебные задания / сост. В.Н. Базылев, В.Г. Красильникова; под ред. В.Н. Базылева. 2-е изд., стер. М., 2012. 128 с.
9. Артеменко О.А. Формирование переводческой компетентности в сфере профессиональной коммуникации у студентов неязыковых специальностей с использованием информационно-коммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калуга, 2009. 24 с.

ДАШКИНА Александра Игоревна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Лингвистика и перевод» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: wildroverprodigy@yandex.ru

АБДУЛЛАХИТОВ Рустам Шахраниевич – ассистент, Чеченский государственный университет.

Россия, 364093, Чеченская Республика, Грозный, ул. Шерипова, 32

e-mail: olhazar_86@mail.ru

A.I. Dashkina, R.Sh. Abdullakhitov

BUILDING THE BASIS OF TRANSLATION COMPETENCE THROUGH STUDENTS' INTERACTION IN COMPUTER LEARNING ENVIRONMENT

Building the basis of translation competence in non-linguistic higher schools students is considered in the computer learning environment with the use of collaborative learning technologies. The authors oppose the researchers denying the use of translation in the process of communicative learning a foreign language. Doing translation exercises, according to the authors, helps students better memorize the terminology and general scientific vocabulary. Building the basis of translation competence through applying electronic resources, such as machine translation tools, is justified by the need to respond to the growing volume of information in all fields of knowledge. Training post-editing machine translation of professionally-oriented texts from English into Russian is proposed as a teaching component in a foreign language class. A survey of engineering students conducted at two national universities revealed their positive attitude to the use of electronic resources and training in cooperation.

TEACHING A FOREIGN LANGUAGE; TRANSLATION COMPETENCE; TRAINING IN COOPERATION; QUESTIONING; COMPUTER LEARNING ENVIRONMENT; TRANSLATION; MACHINE TRANSLATION; POST-EDITING.

REFERENCES

1. Kamysheva L.M. *Kommunikativnaya napravlenost' i perevod: antagonizm ili sovместimost'* [Communicative orientation and translation: antagonism or compatibility]. Available at: <http://pandia.ru/text/78/181/18953.php> (accessed 18.05.2016).
2. Vedel G.Ye. [Methods of foreign language teaching and their methodological basis]. *VGU Bulletin. Ser. Linguistics and Intercultural Communication*, 2001, no. 1, pp. 85–91. (In Russ.)
3. Salwak D. Translation is a powerful teaching tool. Available at: <https://www.timeshighereducation.com/features/translation-is-a-powerful-teaching-tool?nopaging=1> (accessed 21.10.2015).
4. Leshiova L.M. [Is translation relevant in communicative teaching?]. *Upravleniye v sotsialnykh i ekonomicheskikh sistemakh: materialy XX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Management in social and economic systems: materials of XX Int. applied sciences Conf.]. Minsk, 2011. Pp. 338–340. (In Russ.)
5. Ter-Minasova S.G. [The problems of translation: mission impossible?]. *Bulletin of Moscow Univ. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2012, no. 2, pp. 9–18. (In Russ.)
6. Chebotarev P.G. *Perevod kak sredstvo i predmet obucheniya* [Translation as a teaching tool and subject: scientific-methodical textbook]. Moscow, Higher Education Publ., 2006. 320 p. (In Russ.)
7. Pakhomkina M.Ye. [The role of translation in foreign language teaching in magistracy]. *Proceedings of South Federal Univ. Engineering Sciences*, 2013, no. 10, pp. 99–103. (In Russ.)
8. *Didaktika perevoda. Khrestomatiya i uchebnyye zadaniya* [Translation Didactics. Textbook and assignments for students]. Ed. by Bazylev V.N. Moscow, 2012. 128 p. (In Russ.)
9. Artemenko O.A. *Formirovaniye perevodcheskoy kompetentnosti v sfere professional'noy kommunikatsii u studentov neyazykovykh spetsialnostey s ispol'zovaniyem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy*. Avtoref. kand. dis. [Formation of engineering students' translation competence in the sphere of professional communication via applying information-communication technologies. Abst. cand. diss.]. Kaluga, 2009. 24 p. (In Russ.)

DASHKINA Aleksandra I. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: wildroverprodigy@yandex.ru

ABDULLAKHITOV Rustam Sh. — *Chechen State University.*

Ul. Sheripova, 32, Groznyy, Chechenskaya Respublika, 364093, Russia

e-mail: olhazar_86@mail.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2016

А.Н. Сергеев, П.Н. Медведев, А.В. Сергеева

МОДЕЛИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ПРОЕКТНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ

Проектно-технологическая подготовка бакалавров становится значимым средством реализации целей многоуровневой системы образования, направленной не только на приобретение профессиональных знаний и практического опыта, но и на развитие творческого потенциала личности. Основными подходами к исследованию данной проблемы являются положения теории деятельности в процессе познания, теории моделирования и психолого-педагогические принципы проектного обучения. В статье раскрыто особое значение проектирования объектов предметной среды в технологическом образовании. Проектно-технологическая подготовка рассматривается как совместная деятельность студентов и преподавателя, ориентированная на применение уже имеющихся знаний и умений и приобретение новых. В основе такой подготовки лежит моделирование предметов и объектов окружающего мира – деятельность, связанная с изготовлением различных изделий и служащая расширению представлений студентов об основах современного производства, развитию технического творчества, углублению технологических знаний, закреплению умений и навыков по обработке материалов. Формирование творческого потенциала студентов при обучении моделированию осуществляется на поэтапно-уровневой основе: 1) постановка проблемы на основе анализа исходных фактов; 2) формулировка гипотезы; 3) логическое развитие идеи и детализация проекта; 4) воплощение проекта в рисунке, чертеже, модели; 5) материальное воплощение (изготовление). Материалы статьи могут быть использованы в практике проектно-технологической подготовки бакалавров в системе многоуровневого высшего образования, а также при разработке программ дополнительного образования.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ; ПРОЕКТНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА; ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО; МОДЕЛИРОВАНИЕ.

Модернизация технологического образования требует существенного обновления и повышения качества подготовки бакалавров в системе современного педагогического образования.

В основу инновационной модели структуры и содержания технологического образования положен проблемно-информационный подход, который, учитывая требования Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования, предполагает овладение методами учебно-исследовательской и проектной деятельности, решения творческих задач, моделирования, конструирования [1].

При этом особое значение приобретает обучение преобразованию предметного мира, что позволяет построить его объемную модель, в пространстве которой свое место находят объ-

екты материальной культуры и различные виды деятельности по их созданию.

В процессе освоения предметной среды должна формироваться потребность в творчестве как в определенном стиле деятельности мозга – функционально-напряженном и направленном на решение новых задач [2].

Особое значение в технологическом образовании имеет проектирование объектов предметной среды, позволяющее овладеть организационно-практической деятельностью по всей проектно-технологической цепочке – от идеи до ее реализации в модели, изделии, интегрировать знания из разных областей, применять их на практике, создавая при этом новые знания, идеи, материальные ценности.

Важно отметить, что общим направлением интенсификации разработки эффективных тех-

нических решений и способов преобразования предметной среды является их моделирование, которое выступает важной составляющей проектно-технологической подготовки бакалавров.

Проектно-технологическая подготовка рассматривается нами как совместная деятельность студентов и преподавателя, ориентированная не на интеграцию фактических знаний и умений, а на их применение и приобретение новых.

В настоящее время методу моделирования принадлежит большая роль в процессе познания во всех сферах человеческой деятельности. Проведенный анализ показал, что на сегодняшний день накоплен большой опыт использования моделей и метода моделирования для решения разнообразных научных проблем. Однако использование метода моделирования в структуре познания студентами оптимальных методов и способов преобразования материи, энергии и информации и последующего их овладения недостаточно, мало изучены психолого-педагогические и методические аспекты его внедрения и использования в процессе подготовки бакалавров.

Сложность современных технических и технологических систем делает метод моделирования необходимым компонентом изучения каждой системы. При изучении сложного объекта или явления приходится строить его модели, позволяющие исследовать разные стороны данного объекта (явления), его особенности, законы функционирования и развития.

Моделирование предметов и объектов окружающего мира лежит в основе проектно-технологической подготовки, которая ориентирована на выполнение конструкторских заданий, освоение приемов моделирования и проектирования на основе проектно-технологических знаний и умений.

В процессе проектно-технологической подготовки в результате количественных и качественных изменений в организме человека согласно универсальному закону взаимного перехода количественных изменений в качественные происходит всестороннее и целостное развитие личности студентов.

Обучение студентов моделированию характеризуется особой психологической составляющей данного процесса, в котором происходят специфические мыслительные действия, выражающиеся в получении нового идеального про-

дукта – технического замысла или решения. Это можно охарактеризовать как состояние поиска, когда происходят оценивание различных возможных вариантов решений и выбор оптимального из них на основе заданных критериев. Моделирование определяется широтой и глубиной проработки процесса и получения нестандартного, технокреативного результата в виде материального или идеального объекта. Обучение бакалавров моделированию определяется интеграцией гуманитарной (педагогической) и технико-технологической сферы, где творчество является специфическим феноменом, который порождается потребностями развивающейся личности и формирует саму личность [3].

Анализ работ российских и зарубежных авторов (Г.С. Альтшуллера, Д.Б. Богоявленской, А.И. Половинкина, Я.А. Пономарева, Т. Рибо, К. Россмана) показывает, что формирование творческого потенциала студентов при обучении моделированию осуществляется на поэтапно-уровневой основе [4].

1. *Этап побуждения к проектно-технологической деятельности.* Основная задача – вовлечение студентов в творческий процесс и пробуждение их интереса к активной творческой деятельности.

2. *Этап развития активности в усвоении проектно-технологических знаний и умений.* Предполагает повышение творческого потенциала студентов за счет расширения их проектно-технологических знаний, умений, развития способностей. На данном этапе происходит вовлечение студентов в творческий поиск альтернатив решений предлагаемых творческих задач.

3. *Этап продуктивной проектно-технологической деятельности.* Предполагает формирование творческой индивидуальности студента как личности. Задача – развитие индивидуально-личностных качеств студента, его стиля мышления, осознания важности творческого подхода к учебной деятельности.

4. *Этап свободной проектно-технологической деятельности.* Направлен на вовлечение студентов в активное творчество. Основная цель – привлечение их к участию в научно-исследовательских работах, предоставление значительной свободы в деятельности, выборе методики исследований, проведения экспериментальных работ.

По мнению Ю.С. Столярова и Д.М. Комского, процесс моделирования включает ряд последовательных этапов: 1) постановка проблемы на основе анализа исходных фактов; 2) формулировка гипотезы; 3) логическое развитие идеи и детализация проекта; 4) воплощение проекта в рисунке, чертеже, модели; 5) материальное воплощение (изготовление). Результатом моделирования является нахождение идеи технического решения, ее дальнейшее обоснование, расчеты и экспериментальная проверка [См.: 5].

Таким образом, моделированию присущ интегральный характер: оно представляет собой комплексную познавательно-преобразовательную деятельность, состоящую из взаимосвязанных компонентов, таких как теоретические исследования, эксперименты, решение технических задач, создание моделей и устройств реального применения с их последующими испытаниями.

Поскольку процесс создания технического устройства включает в себя целый ряд относительно самостоятельных, но органически связанных между собой этапов, можно говорить о логической структуре моделирования. Этапы процесса моделирования могут отличаться характером технических противоречий, особенностями и уровнем технических задач, над решением которых работают студенты, выполнимостью этих задач, степенью новизны, оригинальности самих задач и их решений. Важную роль в достижении целей моделирования играют средства, способы, методы решения технических задач.

Рассмотрим *основные этапы творческой деятельности при моделировании* (см. рисунок).

I этап. Студенты активно критически осмысливают существующее, уже созданное ранее в избранной области техники. В их сознании формируется проблемная ситуация, которая аналитически осмысливается. Возникает творческий поиск, и, как результат, осуществляется постановка конкретной технической задачи. В сознании обозначаются общие контуры технической задачи, в формулировке которой определяются приблизительная конечная цель поиска, исходные данные, возможные условия решения, необходимые ограничения и средства реализации задачи.

II этап. В сознании студентов зарождается техническая идея устройства. Определяется

принцип действия будущего технического устройства, который либо трансформируется из уже известных, либо устанавливается заново. Идея составляет техническую сущность задачи (излагается устно, письменно или графически). Исключительно активно проявляется познавательная роль моделирования.

III этап. Разработка воображаемой (идеальной) модели будущего устройства, возникающей в сознании как результат мысленного экспериментирования: техническая идея оформляется в схему, определяются функциональная и структурная составляющие разрабатываемого устройства, возникающие в сознании как идеи-образы. Идеальная модель – важная предпосылка к сооружению в перспективе самого технического объекта, начало его воплощения, воображаемая реаль-

Основные этапы поисково-конструкторской деятельности при моделировании

ность. В процессе поисково-конструкторской деятельности идеальные модели выполняют роль мысленных образов, «конструкций», которые человек создает в своем воображении и над которыми совершает мысленные операции и преобразования. Идеи и образы фиксируются с помощью определенных графических средств — схем, эскизов, чертежей, рисунков. В этом виде они обсуждаются, дорабатываются, совершенствуются.

IV этап. Студенты стремятся прийти к соответствию формы содержанию задуманного. Основными характеристиками творческого поиска служат целесообразность, ясность, простота и технологичность конструируемого устройства, оправданность внешних форм и размеров, их оптимальное соответствие назначению объекта моделирования. Достигается это применением таких важных приемов конструирования, как взаимозаменяемость, агрегатирование, инверсия, преемственность. Студенты на собственном опыте убеждаются в действенности основного закона технического творчества — дифференцированного подхода к решению общей проблемы, который, в свою очередь, складывается из отдельных частных решений (разрабатываются заново лишь элементы, непосредственно определяющие новизну изделия).

На этапе конструирования выполняются эскизные или технические проекты, рабочие чертежи, модели или макеты. В основе конструирования лежат технические расчеты. На этом этапе не исключена также опытная проверка отдельных деталей и частей устройства. Однозначно применение расчетов и технического обоснования при конструировании наглядно демонстрирует связь теории с практикой, их взаимопроникновение. Решение новых технических задач выявляет недостаточность имеющихся в распоряжении студентов данных, что побуждает их к подбору деталей и последовательному достижению наиболее приемлемого конструктивного решения, к введению ограничений, упрощений и допущений.

V этап. Постройка и испытание действующей модели (модельный эксперимент): проверяются на практике реальность идеи, целесообразность технических решений, происходят их материализация и проверка на осуществимость и рациональность. Технические модели

могут иметь разную степень приближенности к прототипу, но в данном случае их наиболее существенным качеством является изофункциональность. В зависимости от сложности решаемой задачи модели для экспериментов могут быть этапными, постепенно усложняющимися, главным образом — динамическими. Они выполняют познавательную и эвристическую функцию, являются материальной основой процесса технического творчества (если не ставится последующая задача создания устройства реального применения, экспериментирование с моделью может служить заключительным этапом конструкторской разработки технического объекта).

VI этап. На основании разработок, выполненных на теоретической стадии моделирования, а также благодаря постройке экспериментальной модели и ее испытаниям может быть создано техническое устройство реального применения. Данный этап поисково-конструкторской деятельности можно отнести к области изобретательства и рационализаторства.

VII этап. Оформление технической документации — заключительная стадия процесса моделирования. Применяется в целях внедрения творческих разработок в серийное производство.

Практика показывает, что в зависимости от начальной целевой установки, ожидаемого конечного результата и развития творческого процесса возможно упрощение алгоритма поисково-конструкторской деятельности в виде отсечения некоторых его этапов (например, этапов IV–VI).

Подготовка технической документации и изготовление модели имеют важное значение для решения задач технологического образования. В некоторых случаях эти два этапа по своему значению становятся главными для учебного процесса.

Обучая студентов моделированию, важно показать использование закономерностей и явлений природы в практической деятельности человека, ознакомить с основами современных производств. При этом нужно связать знания студентов по основам наук с их практической деятельностью.

Деятельность студентов в процессе моделирования заключается главным образом в разработке технической документации и из-

готовлении модели. Поэтому приходится ориентироваться прежде всего на такие модели, которые являются наиболее удобными для включения студентов в разработку чертежей, составление технологического процесса, изготовление деталей модели и их сборку. В некоторых случаях испытание модели может заменяться контролем ее точности [5].

Таким образом, под моделированием в условиях обучения понимается деятельность, связанная с изготовлением различных изделий и служащая для расширения представлений студентов об основах современного производства, развития конструкторского творчества, углубления технологических знаний, закрепления умений и навыков по обработке материалов. Решающее значение имеет не объект работы, а те задачи, которые ставятся перед студентами в процессе его изготовления.

Основными требованиями, которыми следует руководствоваться при выборе объектов моделирования и определении задания студентам, являются:

- приемлемость с точки зрения задач технологического образования;
- базирование на знаниях студентов по основам наук;
- использование главным образом тех умений и навыков, которые студенты приобрели при изучении других дисциплин;

- посильность заданий для студентов.

Для моделирования как педагогического процесса характерно не только проявление оригинальности в действиях и в достижении новых результатов со стороны субъектов учебного процесса, но и умение предвидеть и оценивать результаты и значимость своих собственных достижений. Особое влияние на формирование творческого компонента профессиональной компетенции оказывают приемы умственной деятельности – анализ и синтез, сравнение, классифицирование, абстрагирование, обобщение, умозаключения по аналогиям. Поэтому в процессе проектно-технологической подготовки студентов данным приемам должно быть уделено особое внимание, так как они существенно влияют на развитие оригинальных подходов и методов решения технических задач, позволяют по-новому связывать известные факты и явления с получением новых общественно или личностно значимых знаний.

Анализ психолого-педагогических исследований и опыта творческой деятельности свидетельствует об особой роли моделирования как способа формирования проектно-технологической компетенции обучаемых, повышения их квалификации в решении задач и заданий конструкторско-технологического характера с постепенным их усложнением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергеев А.Н., Сергеева А.В., Медведев П.Н., Медведева Н.В. Проблемно-информационный подход как основа инновационной модели структуры и содержания предметной области «Технология» // Пробл.-информ. подход к реализации целей соврем. образования: вопросы теории и практики: матер. XI Междунар. науч.-практ. конф. «Образование на грани тысячелетий» (Нижевартовск, 5 ноября 2015 г.) / отв. ред. Л.И. Колесник. Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2016. С. 54–56.

2. **Техническое** творчество учащихся: книга для бакалавров и учителей технологии / В.М. Заёнич, В.Е. Шмелёв, П.Н. Медведев [и др.]; под ред. А.А. Карачева. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 430 с.

3. Сергеев А.Н., Сергеева А.В., Медведев П.Н. Инновационные подходы к формированию технологической компетентности будущего учителя // Изв. ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 4. Ч. 2. С. 215–224.

4. **Банников В.А.** Техническое творчество как средство формирования профессиональной компетентности будущих учителей технологии в процессе их подготовки в педагогическом вузе: дис. ... канд. пед. наук. Тула, 2008. 182 с.

5. **Медведев П.Н.** Формирование проектно-технологической компетенции бакалавров в процессе обучения моделированию: моногр. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing Gmbh&Co. KG, 2012. 156 с.

СЕРГЕЕВ Александр Николаевич – доктор педагогических наук, заведующий кафедрой Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Россия, 300026, Тула, пр. Ленина, 125
e-mail: ansergueev@mail.ru

МЕДВЕДЕВ Павел Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Россия, 300026, Тула, пр. Ленина, 125
e-mail: medvedeffpn@yandex.ru

СЕРГЕЕВА Александра Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Россия, 300026, Тула, пр. Ленина, 125
e-mail: avsergueeva@mail.ru

A.N. Sergeev, P.N. Medvedev, A.V. Sergeeva

MODELING IN THE BACHELORS' DESIGN AND TECHNOLOGICAL PREPARATION SYSTEM

The relevance of the research due to the fact that the bachelors' design and technological preparation is becoming a significant means of implementation of the goals of multilevel education system focused not only on the acquisition of professional knowledge and practical experience, but also on the development of the creative potential of the person. The main approaches to the research of the problem of the theory of activity are in the process of cognition, theory of modeling and psycho-pedagogical principles of project-based learning. The article reveals the special importance of designing objective environment objects in technological education. Design and technological preparation is seen as a joint activity of students and teachers, focused on application of knowledge and skills and acquire new ones. The basis of design and technological preparation is modeling of objects and objects of the world. By modeling refers to activities related to the manufacture of various products and the expansion of employee perceptions of students about the basics of modern production, the development of technical creativity, deepening technological knowledge, consolidate skills on materials processing. Formation of creative potential of students in the training simulation is carried out on the basis of stages-level: 1) formulation of the problem by analyzing the source of the facts; 2) formulation of hypotheses; 3) the logical development of ideas and details of the project; 4) project in the embodiment of figure drawing model; 5) material embodiment (manufacturing). Article Submissions may be used in the practice of design and technological preparation of bachelors in the system of multi-level higher education, as well as the development of supplementary education programs.

TECHNOLOGY EDUCATION; DESIGN AND TECHNOLOGICAL TRAINING; TECHNICAL CREATIVITY; MODELING.

REFERENCES

1. Sergeyev A.N., Sergeyeva A.V., Medvedev P.N., Medvedeva N.V. [Problem-information approach as the basis for an innovative model of structure and content of the subject area "Technology"]. *Problemno-informatsionnyy podkhod k realizatsii tseley sovremennogo obrazovaniya: voprosy teorii i praktiki: materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Obrazovaniye na grani tysyacheletiy"* ["Problem-information approach to the realization of the goals of modern education: Theory and practice"]. Proc. of the Int. Forum "Education on the brink of the millennium". Nizhnevartovsk, 2016. Pp. 54–56. (In Russ.)
2. Zayonchik V.M., Shmelev V.Ye., Medvedev P.N., Pushkarev A.Ye., Sergeyeva O.V. *Tekhnicheskoye tvorchestvo uchashchikhsya: kniga dlya bakalavrov i uchiteley tekhnologii* [Technical creativity of pupils: the book for bachelors and technology teachers]. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2008. 430 p. (In Russ.)
3. Sergeyev A.N., Sergeyeva A.V., Medvedev P.N. [Innovative approaches to the formation of the technological competence of the future teachers]. *Tula State Univ. J.: Humanities sciences*, 2014, no. 4, pt. 2, pp. 215–224. (In Russ.)
4. Bannikov V.A. *Tekhnicheskoye tvorchestvo kak sredstvo formirovaniya professional'noy kompetentnosti budushchikh uchiteley tekhnologii v protsesse ikh podgotovki v pedagogicheskom vuze*. Kand. dis. [Technical creativity as means of formation of professional competence of future teachers of technology in the process of their preparation in pedagogical high school. Cand. diss.]. Tula, 2008. 182 p. (In Russ.)
5. Medvedev P.N. *Formirovaniye proyektno-tekhnologicheskoy kompetentsii bakalavrov v protsesse obucheniya modelirovaniyu* [Formation of design and technological competence of bachelors in the learning process modeling: a monograph]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing Gmbh&Co. KG, 2012. 156 p. (In Russ.)

SERGEEV Aleksandr N. — *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.*

Ul. Lenina, 125, Tula, 300026, Russia

e-mail: ansergueev@mail.ru

MEDVEDEV Pavel N. — *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.*

Ul. Lenina, 125, Tula, 300026, Russia

e-mail: medvedeffpn@yandex.ru

SERGEEVA Aleksandra V. — *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.*

Ul. Lenina, 125, Tula, 300026, Russia

e-mail: avsergueeva@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences**

№ 3 (250) 2016

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.А. Мельниченко – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Лицензия ЛР № 020593 от 7 августа 1997 г.

Подписано в печать 31.10.2016 г. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,12. Уч.-изд. л. 22,12. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Отпечатано в типографии Издательства Политехнического университета:
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ПЕДАГОГИКА; ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

(812) 294-47-72 с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ – Алексей Анатольевич

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru